

готовить учителей къ исполненію мѣстъ въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ своего округа. Такимъ образомъ, затрудненія отъ дальняго пути и отъ перемѣны климата столько опасной для здоровья, равно какъ и отъ скоропостижной перемѣны мѣста, окруженнаго стѣнами и почти безмолвнаго, на шумную и роскошную столицу, перемѣны, кажется, не меньше опасной для нравственности молодыхъ людей, исчезнуть сами собою. Семпнаристы всеконечно предпочтутъ ѣхать въ Харьковъ, коль скоро не взяты будутъ мѣры необходимости, а на волю ихъ предоставится избрать тотъ или другой путь, да и неоспоримою истинною принять можно, что они больше причинъ будутъ имѣть къ соревнованію въ наукахъ, находясь почти въ виду своихъ родителей, родственниковъ, друзей и тѣхъ начальствъ, предъ очами которыхъ всегда лестно для нихъ было успѣхами отличатся. Съ другой стороны, я не вижу возможности наполнить педагогическій институтъ университета ближе и соотвѣтственнѣе его назначенію, какъ съ помощію семинаріи. Мысль вашего превосходительства была всегда, что не должно отлагать введеніе системы по части народнаго просвѣщенія, на предварительныхъ онаго правилахъ начертанной, и что тѣмъ менѣе должно отъ оной удаляться, на сей мысли я основываю покорнѣйшее мое представленіе. Впрочемъ, въ тамошнихъ мѣстахъ вообще ласкаются надеждою, что главное училищъ правленіе исходатайствуетъ всемилостивѣйшее позволеніе пользоваться преподаваніемъ наукъ въ университетахъ и гимназіяхъ безъ различія состояній духовнаго отъ гражданскаго. Будетъ ли сіе соотвѣтствовать общественной и государственной пользѣ, я не смѣю здѣсь разрѣшить, но представляю по всеѣмъ правамъ судить о томъ вашему просвѣщенному разуму и вашему сердцу, которыхъ высокими предметами всегда были: слава возлюбленнѣйшаго изъ монарховъ и благо его вѣрноподданныхъ.

Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ.

Іюня 10-го 1803 г. ¹⁾).

¹⁾ Арх. харьк. депут. собр. Дѣло объ учрежденіи Харьк. унив. Филадельфъ Васильевичъ сообщаетъ, что на копіи этого представленія самъ Василій Назарьевичъ сдѣлалъ характерную приписку: „подъ разными видами и предлогами представляема была къ подписанію 4 раза; въ 5-й, наконецъ, соглашено написать приложенное здѣсь по сему предмету ноябрю“.... Изъ этого можно заключить, говоритъ Филадельфъ Васильевичъ, какъ не легко доставалась ему каждая министерская бумага по харьковскому дѣлу (Рус. Стар., ноябрь, 1875, стр. 473).

Пребываніе Каразина въ Харьковѣ ознаменовалось между прочимъ посылкою отъ имени губ. пред. Донца-Захаржевскаго циркулярнаго обращенія къ уѣзднымъ предводителямъ ¹⁾, въ которомъ они приглашались явиться въ Харьковъ по университетскому дѣлу.

Сѣздъ уѣздныхъ предводителей дѣйствительно состоялся 21 апрѣля 1803 г., но онъ отклонилъ отъ себя всякое участіе въ дѣлѣ распоряженія дворянскою суммою.

На этомъ засѣданіи состоялся цѣлый рядъ важныхъ постановленій. „Всемилоствѣйшій государь, такъ начинается протоколъ этого засѣданія, изъявляетъ въ рескриптѣ благоволеніе свое къ дворянству губерніи за приношеніе его на университетъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя самымъ незабвеннымъ, самымъ лестнымъ для истинной славы образомъ предадутъ о семъ подвигѣ память потомству. Благословляя

¹⁾ Въ циркулярѣ Донца-Захаржевскаго, составленномъ Васиіемъ Назарьевичемъ, говорится: „лестно для сердца моего, что я патриотическому подвигу почтеннаго нашего корпуса избранію обязанъ за полученный мною лично знакъ монаршей милости; лестно видѣть, что всемил. государь, къ засвидѣтельствованію благоволенія своего, толико драгоценнаго для сего корпуса, удостоилъ причестъ и сіе отличіе. Вы получили уже писмо гражданскаго губернатора, содержащее приглашеніе его превосходительства въ Харьковъ, чтобъ при семъ случаѣ не упустить сдѣлать окончательнаго положенія о сборѣ и точномъ назначеніи дворянской суммы; нахожу я необходимо нужнымъ, чтобъ вы, мил. гос. мой, испросили у дворянства вашего уѣзда довѣренность на избраніе ваше, обще съ другими господами предводителями, членовъ комиссіи университета, такъ какъ весьма затруднительно будетъ единственно для сего предмета составлять общее собраніе дворянства. Вы изволили замѣтить изъ Высочайше изданныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, что распоряженіе всѣми суммами на училища подчинено уже общему закону и ввѣрено главному правленію училищъ и попечителямъ университетовъ, составляющихъ оное; слѣдовательно, три члена комиссіи, предположенные нами въ актѣ 1 сентября прошедшаго года, изберутся на тотъ лишь конецъ, чтобъ чрезъ нихъ сдѣлать дворянство свидѣтелемъ благонамѣреннаго употребленія его суммы. Должность ихъ не можетъ быть затруднительна и всегдашнее пребываніе въ губернскомъ городѣ не есть необходимость. Присемъ прилагаю и копін съ отношенія ко мнѣ попечителя Харьковскаго округа и съ довѣренности его сіятельства, данной сочлену нашему Васиію Назарьевичу Каразину, на основаніи которыхъ я считаю нужнымъ безъ замедленія приступить къ открытію комиссіи, ибо желаніе попечителя есть—въ теченіе нынѣшняго же лѣта открыть университетъ. Къ счастью, въ семъ не встрѣтится затрудненій; съ одной стороны я увѣренъ, что господа уѣздные предводители собственною дѣятельностью и примѣромъ расположатъ благородное дворянство къ скорѣйшему взносу суммы, съ другой высшее правительство никакихъ не упуститъ мѣръ: донынѣ уже облегчило оно всѣ къ тому пути, назначивъ достойное помѣщеніе для сего важнаго училища и сумму изъ государственныхъ казначействъ въ пособіе дворянской, о чемъ въ пріѣздъ вашъ сюда вы подробнѣе узнать изволите“.

тысячекратно волю и десницу просвѣщенѣйшаго изъ монарховъ, начертавшаго сіе свидѣтельство нашего усердія, мы потщимся оправдать оное на всегда въ очахъ обширной Россіи своимъ рвеніемъ къ общему благу, своимъ единодушіемъ къ исполненію великихъ намѣреній, руководящихъ нынѣ судьбу нашу^а. За тѣмъ собраніе представило подробную табель взноса 400-тысячной суммы на университетъ, распредѣливъ ее на 6 лѣтъ¹⁾. При этомъ предводители отклонили избраніе членовъ изъ своей среды для участія въ университетской комиссіи и въ распоряженіяхъ этими деньгами, что проэктировалъ нѣкогда Каразинъ и что предлагалъ имъ въ особомъ письмѣ вновь назначенный попечителемъ графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій; „дворянство ограничиваетъ себя единожды на всегда взносомъ суммы“, такъ какъ по предварительнымъ правиламъ народнаго просвѣщенія распоряженіе суммами должно было находиться въ рукахъ самого правительства. Собраніе выразило свою признательность министру внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубею и всѣмъ лицамъ, „которые обращали на нихъ вниманіе государя“. Депутату Каразину поручалось и впредь ходатайствовать о 3-мъ пунктѣ данной ему инструкціи, такъ какъ это неразрывно связывалось съ благосостояніемъ университета и пользами страны, для которой онъ учрежденъ. В. Н. Каразинъ обратился въ собраніе съ письмомъ, въ которомъ извѣщалъ, что ген.-лейт. Ос. Ив. Хорватъ, хотя и не былъ помѣщикомъ слоб. укр. губ., но пожелалъ, въ интересахъ просвѣщенія и въ силу прежней своей принадлежности къ харьковскому дворянству, внести на Харьковскій университетъ 5000 р. въ 5 сроковъ. Собраніе

¹⁾ Интересна составленная тогда табель. Вся 400,000 сумма должна была быть внесена въ 6 сроковъ, каждый разъ по 66,666 р. 67 к.: 1-й срокъ наступалъ 1 сентября 1803 г., 2-й 1 сентября 1804 г., 3-й 1 сентября 1805 г., 4-й 1 сентября 1806 г., 5-й 1 сентября 1807 г. и 6-й 1 сентября 1808 г. Вся эта сумма составлялась изъ слѣдующихъ статей: 66,910 р., которые причитались харьковскому дворянству отъ казны за фуры и волы, доставленные ей во 2-ю турецкую войну, 41,279 р. 50 к., которые должны были поступить съ слободско-украинской губ. на военное училище, 18,347 р., которые обязаны были внести для той же дѣли три уѣзда, отошедшіе отъ харьковской къ воронежской губ. (острогжскій, богучарскій и старобѣльскій), 273,463 р. 50 коп., которые разложены были между дворянскими помѣщиками всѣхъ 10 уѣздовъ харьковской губ., при чемъ на долю харьковского уѣзда пришлось 28,681 р. 38 к., богодуховского 23,483 р. 46 к., ахтырского 22,066 р. 99³/₄ к., сумского 48,206 р. 73 к., змѣевского 13,717 р. 47 к., изюмского 38,646 р. 27 к., купянского 12,911 р. 26³/₄ к., валковского 17,020 р. 86³/₄ к., волчанского 31,063 р. 20³/₄ к., лебединского, 37,819 р. 17³/₄ к. (Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло канц. попечителя № 1 по архиву, № 1 по картону).

поручило Каразину выразить Хорвату глубокую признательность за это дѣло, „которое само въ себѣ заключаетъ и похвалу въ себѣ“. Наконецъ тутъ же была принята слѣдующая резолюція по дѣлу Капустянского.

„Разсуждая о собраніяхъ въ уѣздахъ и въ губернскомъ городѣ дворянскаго корпуса, находятъ: 1-е, что удаленіе большой части гг. дворянъ отъ оныхъ есть важное препятствіе къ достиженію общихъ польвъ, которыя токмо единомысліемъ и откровеннымъ другъ съ другомъ обращеніемъ познать и стяжать возможно, 2-е, что сіе удаленіе подаетъ поводъ къ разнovidному толкованію положеній, сдѣланныхъ дворянами, бывшими на лицо въ собраніяхъ, иногда же и къ совершенному отрицанію ихъ исполнять, не взирая, что отъ воли каждаго всегда зависить пріѣхать или на бумагѣ сообщить свое мнѣніе заблаговременно, 3-е, что если не взять мѣръ въ отвращеніе таковыхъ разногласій и холодности къ общему дѣлу, то и свобода, Августѣйшими Монархами дворянству представленная, и честь, которую оно снискать можетъ благо-разумнымъ ея употребленіемъ, нечувствительно удаляются изъ виду и остаются въ однихъ словахъ, не бывъ нигдѣ обнаружены на дѣлѣ, предводители слободско-украинскаго дворянства, убѣждаясь толико важными причинами и взявъ въ основаніе извѣстные законы на сей случай, полагаютъ слѣдующее: 1-е, по долгу своего званія почтительнѣйше напомнить благородному дворянству, что, по уставамъ и обычаямъ дѣлаго свѣта, собраніе, на которое всѣ были формально приглашены въ свое время и отъ онаго формально не отреклись, почитается рѣшительнымъ или имѣющимъ право общаго приговора, изъ колкаго бы числа лицъ оное не состояло, что въ противномъ случаѣ, такъ какъ никогда невозможно собрать всего корпуса, если оный многочисленъ и разсѣянъ на большомъ пространствѣ, то никогда бы и нигдѣ не было рѣшительнаго собранія, а сіе противорѣчить и разуму, и событію вещи, что молчаніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ожидаютъ отъ какой либо особы выраженія ея мыслей на предложеніе, не можетъ быть иначе сочтено, какъ за формальное согласіе той особы, что таковое молчаніе въ дѣлахъ важныхъ, гдѣ всякій долженъ нести свою долю свѣдѣній, опытности и усердія ко благу общему, есть или непростительное пренебреженіе, или признательное подчиненіе собственной воли волѣ разсуждающихъ голосовъ и, слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ неозвратно замѣняется приговоромъ сихъ голосовъ и таковой приговоръ долженъ имѣть полную свою силу, тѣмъ паче, когда въ нарочитое время, напримѣръ, въ продолженіе таковыхъ сроковъ, кои законами почтены довольными для представленія апелляціи на рѣшеніе присутственныхъ мѣстъ, не воспослѣдовало никакого возраженія; 2-е, предоставить губернскому предводителю донести о семъ

положенія Его Сіятельству министру внутреннихъ дѣлъ и всенароднѣйше испросить просвѣщеннаго начальническаго его разрѣшенія, какіи собственно мѣры взять должно, дабы расположить на предбудущее время господъ дворянъ къ составленію своихъ собраній полиціе, нежели каковы они обыкновенно бываютъ, и для побужденія исполнять сдѣланныя на оныхъ постановленія, имѣя при семъ наипаче въ предметѣ, что чрезъ многочисленные токмо и сколько возможно общіе съѣзды дворянъ можно достигнуть до того, что выборы чиновниковъ въ уѣздахъ и губерніи всегда будутъ самые совершеннѣйшіе и послужать къ общей пользѣ и чести дворянства. Опытъ показалъ, что, не взирая таковыхъ мѣръ, всѣ побудительныя къ сему предписанія самого начальства будутъ недостаточны¹⁾.

Отвѣтъ министра на общую часть этого представленія былъ полученъ въ іюлѣ 1803 года и категорически подтвердилъ мнѣніе харьковскихъ предводителей объ обязательности общихъ рѣшеній дворянъ, въ какомъ бы числѣ эти послѣдніе ни собрались, такъ какъ жалованная дворянская грамота процента съѣхавшихся относительно общаго количества не опредѣляетъ²⁾.

Но и это категорическое заявленіе министра не разрѣшило дѣла, не устранило оппозиціи противъ дворянскаго постановленія. — Эта послѣдняя шла отъ многихъ частныхъ лицъ и особенно замѣтно проявилась, кромѣ изюмскаго, еще и среди волчанскаго дворянства.

О томъ, какъ туго шли сборы въ волчанскомъ уѣздѣ, видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Еще въ мартѣ мѣсяцѣ мѣстный уѣздный предводитель дворянства писалъ Донцу-Захаржевскому: „предписаніе вашего высокоблагородія о взносѣ суммы для заведенія университета народнаго просвѣщенія я имѣлъ честь получить и, что слѣдуетъ ко взносу денегъ отъ меня представить, я всегда готовъ; всѣ же присутствующіе не имѣютъ ни одной души, исключая судьи, за которымъ числится 18 душъ; примѣра (къ пожертвованіямъ) нужно ожидать отъ великопомѣстныхъ владѣльцевъ; но они, а на нихъ смотря и другіе, ни одинъ разъ по тремъ приглашеніямъ на общее собраніе въ уѣздный городъ пріѣхать не поохотились. Какимъ же образомъ могу я лично имѣть съ ними свиданіе? И если и впредь будетъ происходить таковое же равнодушіе къ общимъ положеніямъ и нужнымъ совѣтамъ, то нельзя будетъ ожидать и лучшаго успѣха, развѣ не угодно-ли будетъ вамъ отъ себя сдѣ-

¹⁾ Архивъ харьк. двор. депутатскаго собранія. Дѣло объ учрежденіи въ Харьковѣ университета.

²⁾ Ibidem, стр. 430, 431.

лать къ нимъ убѣдительное напоминаніе объ усерднѣйшемъ исполненіи общихъ положеній; за всѣмъ тѣмъ я не останавливаясь буду непре- станно прилагать всевозможнѣйшее и прилежнѣйшее стараніе о сборѣ денегъ; но въ случаѣ медленности, я васъ прошу извинить меня, какъ невиновнаго въ этомъ, а укажете на тѣхъ, которые по всей справед- ливости будутъ достойны замѣчанія отъ васъ". 3-го мая 1803 г. со- стоялось общее собраніе дворянъ волчанскаго уѣзда, на которомъ между прочимъ не признано было возможнымъ утвердить раскладки суммъ, произведенной на сѣздѣ харьковскихъ предводителей дворянства 21 апрѣля 1803 г. Для такой раскладки волчанскіе дворяне требовали об- щаго сѣзда дворянъ въ Харьковѣ; самую подпись своего предводи- теля подъ протоколомъ 21 апрѣля волчанскіе дворяне признали неза- конной ¹⁾. Сверхъ того одинъ волчанскій помѣщикъ, майоръ Времева, прямо отказывался производить уплату на университетъ изъ тѣхъ своихъ волчанскихъ имѣній, которыя не пользовались малороссійскими привил- легіями, а были на правахъ великороссійскихъ земель: въ такомъ именно положеніи находилось 634 д. его крестьянъ, обитавшихъ въ сл. Воло- ховѣ и Ивановѣ; привиллегіями же пользовалось только 52 чел. его подданныхъ, жившихъ въ х. Плотнянскомъ и на рѣкѣ Хотомлѣ ²⁾.

Губернскій предводитель дворянства долженъ былъ употребить мѣры, чтобы парализовать дѣйствіе постановленія волчанскихъ дворянъ, и съ этою цѣлью обратился съ убѣжденіями къ наиболѣе вліятельнымъ изъ нихъ,—къ Кон. Мих. Донцу-Захаржевскому и Мих. Черноглазову. Указавъ на несоотвѣтствіе этого протокола, подписаннаго только 10 дво- рянами безъ предводителя дворянства, съ общимъ дворянскимъ поста- новленіемъ, губернскій предводитель спрашивалъ: съ чѣмъ они сог- ласны—съ 10-ю волчанскими дворянами, или общимъ собраніемъ дво- рянъ харьковской губерніи. Кон. Мих. Захаржевскій объяснилъ въ своемъ отвѣтѣ, что его имя вписали въ протоколъ безъ его вѣдома и что онъ согласенъ съ губернскимъ предводителемъ. Черноглазовъ объ- яснилъ, что хотя онъ не знаетъ хода дѣлъ на дворянскомъ сѣздѣ въ Волчанскѣ, но такъ какъ въ протоколѣ, по словамъ предводителя, есть "нѣчто противное", то онъ и отказывается отъ него ³⁾.

О незаконномъ постановленіи волчанскаго дворянства Донецъ-Захар- жевскій писалъ и губернатору Артакову. Но губернаторъ держалъ

¹⁾ Архивъ харьк. депутат. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem.

сторону оппозиціи. Въ своемъ письмѣ министру внутреннихъ дѣлъ Донецъ-Захаржевскій объяснялъ, что Артаковъ не считалъ приговора 1 сентября 1802 г. *общимъ*, такъ какъ его не подписалъ Капустянский и отъ этого произошли разные порядки; такъ, въ Волчанскѣ помѣщикъ Дм. Хорватъ, подписавшій протоколъ 1 сентября, съ 10-ю дворянами сдѣлалъ приговоръ, не согласный съ общимъ постановленіемъ дворянства. То же въ Изюмскомъ уѣздѣ сдѣлалъ Капустянский, за что и преданъ суду уголовной палаты. Еще раньше (въ апрѣлѣ 1803 г.) Донецъ-Захаржевскій подалъ на Капустянского жалобу въ харьковское губернское правленіе и въ этой жалобѣ просилъ объ отрѣшеніи его отъ должности ¹⁾. Рѣшилось это дѣло только въ слѣдующемъ 1804 г. Богодуховскій помѣщикъ, извѣстный своею непримиримою враждою къ роду Каразиныхъ, Савва Альховскій отказывался даже уплачивать старый взносъ на военное училище. Это тотъ самый Альховскій, въ память наѣзда котораго на крестьянъ с. Кручика отецъ Василія Назарьевича Назарій Александровичъ Каразинъ вылилъ свой знаменитый колоколъ съ слѣдующею надписью: *„сей колоколъ—кровь вопиющая къ Богу людей села Кручика и дер. Основинецъ, побитыхъ Саввою Васильевымъ сыномъ Ольховскимъ 1776 г. августа 15 дня“*. Къ этому колоколу былъ при-

¹⁾ Вотъ текстъ этой жалобы: „Изюмскаго уѣзда помѣщикъ коллежскій ассесоръ Николай Шидловскій въ оригиналѣ доставилъ ко мнѣ прилагаемое при семъ въ копіи г. предводителя того же уѣзда Василія Капустянскаго къ нему отношеніе, жалуюсь на него въ томъ, что онъ по препорученію моему, которое я на него, по случаю полученнаго рескрипта, изъявляющаго Высочайшее благоволеніе, возложить почелъ себя обязаннымъ учредить и ускорить образъ складки, пожертвованной дворянствомъ отъ избытковъ своихъ, на Харьковскій Императорскій Университетъ суммы, дѣлаетъ ему, Шидловскому, препятствія, въ дѣлѣ, удостоенномъ Высочайшаго Императорскаго благоволенія, и помѣшательства; я, убѣждаясь съ одной стороны ревностью къ содѣйствію общенароднаго блага, а съ другой оскорбляясь Всеподданнической моею вѣрности кощунствомъ и превратными толками его Капустянскаго о Высочайшихъ милостяхъ, излитыхъ отъ Е. И. В. на здѣшнее дворянство, заставляюсь упомянутое Капустянскаго отношеніе, дерзнувшее за предѣлы дозволенности, какъ то губернское правленіе усмотрѣть изволить, представить оному правленію на законное съ нимъ поступленіе и о удаленіи его, Капустянскаго, отъ настоящаго званія предводителя, въ прекращеніе препятствій и помѣшательства въ дѣлахъ дворянскихъ, отъ стороны его чиненныхъ и чинимыхъ, на мѣсто же его утвердить слѣдующаго по большинству баловъ г. Шидловскаго, удостоеннаго за особенное его содѣйствіе въ пожертвованіи на Университетъ суммы Высочайшаго благоволенія и званіе сіе съ особеннымъ ревнованіемъ и благонамѣренностью отправляющаго“.

(Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попеч. № 1 по архиву, № 1 по картону).

крѣпленъ часовой молотъ, который билъ часы въ слово имени Саввы ¹⁾. Изъ-за этого между ними возникли сильная вражда и судебные процессы. Можно представить себѣ поэтому, какъ Альховскій долженъ былъ отнестись и къ сыну Назарія Александровича, и къ его прозкутъ объ учрежденіи въ Харьковѣ университета. Подобно Капустинскому, онъ воспользовался однимъ выраженіемъ государева манифеста (о добровольномъ характерѣ пожертвованій) съ тѣмъ, чтобы вовсе ничего не платить. Вотъ что писалъ онъ въ отвѣтъ на четырехкратное напоминаніе о взносѣ въ размѣрѣ 150 р. 75 к. (извѣщеніе отъ Никитовскаго волостного правленія, по требованію уѣзднаго предводителя Куликовскаго, было объявлено ему въ числѣ прочихъ Мураховскимъ атаманомъ): „1803 года іюня 6 дня сей приказъ мнѣ въ селѣ Шаровкѣ объявленъ, на который объявляю, что по чинимымъ до сего вынудительнымъ требованіямъ отъ меня денегъ по симъ же предметамъ, о коихъ въ семь приказѣ упоминается, я уже тоекратно письменными на приказахъ отзывами, а именно—сего 1803 г. генваря 7 и генваря же 16 и апрѣля 9 чиселъ, объяснялъ, съ довлѣмою благопристойностію, показывая тому искреннія причины, тѣмъ паче, что таковыя по означеннымъ предметамъ вынудительныя требованія поборовъ многими уже Высочайшими рескриптами возбранены и повсюду возбраняются, то и нынѣ все въ тѣхъ отзывахъ моихъ сказанное подтверждаю съ пополненіемъ, что я по таковымъ вынудительнымъ противъ Высочайшихъ рескриптовъ чинимымъ требованіямъ давать денегъ не могу и къ дачѣ оныхъ нынѣшнее принужденіе почитаю уже насильствомъ, наносящимъ неповинное утѣсненіе, на каковое упомянутый въ приказѣ господинъ предводитель дворянства чрезъ нижній земскій судъ поступаетъ въ явную противность Высочайшихъ рескриптовъ на предметъ добровольныхъ каждаго посылныхъ отъ избытковъ на училища даваній послѣдовавшихъ, ибо по онымъ рескриптамъ по всѣмъ губерніямъ, какъ значитъ и по печатнымъ вѣдомостямъ, каждый даетъ по своей волѣ, а не вынудительно, что можетъ деньгами или матеріалами, а не могущій давать нигдѣ какъ и здѣсь къ дачѣ чего либо не принуждается; о чемъ для увѣдомленія господина предводителя и въ четвертый разъ сіе объявляю, подписуюсь—майоръ Савва Альховскій ²⁾“. Съ предводителемъ дворянства (Кули-

¹⁾ См. мою статью „Наз. Ал. Каразинъ и его колоколь“ (Кіев. Старина, 1892, декабрь).

²⁾ Архивъ харьк. депутат. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета.

ковскимъ), о которомъ здѣсь упоминается, у Альховскаго также были свои счеты по дѣлу о колоколѣ—и храбрый майоръ, „герой Очакова и покоренія Крыма“, дѣлавшій наѣзды на своихъ сосѣдей съ ружьями (а по преданію даже съ очаковскими пушками), конечно не могъ сразу почувствовать такой любви къ „училищамъ“, чтобы отстать отъ своихъ военныхъ привычекъ и простить оскорбленіе, нанесенное ему фамиліей Каразиныхъ и Куликовскихъ. Въ объясненіе приведенныхъ нами эпизодовъ слѣдуетъ замѣтить, что харьковское дворянство только недавно передъ тѣмъ (въ 1765 году) перешло на мирное положеніе, до тѣхъ поръ оно представляло изъ себя военно-служилое сословіе; эта слободско-украинская казацкая старшина по характеру своему напоминала малороссійскую. Съ 1765 года она получила права русскаго дворянства, а съ 1785 года стала пользоваться самоуправленіемъ по жалованной дворянской грамотѣ. Но и теперь еще у слободско-украинскаго дворянства остались нѣкоторыя особенныя привиллегіи и за нихъ оно держалось весьма крѣпко. Мы видѣли уже, съ какою торжественностью отпраздновано было въ Харьковѣ подтвержденіе мѣстныхъ привиллегій. Съ ними было связано и самое пожертвованіе на военное училище, а потомъ на университетъ. Слободско-украинскіе дворяне не успѣли еще привыкнуть къ своему сословному самоуправленію въ духѣ и формахъ, начертанныхъ имъ державною волею Екатерины II-й. У нихъ не выработалось еще сознанія о подчиненіи частныхъ интересовъ общимъ, о необходимости приносить жертвы во имя общаго приговора, получающаго обязательную силу и для тѣхъ, кому онъ непріятенъ. Въ нихъ силенъ былъ еще личный эгоизмъ, среди нихъ царили личныя столкновенія, а подчасъ и личная расправа. Новыя гражданскія учрежденія туго прививались и не успѣли еще пустить глубокихъ корней въ общество. Въ особенности не желали подчиняться общественнымъ постановленіямъ такія лица, въ которыхъ живы были прежніе буйные инстинкты, осталась привычка къ самоуправству. Правда и на нихъ отразился духъ времени—и они уже должны были воевать больше перомъ, чѣмъ мечемъ. Но отъ этой перемѣны общественныя предпріятія ничего не выигрывали; имъ приходилось все таки бороться съ упорными, которые къ тому же могли опираться на косность массы. Вотъ на такой почвѣ выросла оппозиція дворянскому постановленію о пожертвованіи на университетъ и среди изюмскихъ и волчанскихъ дворянъ. Бороться съ ними было не легко. Мы увидимъ далѣе, какіе грандіозные размѣры приняла эта борьба и какое вліяніе она оказала на судьбу самыхъ пожертвованій. Теперь же только отмѣтимъ и одинъ отрадный фактъ—пожертвованіе со стороны лица, не владѣвшаго ни крестьянами, ни землею: это былъ уѣздный

купянскій штабъ-лѣкаръ Яковъ Воробьевскій, пользовавшійся только доходами со своего жалованья и пожертвовавшій единовременно 25 р. Такое усердіе нашло тогда же справедливую оцѣнку со стороны уѣзднаго предводителя дворянства Розальона-Сошальскаго, сообщившаго объ этомъ Донцу-Захаржевскому ¹⁾.

Вопросъ о пожертвованіяхъ дворянской суммы подвигался очень туго и это отражалось на самомъ ходѣ дѣла объ открытіи Харьковскаго университета. В. Н. Каразинъ, какъ это видно изъ письма его къ Новосильцеву, мечталъ пріурочить это открытіе къ сентябрю 1803 года; 14 іюня 1803 г. былъ составленъ уже церемоніаль открытія университета ²⁾; но это была только мечта; впереди предстояло еще много дѣла и на мѣстѣ въ Харьковѣ, и въ Петербургѣ.

Въ Харьковѣ Василя Назарьевича замѣнилъ проф. Илья Ѳедоровичъ Тимковскій, явившійся сюда вмѣстѣ съ Осиповскимъ, Делявинымъ и Лангомъ 8 іюня 1803 года и немедленно приступившій къ продолженію дѣятельности Каразина. Уѣзжая изъ Харькова, Каразинъ оставилъ Тимковскому официальное письмо, въ которомъ уполномочивалъ его продолжать дѣло устроенія Харьковскаго университета. Въ Москвѣ они встрѣтились и здѣсь, какъ мы видѣли, В. Н. Каразинъ сообщилъ Тимковскому всѣ необходимыя ему мѣстные свѣдѣнія и снабдилъ письмами къ харьковскимъ властямъ. Осмотрѣвшись нѣсколько въ Харьковѣ, Тимковскій уже черезъ 2 недѣли по своему пріѣздѣ туда пишетъ обширное письмо въ Петербургъ на имя Н. Н. Новосильцева, которое и доложено было ему В. Н. Каразиннымъ, 6 іюля, какъ видно изъ собственноручной надписи этого послѣдняго. Въ письмѣ этомъ И. Ѳ. Тимковскій писалъ слѣдующее ³⁾:

„Іюня 8 дня прибылъ я въ Харьковъ, вмѣстѣ съ г. Осиповскимъ, Делявинымъ, Лангомъ. Продолжителенъ былъ путь мой и нѣсколько скученъ: то проливной дождь, то починка повозокъ, то непривычка иностранцевъ ѣздить въ кибиткахъ по почтѣ довольно дѣлали остановки при всей моей поспѣшности. Сверхъ того въ Москвѣ прожилъ я недѣлю въ одномъ университетскомъ кругѣ, почитая за нужное освѣдомиться о тамошнихъ заведеніяхъ обстоятельно, да два дня для общихъ поло-

¹⁾ Архивъ харьковскаго депутатскаго собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета.

²⁾ Церемоніаль этотъ на французскомъ языкѣ хранится въ дѣлахъ университетскаго архива. (См. также мою брошюру „Харьковскія университетскія торжества“. Х. 1892 г., стр. 14).

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попечителя по архиву № 1, карт. № 1.

женій съ Васи́ліемъ Назаріевичемъ. Въ Харьковѣ вселились мы прямо во дворецъ, на коемъ нашель я уже надпись: Университетъ. Городъ стоитъ частію на горѣ, а частію на мѣстахъ низменныхъ около рѣки. Онъ только лишь выходитъ изъ дикой необразованности. Если обстроится, будетъ весьма пріятный городъ. Всѣ окрестности его богаты красотою; почва земли способна для садовъ; близъ него есть глинистыя горы для кирпичу, есть довольно и лѣсу, коего выѣзныя дороговизна происходитъ отъ множества прилежащихъ винокуренныхъ заводовъ—зло удобоотвратимое. Многіе доселѣ отъ того боялись строиться, что городъ часто обремененъ былъ постоями; и если квартиры теперь дороги, то потому, что всякій строился какъ можно тѣснѣе, для себя единственно, теперь же слышно, что многіе изъ купечества дожидаются только, чтобъ началось строеніе университета, и вокругъ него воздвигнутся зданія порядочныя; и въ такое время безъ сомнѣнія больше будетъ рачительности о вымощеніи улицъ, о чистотѣ воздуха и воды. Здѣсь множество развалившихся и гниющихъ лачугъ остаются неснесены; улицы для уменьшенія грязи набивали навозомъ; плотины насыпаны изъ навозу; навозъ сваливаютъ зимою на рѣку; ледъ растаетъ и нечистота садится на дно. Посему можно судить, каковы должны быть улицы, воздухъ и вода въ сырое время, и особливо осенью и весною; но можно также ясно усмотрѣть, что во всемъ этомъ виною одинъ недостатокъ бдительности со стороны городской полиціи. По многимъ моимъ замѣчаніямъ кажется, какъ будто нѣтъ ея здѣсь. Естественное-же положеніе Харькова довольно счастливо, и увѣреніе, якобы нѣтъ возможности осушить, вычистить и вымостить улицъ, есть отговорка. Я слышалъ, что за два года передъ симъ одинъ купецъ брался сдѣлать четыре главныхъ каменныхъ мостовыхъ за 40000, и что за нѣсколько лѣтъ стоявшіе въ этой губерніи нѣсколько тысячъ рекрутъ брались почти даромъ вычистить рѣки верстъ на 20; но къ сожалѣнію и то, и другое отринуто небреженіемъ. Впрочемъ много надѣяться можно на общительность здѣшнихъ жителей. Дошло до свѣдѣнія моего, что одинъ купецъ хочетъ снять винный откупъ здѣсь на условіяхъ гораздо выгоднѣйшихъ для города, надавая 50000 для нашего университета. Всѣ предназначенныя ко взносу суммы располагаются выгоднымъ образомъ.

Въ предводителѣ дворянства нашель человѣка ревностнаго къ общему благу, и въ головѣ человѣка владѣющаго довѣренностію согражданъ своихъ. Желательно, чтобы зимою можно было уже запасти камень для фундамента и лѣсъ къ постройкѣ университета, а съ слѣдующей весны начать заготовленіе кирпича. Здѣсь есть казенный въ области приказа общ. приз. находящійся кирпичный заводъ. Въ немъ

1000 продается по 7 р., но съ частныхъ заводовъ охотнѣе покупають по 8 р.; увѣряють меня, что ежели мы устроимъ свой собственный заводъ недалеко отъ университетскаго мѣста и купимъ лѣсу десятинами на срубъ, то 1000 кирпича обойдется намъ по 6 р., и что послѣ заводъ сей оплотится намъ съ лихвою и вѣрно будетъ у насъ купленъ. Остается рѣшить выборъ мѣста для новыхъ зданій университета. Требуется, по моему мнѣнію, чтобъ оно было за городомъ и довольно пространно, гдѣ воздухъ и вода были-бы чистые, здоровые и гдѣ-бы можно было весело раскинуться ученому заведенію, чтобы прилежало къ самой сухой и чистой части города, гдѣ студенты и прочіе могли-бы имѣть свои жилища, и чтобъ была на немъ хотя часть чернозему для заведенія садовъ на равнинѣ и скатахъ. Я видѣлъ уже нѣкоторые мѣста; но не прежде, какъ осмотрѣвши всѣ, осмѣлюсь написать объ нихъ утвердительно. А какъ при столь важномъ выборѣ мудрено совокупить всѣ потребности и угоды, избѣжать невыгодъ и весьма легко погрѣшить можно, предпочеви одно другому, то не обождасть-ли въ такомъ случаѣ съ симъ выборомъ до пріѣзда сюда Его Сіятельства Северина Осиповича и до собственнаго его обозрѣнія. Время потерить; между тѣмъ у насъ ранѣе сентября и сумма для покупки мѣста едва-ли будетъ. Нынѣшній домъ нашъ занимаетъ возвышеніе въ срединѣ города; онъ подлинно обладаетъ городомъ и окрестностями; и мы пользуемся изряднымъ воздухомъ и открытыми видами. При этомъ онъ довольно великъ собою, такъ что вовсе не способенъ былъ для жизни губернаторамъ и по сему, кажется, весьма мало было смотрѣнія за цѣлостію вещей въ немъ и опрятностію его. Жаль только, что расположеніе комнатъ и службъ въ немъ не вовсе соотвѣтствуетъ нынѣшней его цѣли. Изъ плановъ его и объясненій Василия Назаріевича Ваше Превосходительство изволите усмотрѣть, гдѣ чему быть въ немъ лучше и будетъ-ли принадлежать намъ сосѣдній такъ называемый вице-губернаторскій въ началѣ для дворянскихъ собраній выстроенный домъ или не будетъ. Все надобно сдѣлать нынѣшнимъ лѣтомъ: въ университетскомъ домѣ довольно перестройки, и въ послѣднемъ случаѣ будетъ ея гораздо больше—какъ то изъ каретнаго сарая должна быть столовая для казенныхъ студентовъ, а часть конюшни обратится въ типографію; для сего нужно повидимому рѣшительное предписаніе, что этотъ домъ принадлежитъ совершенно университету, дабы здѣшнее начальство не вмѣшивалось въ наши работы и не останавливало ихъ; нужна также сумма отъ двухъ до трехъ тысячъ рублей, изъ казны ли, или изъ недавно отданной для университета винной суммы, нещадно здѣсь расточенной и теперь еще не вовсе отъ того огражденной, если вѣрить слу-

хамъ. Тогда, неупуская лѣтняго времени, можно бы сдѣлать главнѣйшія перестройки; также и дровами запастись до зимы; а прочія подѣлки, какъ то столы, стулья, замки, задвижки, оконныя стекла и прочія, могутъ произведены быть и осенью.

Послѣ имѣющей быть здѣсь въ августѣ Успенской ярмарки многое придется купить гораздо дешевле, наиримѣрь, стулья. Остатки бывшей въ семь домѣ мебели могутъ освободить насъ отъ нѣкоторыхъ издержекъ и вообще желательно знать здѣсь, принадлежитъ ли отданному намъ дому мебель его, которой часть свалена въ погребъ, а часть остается сохранно въ покояхъ, какъ то—креслы, зеркала и занавѣсы въ залѣ собранія. Ежели бы ей и не слѣдовало принадлежать къ дому, то все приличіе оставаться въ казенномъ заведеніи, нежели валиться и до конца портиться въ погребъ или еще скорѣе разойтись въ частныя жилища. Вице-губернаторъ, бывши у насъ, многого и теперь не находитъ, что значится по списку въ казенной палатѣ, и то, что есть, не очень завидно. Изъ сваленнаго въ погребъ можно будетъ кое что поправить починкою и употребить въ дѣло; а прочее позволить продать съ аукціона, или, что все равно, бросить. Нѣкоторыя вещи пригодятся для профессоровъ, коимъ даны на первый случай вмѣстительныя квартиры, по дороговизнѣ квартиръ и дровъ, по малому привозу всякихъ припасовъ. Когда выстроятся просторныя дома и вымостятся улицы, когда въ городѣ не будетъ вовсе или безъ крайней нужды постоевъ, когда винокуренные заводы около города удалятся по крайней мѣрѣ за 25 верстъ, и когда всякіе припасы станутъ изъ далека привозиться въ твердой надеждѣ сбыть ихъ, тогда житье здѣсь будетъ гораздо сходнѣе, а какъ невозможно будетъ дать профессорамъ квартиры, которыми бы они были совершенно довольны, то многіе вѣроятно перейдутъ мало по малу на свои наемныя. Впрочемъ не позволите ли, Ваше Превосходительство, предупредить графа Северина Осиповича, чтобъ онъ, приглашая профессоровъ, не общалъ имъ квартиръ, ибо иностранцы часто скучны бываютъ, если захотятъ прибавить себѣ вѣсу невоздержными требованіями всякихъ домашнихъ угодьевъ. По моему расчету выходитъ теперь же въ этомъ домѣ пять квартиръ; а когда выломаемъ губернаторскій очагъ, коему въ главномъ корпусѣ быть и весь домъ опасности отъ пожара подвергать недолжно, то очистится еще для шестой квартиры двѣ комнаты съ общею прихожею; современемъ можетъ быть окажется и седьмая—двѣ комнаты для экзекутора. Теперь производится кое какія починки; когда бы денегъ было больше, работа пошла бы живѣе. До сихъ поръ я не вошелъ еще въ полное хозяйство; занимаюсь болѣе классами, въ которыхъ начались и еще съ недѣлю будутъ

продолжаться приватные экзамены: многое веселить, обнадеживает. Но и тутъ вижу я, какъ въ Москвѣ судилъ, что гимназій не принесутъ нужныхъ для университета успѣховъ, при столь маломъ числѣ учителей, какое въ новомъ штатѣ полагается, наипаче до того времени пока не придутъ въ желанное состояніе уѣздныя и приходскія школы. Поелику нельзя вдругъ завести во всѣхъ губерніяхъ гимназій по новому порядку, какъ за недостаткомъ учителей, такъ и затѣмъ, что на сей разъ перемѣна постепенная лучше крутой и повсемѣстной, то во первыхъ нужно, кажется, образовать гимназію харьковскую, что будетъ выстѣ и гораздо удобнѣе, до того времени, какъ студентовъ станутъ готовить намъ гимназій, остается получать ихъ изъ семинарій. Проѣздомъ черезъ Бѣлгородъ былъ я у архіерея и у ректора тамошнихъ: они увѣряли меня, что мы будемъ имѣть отъ нихъ студентовъ, если они по требованію, въ силѣ указа синоду января 24, взяты будутъ на казенное содержаніе. Уклонясь нѣсколько отъ сего условія, доказывалъ я выгоду учиться въ Университетѣ и на своемъ содержаніи, учиться даже и тѣмъ, коимъ слѣдуетъ возвратясь поступать въ духовное званіе. Здѣшній архіерей, кажется, нѣсколько сговорчивѣе на этомъ пунктѣ. Я считаю за полезное черезъ недѣлю или двѣ поѣхать въ Малороссію, гдѣ найду многихъ, кои учатся въ Кіевѣ, Черниговѣ или Переяславѣ и на время ваканцій и закрытія классовъ во всѣхъ училищахъ пріѣхали въ родительскіе дома; и поелику тамъ много священно-служителей изъ дворянъ, то дѣти ихъ властны поступать въ духовное или свѣтское состояніе. Тамъ сдѣлаю я нѣкоторое приглашеніе, чтобъ по позыву имѣть намъ осенью нѣсколько студентовъ при открытіи университета; для сего постараюсь ввести, буде можно, въ посредство и Переяславскаго архіерея; можетъ быть, найдется также нѣсколько учениковъ изъ здѣшнихъ классовъ, коихъ на первый случай можно будетъ допустить въ университетъ, съ тѣмъ чтобы изученіе латинскаго языка продолжали въ гимназій, гдѣ онъ за мѣсяць передъ симъ введенъ, и тѣмъ ободрить какъ ихъ, такъ и прочихъ учениковъ, а особливо ихъ казенныхъ питомцевъ. Здѣсь есть заведеніе казеннаго содержанія для сиротъ и бѣдныхъ; и хоть по новому штату оно не положено, однако явѣтъ, кажется, сомнѣнія, что здѣсь особая, по указу покойной государыни Екатерины II-й ежегодно на содержаніе сиротъ и бѣдныхъ, 4000-я изъ казенной палаты отпускаемая сумма и впродъ остановлена не будетъ, ежели доброе заведеніе сіе удостоится благоволенія начальства.

Предавая все вышеозначенное благоусмотрѣнію вашего превосходительства и принося вамъ, милостивый государь, глубочайшую признательность за благосклонность вашу, оказанную мнѣ въ бытность мою

въ Петербургѣ, долгомъ себѣ поставлю заслуживать оную всегда и съ искреннимъ почтеніемъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь,
Ваше Превосходительство, инкорпѣйшимъ и
преданнѣйшимъ слугою, Илья Тимковскій.

Іюня 22-го дня
1803 г. Харьковъ.

На письмо это послѣдовала резолюція, записанная рукою В. Н. Каразина: „заготовить представленіе министру, возобновить прежнее о суммахъ на Харьковскій университетъ, въ которомъ сказать, что если бы съ 20000, слѣдуемыми гр. Потоцкому въ Вѣну, и разсуждено было удержаться, тѣмъ не менѣе нужны другія 20000, въ томъ числѣ и требуемая визитаторомъ“.

И. О. Тимковскій, проживая въ Харьковѣ, употреблялъ все усиліе къ скорѣйшему открытію университета: съ одной стороны, старался подыскать подходящій земельный участокъ для будущихъ постоянныхъ построекъ, съ другой, приспособлялъ ко временному помѣщенію университета бывший генераль-губернаторскій домъ, устраивая тамъ аудиторіи и помѣщенія для профессоровъ и казеннокоштныхъ студентовъ. Вопросъ объ этихъ послѣднихъ его особенно занималъ. И дѣйствительно, нельзя было не призадуматься надъ тѣмъ, гдѣ-же взять на первыхъ порахъ студентовъ, когда гимназій во всемъ тогдашнемъ округѣ совсѣмъ не было: ихъ предстояло еще открывать. Единственная надежда была на семинаристовъ. Неудивительно поэтому, что и Тимковскій обратилъ на нихъ особенное вниманіе.

Прекрасное понятіе обо всей этой хозяйственной дѣятельности Тимковского даетъ собственноручное письмо его къ Н. Н. Новосильцеву (отъ 31 августа 1803 г.). Такъ какъ оно не было извѣстно автору специальной монографіи о Тимковскомъ г. Шугурову, то мы помѣщаемъ его въ примѣчаніи цѣликомъ ¹⁾.

¹⁾ Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!

Какія усилія я приобрьсть частіями и составныя изъ нихъ генеральныя свѣдѣнія и замѣчанія по должности визитатора, непримину доставить къ Вашему Превосходительству въ скорости; теперь-же имѣю честь донести:

1) Что главный корпусъ дома, назначеннаго подъ Харьковскій университетъ, также въ правомъ его флигелѣ четыре комнаты для штатныхъ студентовъ и двѣ кухни совсѣмъ почти отдѣланы, и супротивъ сего флигеля въ заднемъ углу двора отгорожено и приготовлено слишкомъ 200 квадратныхъ саженой земли для ботаническаго садика. Слѣдуетъ подрядить поставку дровъ на годъ, сдѣлать всю

Изъ этого письма видно, что Тимковскій оказался въ высшей степени добросовѣстнымъ, аккуратнымъ и умѣлымъ исполнителемъ порученія, возложеннаго на него попечителемъ Потоцкимъ; онъ въ одинаковой степени заботился и о важныхъ вещахъ, и о мелочахъ, вни-

ужную мебель, закупить разные припасы и исправить два амбара деревянныхъ, погребъ и въ лѣвомъ флигелѣ двѣ кухни. Оставалось бы также находящійся въ лѣвомъ флигелѣ большой сарай обратить въ столовую комнату для студентовъ и къ ней кухню; но приближающаяся осенняя пора не позволить уже предпринять сей работы; а какъ отъ здѣшняго вице-губернатора я извѣстился, что дѣло идетъ объ отдачѣ подъ университетъ сосѣдняго дома, состоящаго изъ деревяннаго кирпичемъ обложеннаго корпуса и двухъ каменныхъ флигелей, то и можно будетъ посему обойтись до слѣдующаго лѣта безъ передѣлки помянутаго сарая и размѣститься поряточно заведенію университета. За таковыми распоряженіями время открытія университета будетъ зависѣть уже только отъ порядочнаго устройства штатныхъ и общественныхъ суммъ его, отъ прибытія нужнѣйшихъ профессоровъ и лекторовъ, отъ полученія книгъ и отъ вызова семинаристовъ.

2) Изъ комнатъ, приготовленныхъ для студентовъ, въ одной можетъ помѣститься четыре человека, въ прочихъ трехъ по шести, а въ случаѣ нужды и по семи въ началѣ, и даже до открытія новыхъ отдѣленій, кажется, довольно будетъ имѣть на казенномъ содержаніи 25 человекъ. По сему за надобное нахожу приготовить 25 кроватей съ ящиками, 25 стульевъ, 25 столиковъ, чтобы каждый могъ заниматься своею работою отдѣльно, и 4 стола большихъ, т. е. въ каждую комнату по столу для общаго какого либо дѣла.

Платя, бѣлья и постелей заготовлять не для чего: каждый вѣрно привезетъ свое, чего и достанетъ. по крайней мѣрѣ на полгода, если не болѣе, а чрезъ сіе казна можетъ запасти все исподволь, во благовремя. Для службы на четыре комнаты довольно приставить двоихъ сторожей, кои могутъ прислуживать и въ столовой.

3) Кромѣ вышелоказанной мебели, надобно заказать на первый случай 4 или 5 дюжины стульевъ для всякаго употребленія, да для залы публичныхъ собраний особо двѣ дюжины креселъ, каведру и стулъ, въ четыре комнаты для лекцій 8 столовъ и 16 скамеекъ, для бібліотеки 8 шкафовъ, столъ большой и два маленькихъ. Для физическаго и естественной исторіи кабинетовъ шкафы тогда можно сдѣлать, когда привезены будутъ самыя вещи. Я стараюсь прискать такихъ помѣщиковъ, кои бы, имѣя своихъ столярей, сняли на себя всю эту работу. Для насъ гораздо будетъ сходнѣе имъ отдать оную, чѣмъ городскимъ здѣшнимъ мастерамъ, кои по малому ихъ числу и большой въ нихъ потребности крайне дорожатся.

4) По расчету печей въ покояхъ и кухняхъ, если бы весь домъ отапливать, потребно дровъ около 300 саж., нынѣшній же разъ довольно будетъ купить саженой до 200; а ежели что изъ сего числа останется, то замѣнить съ выгодною покупку на слѣдующій годъ. Сажень ихъ, состоящая обыкновенно изъ вершинъ, сучьевъ и хворосту, длиною въ сажень, бываетъ здѣсь цѣною отъ 4½ до 6 рублей, смотря по ихъ добротѣ и времени покупки. Лучшее здѣсь время подряду ихъ есть июль, августъ и нѣсколько сентября. Поставка можетъ быть частію въ сентябрѣ, а частію въ зимнее время. Здѣсь въ обычаѣ покупать лѣсъ деся-

каль въ сущность дѣла, старался все устроить какъ можно экономнѣе. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что единственнымъ его помощникомъ по хозяйственной части былъ на первыхъ порахъ только Шишкинъ, приглашенный еще В. Н. Каразинымъ не то въ качествѣ эконома, не то экзекутора. Что же касается представителей отъ дво-

тинами на срубъ. Хозяевамъ и промышленникамъ удастся выигрывать иногда противъ обыкновеннаго по полтинѣ на сажени дровъ симъ способомъ, который однако для насъ несовсѣмъ надеженъ.

5) Увѣряютъ, что здѣсь гораздо выгоднѣе подряжать поставки и работы на сумму не очень значную безъ публикацій, призывая подрядчиковъ къ торгу по одиночкѣ, въ противномъ случаѣ, по малому конкурсу являющихся предпріемщиковъ, они общимъ условіемъ полагаютъ высокія цѣны и непускаютъ. Прошу у Вашего Превосходительства разрѣшенія, слѣдовать-ли и намъ оному обычаю, руководствуясь справочными цѣнами, въ тѣхъ статьяхъ, въ коихъ подлинно бывають показуемая стачки.

6) Назначенный для квартиры вице-губернатору одинъ изъ купленныхъ здѣсь на общественную сумму домовъ такъ медленно исправляется починкою и пристройками, что едва-ли окончится сіе къ зимѣ. И такъ, ежели должно будетъ вице-губернатору оставаться въ казенномъ нынѣ имъ занимаемомъ домѣ, который, какъ слышно, подѣ університетъ назначается, то нельзя ли теперь получить намъ по крайней мѣрѣ флигелъ, занимаемаго нынѣ приказомъ общественного призрѣнія и чертежною, кои могутъ безъ нужды перейти въ общественные дома.

7) Если открытіе университета быть можетъ не прежде слѣдующаго года, то все нужное для кухни и столовой студентскихъ, также разныя другія вещи выгоднѣе закупить здѣсь въ Кременскую ярмарку, какъ то и вообще многое лучше выписывать сюда къ ярмаркѣ, а особливо зимой. Полезно бы, кажется, было такъ устроить столовую, что бы въ ней находился особый столъ для волонтеровъ, то есть студентовъ своекоштныхъ, кои за дальностью квартиръ своихъ или по выгодѣ общей складки пожелаютъ имѣть здѣсь обѣдъ либо и ужинъ за приличную плату, вносимую не меньше какъ на мѣсяцъ.

8) Хотя потребное число семинаристовъ выписать можно бы изъ лучшихъ и ближайшихъ семинарій, въ округѣ Харьковскаго университета находящихся, а именно изъ воронежской и бѣлгородской; однако, чтобы прочія не обидѣлись, чтобы университетъ могъ на каждую простереть нѣкоторое вліяніе чрезъ поступившихъ въ него оттуда, и чтобы молодые люди, собравшись съ разныхъ сторонъ, лучше самымъ обращеніемъ между собою полировались, нежели прибывъ обществомъ изъ одного края, для сего неблагоугодно-ли будетъ требовать въ свое время семинаристовъ изъ всѣхъ семинарій, какъ-то на первый случай—изъ воронежской 4, бѣлгородской 3, черниговской 3, здѣшной 2, переяславской 1, сѣвской 1, новоміргородской 1, всего 15. Желательно, чтобы выборъ сихъ людей въ семинаріяхъ былъ по преимуществу способностей, а не недостатка. Остальное же число въ счетъ 25 наполнится вольноявляющимися, если окажутъ отличныя способности, и нѣкоторыми губернскихъ и уѣздныхъ училищъ учителями, кои объявили уже или объявятъ желаніе свое доучиваться и преобразоваться въ университетѣ, если будетъ имъ позволено. Что же касается до тѣхъ старшихъ учениковъ харьковскаго училища, кои съ успѣхомъ обучаются, но не знаютъ латинскаго языка

ряинства, то ихъ, какъ мы видѣли, на сѣздѣ предводителей 21 апрѣля 1803 г. рѣшено было вовсе не выбирать. О дальновидности Тимковскаго свидѣтельствуется тотъ фактъ, что и онъ, подобно Каразину, хотѣлъ выбрать подѣ университетъ „мѣсто, которое должно было быть за городомъ и довольно просторное, съ чистою водою и здоровымъ

и конхъ въ ободреніе имъ самимъ, а еще болѣе злѣшнему дворянству, надобно бы допустить къ слушанію лекцій, на російскомъ языкѣ преподаваемыхъ, и въ другіе классы, гдѣ можно обойтись безъ латинскаго языка, о чемъ я имѣлъ уже честь писать къ Вашему Превосходительству прошлаго іюня 22 дня, то они могутъ оставаться или на своемъ содержаніи, или въ числѣ нынѣшнихъ казенныхъ питомцевъ. Не худо бы имѣть намъ изъ Геттингена хотя двоихъ хорошихъ, благонаправныхъ молодыхъ студентовъ, француза и нѣмца, которые кромѣ наукъ упражнялись особенно въ латинской, греческой и своей природной словестности, и кои бы, живучи здѣсь на магистёрскомъ жалованьѣ, вмѣстѣ съ прочими студентами педагогическаго института, помогали образованію ихъ и современемъ сами, поступивъ по экзамену въ магистры, могли бы обучать въ гимназіи. Когда въ гимназіяхъ учителя будутъ навывкнущіе говорить по французски или по нѣмецки и когда нынѣ будетъ въ нихъ хотя по два учителя изъ иностранцевъ, то сіе, доставляя само по себѣ многія выгоды, особенно расположитъ и привлечетъ дворянъ къ публичному ученію.

9) Нужными къ отпуску сюда оказываются суммы: а) на всѣ вышеупомянутыя и другія мелочныя издержки, о чемъ я имѣлъ уже честь писать прошлаго іюня 22 дня; б) на жалованье профессорамъ, чтобъ имѣть оное въ готовности къ выдачѣ за новую третью, текущую съ 17 дня минувшаго іюля (считая первую третью съ 17 марта, когда состоялись штаты, хотя упомянутые четыре профессора избраны и утверждены еще февраля 7 дня) и потомъ за остальное время до новаго года, также на жалованье адъюнкту и кассиру; с) на покупку земли для строенія университета и для ботаническаго сада. Изъ всѣхъ мѣстоположеній, гдѣ бы можно было новому университету, нѣтъ здѣсь такого, которое отвѣчало бы всѣмъ потребностямъ ботаническаго сада, а посему не позволите-ли прикупить въ сторонѣ таковое пригодное мѣсто, съ тѣмъ чтобы часть саду была тамъ, а другая при домѣ; не благоудно-ли будетъ также пріобрѣсть для университета мѣсто, гдѣ можно бы завести кирпичный заводъ для его строенія, о чемъ представлялъ уже я Вашему Превосходительству того же іюня 22 дня. Сію часть земли, если городская дума не отведетъ ее на своихъ выгонахъ, надобно будетъ купить заблаговременно, дабы съ осени заготовить глинну; въ октябрѣ нужно бы имѣть и для ботаническаго сада землю.

10) Для ботаническаго садоводства и травничанья нуженъ будетъ въ самомъ началѣ садовникъ, который бы для изясненія съ профессоромъ ботаники, незнающимъ російскаго языка, разумѣлъ при семъ языкъ и французскій или нѣмецкій или хотя латинскій; не найдется ли для сего знающій и искусный чело-вѣкъ при главной аптекѣ въ Москвѣ, откуда лубенская полевая аптека получаетъ смотрителей для садовъ своихъ на жалованье самое умѣренное; такъ я слышалъ.

11) Определенный Вашимъ Превосходительствомъ въ кассиры коллежскій ассесоръ Дзюбинъ вступилъ въ должность сего августа 3 дня и наблюдаетъ за

воздухомъ, гдѣ бѣ можно было весело раскинуться ученому заведенію“. Онъ имѣлъ въ виду то самое мѣсто, которое раньше намѣтилъ В. Н. Каразинъ (по Сумскому шоссе), и которое было вскорѣ уступлено даромъ харьковскими войсковыми обывателями университету. Но окончательное рѣшеніе этого вопроса онъ предоставлялъ все таки попечителю Потоцкому, по его возвращеніи въ Харьковъ. Поддерживая мнѣніе В. Н. Каразина, Тимковскій ходатайствовалъ также объ отводѣ и вице-губернаторскаго дома—и это ходатайство было уважено, съ тѣмъ, чтобы университетъ принялъ на себя наемъ приличныхъ помѣщеній для вице-губернатора и присутственныхъ мѣстъ ¹⁾). Наконецъ, Тимковскій продолжалъ дѣло В. Н. Каразина и относительно побужденія къ пожертвованіямъ. Такъ, онъ обратился съ обширнымъ посланіемъ къ Малороссійскому генераль-губернатору кн. Куракину и Полтавскому губ. пред-

благоустроеніемъ въ домѣ. Когда же дойдетъ дѣло до новаго строенія, то необходимо будетъ, чтобы дворянство и гражданство здѣшнее, на коихъ сумму будетъ постройка, приставили къ тому отъ себя выборомъ по члену или по два, и такимъ образомъ составитъ комиссія.

12) Здѣшнее дворянство, слыша, что Его Сіятельство графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій получилъ въ отпускъ своемъ отсрочку на долгое время, ласкается себя надеждою, что Ваше Превосходительство удостоите прибыть сюда къ откритію университета.

13) По случаю большого съѣзда помѣщиковъ для Успенской ярмарки было общее желаніе почетнѣйшихъ фамилій и начальствующихъ чиновъ здѣшнихъ, составить собраніе или балъ, за неимѣніемъ другаго мѣста, въ залѣ университетскаго нашего дома, что съ согласія моего и послѣдовало сего августа 20 дня со всею пристойностію. Такимъ же образомъ вчера празднуемо было тезоименитство Государя Императора.

Въ прежнее время бывали здѣсь собранія осенью и зимою каждое воскресенье; и хотя теперь желаютъ того же на время, доколѣ зала остается праздною, но отдавать ее на таковое постороннее употребленіе не иначе можно, какъ изрѣдка и по большимъ праздникамъ, если и на это послѣдуетъ Вашего Превосходительства благоволеніе.

14) Изъ періодическихъ изданій и вѣдомостей учинена подписка; до сихъ поръ получаютъ мною 17 статей. Чрезъ нѣсколько времени доставлю къ Вашему Превосходительству списокъ всѣхъ поступающихъ статей для свѣдѣнія, полное-ли ихъ число поступаетъ.

Представляя все сіе на благоусмотрѣніе Вашему Превосходительству, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію глубочайшею имѣю честь быть,

Милостивый Государь,

Вашего Превосходительства препокорнѣйшимъ слугою

Илья Тимковскій.

1803 г. августа

31 дня. Харьковъ.

¹⁾ Киев. Стар., 1891, сент., стр. 379.

водителю дворянства Кочубею, въ которомъ убѣждалъ, „чтобы каждая губернія, въ которой училища будутъ подѣ попеченіемъ Харьковскаго университета, способствовала на свою долю къ постройкѣ и обзаведенію его“. „Когда Екатеринославская губернія, такъ заключалъ онъ свое письмо, какъ слышно, полагаетъ составить для университета сумму до 100000 р., то какъ помыслить о себѣ Малороссія, моя отчизна, отличающаяся любовью къ наукамъ“¹⁾. Къ сожалѣнію, этотъ призывъ остался безъ результата, потому что малороссіане хотѣли учрежденія университета въ Черниговѣ или Полтавѣ.

Такъ неустанно, ровно, безъ скачковъ велъ свое дѣло въ Харьковѣ Тимковский, переписываясь постоянно съ Каразинымъ и стараясь ослабить нѣсколько его порывы и рѣзкій образъ дѣйствій въ отношеніи „власть имущихъ“.

Посмотримъ же теперь, что дѣлалось на пользу университета въ Петербургѣ послѣ пріѣзда туда В. Н. Каразина (лѣтомъ 1803 г.). Здѣсь прежде всего поднять былъ Василіемъ Назарьевичемъ вопросъ объ устройствѣ постоянныхъ зданій для университета. Еще въ своемъ „предначертаніи“ онъ составилъ грандіозный планъ будущихъ построекъ университета. Теперь, по пріѣздѣ изъ Харькова въ Петербургъ, онъ представилъ планы, рисунки и чертежи, составленные, по его порученію, архитекторомъ Васильевымъ, на утвержденіе главнаго правленія училищъ, съ тѣмъ, чтобы вся постройка осуществлялась на средства, пожертвованныя дворянствомъ и другими сословіями Харьковской губерніи. Объ этомъ въ журналѣ правленія записано такъ: „предложено было отъ Е. С. Министра Просвѣщенія прозекъ плана и фасада для зданій Харьковскаго университета на счетъ суммъ патріотическаго приношенія Слободской Украинской губ., представленный ему отъ управляющаго Харьковскимъ учебнымъ округомъ (Николая Николаевича Новосильцева), какъ идеальное исполненіе художественной программы или опытъ искусства адъюнкта Васильева, заслужившій одобреніе отъ архитекторовъ сей столицы (профессоровъ академіи художествъ) — Гваренія и Воронихина, при чемъ Е. С. Министръ изволилъ замѣтить, что въ отношеніи къ строенію сему прежде всего слѣдуетъ удостовѣриться, согласно ли будетъ слободско-украинское дворянство, сдѣлавшее приношеніе суммы, обратить ее единственно на зданія университета. Почему и *опредѣлено*: предоставить управляющему округомъ отнестись о семъ кому слѣдуетъ“²⁾.

¹⁾ Киев. Стар., 1891, сент., стр. 390.

²⁾ Архивъ Харьковскаго депутатскаго собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго Университета.

Новосильцевъ дѣйствительно запросилъ объ этомъ Донца-Захаржевскаго (въ декабрѣ 1803 г.) и при этомъ прибавлялъ, что 6000 р., полученныхъ отъ харьковскаго дворянства, онъ сдалъ на храненіе въ государственный заемный банкъ, а 4000 р. вручилъ В. Н. Каразину, такъ какъ они были присланы въ Петербургъ этимъ послѣднимъ. Въ разъясненіе этого же дѣла писалъ письмо Донцу-Захаржевскому и В. Н. Каразинъ. „На сихъ дняхъ получили вы отъ Е. Пр. Николая Николаевича Новосильцева отношеніе, сдѣланное имъ по управленію Харьковскаго округа Народнаго Просвѣщенія. Чтобы объяснить оное, а вмѣстѣ и поводъ къ тому бывшій, имѣю честь препроводить при семъ выписку изъ журнала засѣданій Главнаго Правленія училищъ и подлинныя рисунки зданій, которые тогда были представлены и разсматриваемы. Донесу вамъ, что мнѣ легко было сказать тогда же господамъ членамъ, что почтенное дворянство, сдѣлавши единожды свое приношеніе, отказалось отъ всякихъ распоряженій по сему предмету; я бы могъ сослаться на протоколъ дворянства, котораго копія находится у министра внутреннихъ дѣлъ. Но какъ нашъ министръ въ засѣданіи непремѣнно настаивалъ, чтобы оказать дворянству Слободской Украинской губерніи сіе уваженіе, то я почелъ непристойностію представлять что либо противъ, ибо подумали бы, что я не желаю, чтобы оное было оказано. Потому то и помѣщена мною въ журналѣ сія статья, впрочемъ излишняя, поелику она давно разрѣшена документально упомянутымъ протоколомъ 21 апрѣля сего года, въ первой статьѣ котораго дворянство отказывалось отъ распоряженій суммою предоставленіемъ оной въ силу 20-й и 46-й ст. предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія начальству сей части. И какъ сверхъ того Государю Императору благоугодно было не токмо назначить всю штатную сумму 130000 р. сполна изъ казны, но даровать еще и другія пособія Харьковскому университету, то куда приличнѣе можетъ быть обращена дворянская сумма, какъ не на строеніе? И таковое зданіе, бывъ сооружено не на счетъ казны, облегчить расходы оной по сей части и съ тѣмъ вмѣстѣ послужить на предбудущіе вѣки достойнымъ памятникомъ пожертвованій дворянства. По сдѣланному г. нынѣшнимъ адъюнктомъ университета Васильевымъ соображенію, все сіе зданіе такъ, какъ оно на планѣ представлено, будетъ стоить въ теченіи 6 лѣтъ именно тѣхъ самыхъ суммъ, которыя университетъ отъ дворянства и купечества имѣетъ въ виду.

Покорнѣйше прося васъ не медлить отвѣтомъ вашимъ Николаю Николаевичу, да равно и донесеніемъ о семъ отвѣтѣ гр. Виктору Павловичу, чрезъ котораго, кажется, и планы правительству обратно могутъ быть доставлены, покорнѣйше прошу не сомнѣваться также, что я съ

истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью имѣю честь быть Вашего Высокоблагородія всепокорнѣйшимъ слугою. В. Каразинъ. Декабря 22 1803 года.

Р. С. Не разрѣша здѣсь всего того, что до университета принадлежитъ относительно его открытія, я не полагаю быть въ Украинѣ, но получивши немедленно пріѣду¹⁾. Донецъ-Захаржевскій отвѣтилъ Новосильцеву въ такомъ именно смыслѣ, въ какомъ ожидалъ В. Н. Каразинъ, т. е. что распоряженіе дворянскою суммою всецѣло принадлежитъ правительству.

Затѣмъ особенное вниманіе обратилъ Василій Назарьевичъ на финансовый вопросъ, который стоялъ весьма неудовлетворительно и сильно тормозилъ всѣ дѣла. Объ этомъ очень краснорѣчиво свидѣлствуетъ и письмо къ В. Н. Каразину Сев. Ос. Потоцкаго, въ которомъ тотъ между прочимъ писалъ: „я могъ бы здѣсь въ Германіи пріискать профессоровъ для Харьковскаго университета, но къ сожалѣнію всѣ средства для этого у меня отняты—мнѣ не высылаютъ денегъ, о которыхъ я такъ настоятельно просилъ предъ отъѣздомъ, а безъ нихъ ничего не подѣлаешь... Признаюсь вамъ, что я не мало уже компрометировалъ себя, начавъ переговоры съ нѣсколькими лицами и не имѣя возможности кончить ихъ по недостатку денегъ... Согласитесь, дорогой мой другъ, что при такомъ положеніи вещей мнѣ не къ чему торопиться ѣхать въ Харьковъ: что въ самомъ дѣлѣ стану я тамъ дѣлать съ 4 только находящимися уже тамъ профессорами и не имѣя возможности привезти отсюда ни одного больше“²⁾... Еще болѣе характерно въ этомъ отношеніи откровенное письмо В. Н. Каразина къ Государю отъ 16 августа 1803 г., поданное черезъ камердинера Гаврилова (къ нему В. Н. Каразинъ приложилъ и письмо Потоцкаго). „Я видѣлъ во всѣхъ частяхъ министерскаго попеченія безпечность и тяжелый съ правилами ни мало не соображенный ходъ; но въ разсужденіи Харьковскаго университета сверхъ того открытое недоброжелательство. Не взирая на всѣ мои усилія, послѣ отъѣзда гр. Потоцкаго ни шагу не сдѣлано въ пользу сего заведенія. По подписаніи предварительныхъ правилъ и штатовъ, пожаловали Вы полмилліона на издержки нынѣшняго года въ 4-хъ округахъ Народнаго Просвѣщенія; повѣрите ли, Всемилостивѣйшій Государь, что понынѣ сія сумма совсѣмъ нетронута и что государственныи казначей хотѣлъ уже просить у министра позво-

¹⁾ Архивъ Харьковскаго депутатскаго собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета.

²⁾ Рус. Стар. 1875, октябрь, стр. 271—272.

леніе сдѣлать изъ нея предварительно другое употребленіе! Удивился я, нашедши, что до наступленія іюня мѣсяца ничего еще не было отправлено гр. Потоцкому на высылку иностранныхъ профессоровъ и путевыя ихъ издержки. Упросилъ Николая Николаевича (Новосильцева), получившаго отъ графа полную довѣренность занимать его мѣсто, сдѣлать представленіе объ ассигнованіи 40 т. на всѣ издержки по университету, въ томъ числѣ въ Вѣну 20 т.; министръ во всемъ рѣшительно отказалъ... Я спросилъ его, что же онъ прикажетъ дѣлать съ положеннымъ уже началомъ Харьковскаго университета, съ 4-мя на-
 || примѣръ, профессорами, Высочайше подтвержденными, которые уѣхали и живутъ безъ дѣла въ Харьковѣ.... Другимъ представленіемъ министру, сдѣланнымъ уже 11 іюня (1803 г.), испрашивали хотя 20 т. на издержки по Харьковскому округу, который дотолѣ отнюдь ничѣмъ не пользо-
 вался, имѣя право по расчисленію на 125 т. изъ пожалованной суммы. Сперва отказано также рѣшительно, какъ и на прежнее представленіе. Но напослѣдокъ, заключая, изъ выговоренныхъ мною въ первое дви-
 женіе словъ, что я предприиму какой либо отчаянный поступокъ, согла-
 сились на 18000 р., росписавъ однако ихъ употребленіе (такъ что на заведеніе физическаго кабинета пришлось 500 р.¹⁾).

Тогда же (14 августа) В. Н. Каразинъ написалъ не менѣе отчаян-
 ное письмо и министру внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубею. „Мое начальство, говорить онъ, не сдѣлало и малѣйшаго шага, чтобъ поддержать заведеніе университета въ Харьковѣ и духъ тамошняго дворянства и гражданъ, расположенный въ его пользу. Графъ Северинъ Осиповичъ (Потоцкій) весьма не скоро еще прибудетъ; какъ будто на смѣхъ живутъ тамъ при-
 ѣхавшіе два профессора; публика начинаетъ судить обо всемъ этомъ весьма невыгодно и мѣстное начальство подаетъ къ тому поводъ. Формально не отводятъ до сихъ поръ домовъ, подъ университетъ назначенныхъ, ссылаясь на ваши, графъ, запросы, которые выражаютъ сомнѣніе, и на недостатокъ точнаго предписанія ни объ одномъ изъ сихъ домовъ. Вы не изволили также ничего рѣшительнаго предписать, ни намъ отвѣчать объ остаточной суммѣ отъ откуповъ городскихъ съ 1783 г.; мы не имѣемъ ни свѣдѣнія о ней, ни наставленія, какъ при-
 ступить къ ея собранію, между тѣмъ всѣ прочія суммы, по извѣстному В. С. росписанію слѣдующія къ сбору въ нынѣшнемъ году, останови-
 лись совершенно, поелику вы не изволили ничего отвѣчать предводи-
 телю на его представленіе; изъ казны выдача 60-ти тысячной суммы отложена до будущаго года, по милости гр. Петра Васильевича (Зава-

¹⁾ Ibidem., стр. 274—275.

довскаго), который заставил министра финансовъ представить Государю, что Его Сиятельству было угодно (такъ кончилось все ваше благотѣльное стараніе по сему предмету и сообщенное вами Высочайшее соизволеніе!). Я многого еще надѣялся отъ добровольныхъ взносовъ, еслибы приношеніе Хорвата было сколько нибудь ободрено, но оно обращается въ шутку, коль скоро вы еще изволите замедлить исполненіемъ вашего общанія (не говорю уже о томъ, какъ я себя компрометироваль, написавши ему объ этомъ общаніи). Начатыя строенія всѣ пріостановились; принятыя чиновники потеряли и духъ, и надежду, и вы изволите увидѣть, что все это кончится доносомъ на меня¹⁾. Приведенные нами документы прекрасно рисуютъ и положеніе дѣлъ по части устроенія Харьковскаго университета, и настроеніе самого Вас. Наз. Каразина, и его роль въ этомъ дѣлѣ. Въ письмахъ его къ Государю и Кочубею вполне сказался его смѣлый, рѣшительный характеръ, пылкій, неводержанный нравъ, наживавшій ему постоянно враговъ; мы видимъ, какъ рѣзко выражался онъ и въ давномъ случаѣ о своемъ непосредственномъ начальникѣ, министрѣ народнаго просвѣщенія гр. Завадовскомъ. Самое дѣло, конечно, опять таки не стояло такъ безнадежно, какъ представлено оно Каразинымъ, и онъ самъ, какъ видно изъ переписки съ Тимковскимъ, вскорѣ перешелъ отъ полнаго отчаянія къ радужному настроенію. Въ письмѣ отъ 2-го августа онъ въ мрачномъ тонѣ описываетъ свои неудачи у министра народнаго просвѣщенія по части полученія денегъ, говоритъ, что заготовилъ формальную жалобу Государю на Завадовскаго²⁾, а два мѣсяца спустя (1 октября 1803 г.) пишетъ тому же Тимковскому другое письмо уже въ радостномъ тонѣ, которое заканчиваетъ такъ: „мы сдѣлаемъ несравненно болѣе, нежели предполагаютъ ваши недоброжелатели. Они измѣрили свои политическія силы, но для измѣренія нашего упорства въ добромъ намъреніи не имѣютъ они масштаба“³⁾. Дѣйствительно, упорство Каразина въ достиженіи поставленной цѣли—устройства Харьковскаго университета—было огромно и въ концѣ концовъ оно сломило сопротивленіе однихъ и нарушило инертность другихъ. Къ сожалѣнію, Каразинъ при этомъ проявлялъ такую рѣзкость, которая нажила ему враговъ, постаравшихся воспользоваться его промахами, чтобы удалить его отъ любимаго дѣла. Напрасно предупреждалъ его по этому поводу осторожный Тимковскій, совѣтоваль держаться спокойнѣе: „знаю, дѣятельность ваша есть

¹⁾ Ibidem, стр. 475.

²⁾ Киев. Стар. 1891, сентябрь, стр. 383—384.

³⁾ Ibidem, стр. 384—387.

пламень, все пожирающій—ахъ, берегитесь!—пожирающій и васъ самихъ, есть буря, сокрушающая все крушимое и раздирающая тучи ненастныхъ, за которыми вслѣдъ набѣжить сугубое несчастіе. Дѣятельность удачнаѣе, когда идетъ не скачками, но плавно и постепенно распространяется, увеличивается. Искусный генераль не оставляетъ позади себя непріятельскихъ крѣпостей. Да, простите мнѣ, въ рѣшимости вашей не узнаю я того политическаго духа, который, подобно пчелѣ, изъ всего медъ сосетъ. Я не притворства требую, не одного терпѣнія, но искренняго старанія къ поддержанію союза силъ своихъ. Сорвите желудь съ вѣковаго дуба, онъ зеленъ, вы его бросите; но дайте желудю созрѣть, легкимъ вѣтромъ оторветъ его, отнесетъ и, буде свинья не съѣстъ, буде року угодно, вырастетъ новый дубъ для будущихъ вѣковъ. Имѣй уши слышати, да слышитъ“¹⁾. Въ этомъ письмѣ ясно сказанъ и характеръ самого Тимковского, представлявшій полную противоположность съ характеромъ Каразина.

Стараясь всячески подѣйствовать на тѣхъ лицъ, въ рукахъ которыхъ была судьба Харьковскаго университета, В. Н. Каразинъ въ то же самое время принималъ живѣйшее и непосредственное участіе въ хлопотахъ по части приговорительныхъ мѣръ, а именно—велъ переписку съ разными иностранными учеными, приглашая ихъ на службу въ имѣющійся открыться Харьковскій университетъ, подбиралъ въ Петербургѣ для него библіотеку и типографію, отсылалъ книги въ Харьковъ, приобрѣталъ разныя вещи для учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета (между прочимъ знаменитую коллекцію эстамповъ Аделунга) и, наконецъ, прислалъ мастеровъ или художниковъ для производства необходимыхъ работъ на мѣстѣ въ Харьковѣ. Все это онъ дѣлалъ въ исходѣ 1803 и началѣ 1804 года. Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ говоритъ, что у него хранились отвѣтныя письма къ Василию Назарьевичу „Фихте, Гильдебрандта, Пуасона, Лабанда и другихъ европейскихъ знаменитостей, отозвавшихся весьма лестно на его призывъ ихъ въ Харьковъ“. Берлинскій натуралистъ Рейхъ отвѣтилъ ему даже по-русски²⁾.

„Помѣщикъ В. Н. Каразинъ, говоритъ Фойгтъ, положилъ первое основаніе университетской библіотекѣ. По его выбору и старанію, приобрѣтены для нея первыя сочиненія; его личному содѣйствію и вліянію она обязана большимъ числомъ книгъ, пожертвованныхъ въ то время разными частными лицами“³⁾. Всего поступило въ библіотеку,

¹⁾ Ibidem, стр. 388—389.

²⁾ Рус. Стар. 1875, ноябрь, стр. 472.

³⁾ Ист. стат. зап. объ Имп. Харьк. универ. и его заведеніяхъ 1859, стр. 25.

при В. Н. Каразинѣ б. 3000 разныхъ книгъ ¹⁾. На типографію В. Н. Каразинъ употребилъ, по словамъ Фойгта, 1250 р. 34 коп. асс. изъ суммы, отпущенной ему Н. Н. Новосильцевымъ; на эти деньги онъ приобрѣлъ 4 печатныхъ станка, словолитныя формы и котлы, желѣзные инструменты, краски, лакъ, всего 38 предметовъ ²⁾.

Приобрѣтеніе Каразиннымъ Аделунговой коллекціи эстамповъ для университета подробно рассказано акад. Н. А. Лавровскимъ. Мы не согласны со многими его замѣчаніями, но остановимся на разборѣ ихъ въ главѣ, которая будетъ посвящена исторіи учебновспомогательныхъ учреждений; теперь же только напомнимъ, что В. Н. Каразинъ приобрѣлъ въ Петербургѣ въ концѣ 1803 или началѣ 1804 г. для Харьковскаго университета у Аделунга собраніе эстамповъ въ числѣ 2477 штукъ за 5000 р. „Каталогъ“ этого собранія подписанъ былъ извѣстнымъ археологомъ Келеромъ, хранителемъ императорскаго кабинета эстамповъ, и живописцемъ Лабунскимъ, живописцемъ Кюгельхеномъ, профессоромъ скульптуры Академіи художествъ Прокофьевымъ и любителемъ искусствъ Цимсеномъ, одѣвившими его свыше 5000 р. и свидѣтельствовавшими, что это собраніе „весьма рѣдкое и въ особенности удобное служить къ изученію исторіи гравировальнаго искусства и притомъ заключающее лучшіе образцы величайшихъ мастеровъ всѣхъ временъ сего искусства“. Такимъ образомъ, изъ этого видно, что В. Н. Каразинъ приобрѣлъ коллекцію Аделунга не дороже, а, м. б., даже и дешевле ея дѣйствительной стоимости. Но дѣло усложнилось запутанными счетами В. Н. Каразина, которые долго не могъ разъяснить себѣ Комитетъ и которые вызвали сильное неудовольствіе попечителя Потоцкаго ³⁾.

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ, относящихся къ Императорскому Харьковскому университету со времени его учрежденія“;—это въ высшей степени важная рукопись, заключающая въ себѣ краткіе отчеты о дѣятельности университета за 1805—1812 г. (включительно); составлена она на основаніи официальныхъ документовъ и сама несомнѣнно вполнѣ официального происхожденія. Это та самая рукопись, на которую указывалъ давно уже Г. П. Данилевскій (Укр. Старина, стр. 304), ею впрочемъ почти совсѣмъ не пользовавшійся; она помѣчена имъ № 28—и дѣйствительно, мы находимъ ее въ архивной описи подъ этимъ номеромъ. Печатныхъ ежегодныхъ отчетовъ о дѣятельности университета за это время не имѣется и потому настоящей рукописью мы будемъ широко пользоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи. Само собою разумѣется, что къ извѣстіямъ ея мы можемъ относиться съ полнымъ довѣріемъ, какъ къ официальному экстракту изъ документальныхъ данныхъ (протоколовъ комитета, правленія, совѣта, училищнаго комитета и т. п.).

²⁾ Фойгтъ, стр. 133—134. По упомянутой выше рукописной „Исторіи дѣлъ“ для типографіи законтрактованъ былъ факторъ и литейщикъ.

³⁾ Жур. Мин. Нар. Просв., 1872, январь, стр. 79—86.

Н. А. Лавровскій приводит подробности о денежных расчетах комитета университета съ Каразиннымъ за эстампы и при этомъ посылаетъ сильный укоръ по адресу этого послѣдняго.

„Такая путаница въ денежныхъ счетахъ вслѣдствіе совершенно патріархальной простоты въ обращеніи съ деньгами, вслѣдствіе займа первыхъ оказавшихся свободными денегъ на встрѣтившіяся въ данную минуту потребности, весьма живо и наглядно рисуется намъ перваго дѣятеля въ пользу Харьковскаго университета. Не сомнѣваясь нисколько въ безкорыстіи Каразина, мы, къ сожалѣнію, должны признать совершенно естественнымъ то скорообнаружившееся явленіе, что всѣ, кто привлеченъ былъ къ соучастію съ нимъ въ томъ же дѣлѣ и особенно на кого могла падать отвѣтственность, должны были признать его неисправимо плохимъ и безнадежнымъ распорядителемъ и должны были поспѣшить покончить съ нимъ всѣ счета“¹⁾. Путаница въ счетахъ дѣйствительно существовала, но она происходила не отъ одной патріархальной простоты Каразина въ расходованіи казенныхъ денегъ: она вызвана была главнымъ образомъ тѣми условіями, при которыхъ приходилось дѣйствовать Каразину—предоставленными ему обширными полномочіями, отсутствіемъ опредѣленнаго назначенія для суммъ патріотическаго фонда, постояннымъ хроническимъ запаздываніемъ при назначеніи штатныхъ денегъ, сильно тормозившимъ открытіе университета, отсутствіемъ на мѣстѣ въ Харьковѣ попечителя Потоцкаго и вызванною этимъ необходимостью сносятся по дѣламъ университета съ лицомъ, проживавшимъ въ Петербургѣ и обремененнымъ множествомъ своихъ прямыхъ служебныхъ обязанностей. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ трудно было и ожидать аккуратнаго счетоводства. Не слѣдуетъ также упускать при этомъ изъ виду, что, при недостаткѣ денегъ, Каразинъ дѣлалъ постоянныя позаймствованія изъ собственныхъ средствъ, въ общемъ не особенно обширныхъ, и этимъ привелъ въ полное разстройство свои собственные дѣла (долженъ былъ заложить свое имѣніе и т. п.). Мнѣ удалось найти въ университетскомъ архивѣ письмо самого Каразина въ комитетъ правленія Харьковскаго университета, гдѣ онъ старается какъ бы оправдаться въ нѣкоторой неаккуратности счетовъ, въ смѣшеніи своихъ суммъ съ университетскими; письмо это исполнено достоинства и сознанія важности заслугъ, оказанныхъ имъ любимому дѣтищу, Харьковскому университету. Оно можетъ служить прямымъ отвѣтомъ и какъ бы возраженіемъ Н. А. Лавровскому.

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1872, январь, стр. 84.

„Милостивые государи!

Между прочими услугами, кои имѣлъ я счастье оказать Университету, доставилъ я въ оный въ 1803 и 1804 гг. изъ С.-Петербурга большую часть книгъ, находящихся нынѣ въ его библіотекѣ, почти всѣ инструменты физическаго его кабинета, также лабораторіи, типографіи и богатое собраніе эстамповъ; послѣднія мои доставки послѣдовали въ мартѣ 1804 г. Содѣйствуя съ такимъ же усердіемъ, какъ и довѣренностью, къ пользамъ сего почтеннаго заведенія, коего благо толь несомнѣнно было мнѣ довѣрено, какъ съ начала, такъ и до самаго его существованія, никогда не былъ я остановленъ недостатками суммъ, въ послѣдствіи времени правительствомъ для него назначенныхъ. Многократно старался я вознаграждать моею собственностью недостатокъ оффиціальныхъ средствъ, нерѣдко въ подобныхъ сему случаю бывающихъ, въ коихъ новость заведенія не дозволяетъ предвидѣть непремѣнныхъ и положительныхъ правилъ и недостатокъ въ коихъ можетъ замѣнить одна только дѣятельность ихъ основателей. Пользуясь такимъ образомъ правомъ, случаемъ мнѣ даннымъ, и не имѣя нужды въ вѣрющихъ уполномочіяхъ, кромѣ явныхъ и всѣмъ извѣстныхъ начальныхъ въ пользу университета дѣйствій и моей къ оному привязанности, ходатайствовалъ я къ пользамъ его у художниковъ, книгопродавцевъ и вообще у всѣхъ лицъ, вспомошествованія коихъ могли принести ему выгоды. Лица сіи, во всѣхъ до университета касающихся предписаніяхъ, кромѣ меня никого другого не признавали; имя мое было для нихъ совершенно достаточнымъ; квитанціи мои или заемныя письма считались имѣющими цѣну свою обязательствами и достаточными къ удовлетворенію всѣхъ могущихъ произойти съ ихъ стороны требованій. Также справедливо и то, что всегда исполнялъ я мои обязанности, тѣмъ болѣе для меня священные, что оныя производились именемъ столь высокаго заведенія. Если иногда съ трудомъ могъ я употреблять въ расходъ суммы, для сего столь великодушно Его Имп. Вел. назначенныя, то не отлагая ни мало, тогда же замѣнялъ оныя своею собственностью. Бумаги Его Сіятельства г. попечителя и доставленные въ университетъ счета представляютъ тому множество доказательствъ. Не найдется ни одного такого засвидѣтельствованія, сколько могу припомнить, которое не было за моимъ или съ согласія моего за подписомъ самого поставщика. Всякому извѣстно, что въ университетъ получено болѣе какъ на 20000 всякаго рода вещей и при томъ безъ всякихъ счетовъ употребленныхъ на то суммъ (ибо тогда не существовало въ немъ никакой еще надобности); часто спустя потомъ не малое уже время оканчивалъ я счета мои съ г. Новосильцевымъ, временно пра-

вившимъ тогда должность попечителя Университета, и получалъ обратно употребленные мною собственныя мои на сіе деньги. Симъ образомъ кончилъ я съ университетомъ всѣ расчеты во всемъ, какъ до послѣднѣй книгъ, инструментовъ, такъ и прочаго касающемся. Что же принадлежить до эстамповъ, купленныхъ у г. Аделунга, то какъ поспѣшный мой отъѣздъ изъ С.-Петербурга воспрепятствовалъ мнѣ войти, какъ слѣдовало, въ сіе дѣло, то за оныя и не получилъ я денегъ. Продавецъ оныхъ, почетный членъ сего и Московскаго университетовъ, также членъ многихъ иностранныхъ ученыхъ и другихъ обществъ и наставникъ Ихъ Имп. Высочествъ Государей и Великихъ Князей дозволилъ мнѣ, чтобы прежде всего собраніе сіе оцѣнено было гг. первымъ бібліотекаремъ Е. И. Вел. Келеромъ, смотрителемъ Имп. Собранія эстамповъ въ Эрмитажѣ Лабенскомъ, живописцемъ Е. И. Вел. Кюгельбекомъ, профессоромъ Имп. Академіи художествъ Прокофьевымъ и знатокомъ художникомъ кол. ас. Юнгомъ, кои равномѣрно подпискою своею на самомъ каталогѣ засвидѣтельствовали, что цѣна всему собранію превышаетъ сумму 5000 р. (на которую согласились мы съ г. Аделунгомъ послѣ продолжавшагося многіе мѣсяцы торгу); собраніе оное, которое полагалъ я тогда да и нынѣ не перестаю признавать необходимо нужнымъ университету, получивъ подъ заемное письмо на 5000 р., кои обязался выплатить въ 4 срока, отправилъ я тогда въ Харьковъ съ послѣдніе присланными Цимсеномъ книгами и, подобно прежнимъ случаямъ, всю оную сумму сполна заплатилъ я по оному заемному письму, какъ слѣдовало. Что же касается до платежа мнѣ собственно оныхъ денегъ, то его сіятельство г. попечитель Университета приказалъ мнѣ самому адресоваться въ оный, почему я имѣлъ уже честь представить комитету въ засѣданіи его сего 3 марта мои довѣрія. Вслѣдствіе чего и прошу покорнѣйше высокопочтеннаго комитета, дабы опредѣлилъ выдать мнѣ оныя 5000 р. подъ мою росписку или въ противномъ случаѣ снабдилъ-бы меня другимъ какимъ либо рѣшительнымъ отзывомъ.

Василій Каразинъ, марта 31 дня 1805 г.^а 1).

Едва-ли нужно прибавлять что нибудь къ этому письму: оно само по себѣ служить достаточнымъ оправданіемъ для В. Н. Каразина и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасно характеризуетъ эту замѣчательную личность. Нужно при этомъ замѣтить, что отправлено оно было тогда, когда Василія Назарьевича отстранили отъ университетскихъ дѣлъ, а между тѣмъ въ немъ не замѣтно ни малѣйшаго личнаго раздраженія и ме-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1805 г., № 7.

лочнаго тщеславія. Такъ могъ писать только человѣкъ, вполне убѣжденный въ своей правотѣ и въ важности оказанныхъ имъ университету услугъ.

Но окончательно дискредитировало В. Н. Каразина другое его *хозяйственное* распоряженіе—о мастерахъ или *художникахъ*; оно послужило ближайшимъ поводомъ къ устраненію его отъ дѣлъ Харьковского университета. Эпизодъ этотъ также подробно разсказанъ Н. А. Лавровскимъ ¹⁾ на основаніи документовъ университетскаго архива и потому мы не будемъ повторять уже извѣстныхъ подробностей, а напомнимъ здѣсь только сущность дѣла. В. Н. Каразинъ, въ виду недостатка въ Харьковѣ ремесленниковъ для производства различныхъ работъ, стоявшихъ въ связи съ учрежденіемъ университета, рѣшилъ отправить значительную партію ихъ изъ Петербурга. Онъ полагалъ что весь этотъ ремесленный людъ понадобится многочисленному контингенту студентовъ и профессоровъ будущаго университета (припомнимъ, въ какомъ грандіозномъ видѣ представлялъ онъ себѣ это Харьковское высшее училище! ²⁾). Между тѣмъ, потребности вновь открывающагося университета во всѣхъ отношеніяхъ оказались чрезвычайно скромными: студентовъ къ поступленію въ университетъ явилось очень мало, профессоровъ также, и многимъ художникамъ, законтрактованнымъ В. Н. Каразинымъ для университета, дѣлать по пріѣздѣ въ Харьковъ было нечего. Всего отправлено было Василиемъ Назарьевичемъ 32 мастеровыхъ и издержано на нихъ около 12000 рублей, изъ коихъ ок. 9 т. могли быть погашены работой, а 3 т. выданы были имъ безвозвратно. По контрактамъ они должны были находиться въ вѣдѣніи университета, исполнять за умѣренную плату работы для него предпочтительно передъ частными заказами и отрабатывать постепенно суммы, полученныя ими на первоначальное обзаведеніе. В. Н. Каразинъ въ одномъ письмѣ самъ сознается, что онъ, отправляя ремесленниковъ, имѣлъ въ виду при этомъ и интересы *города*. Результаты этого предпріятія оказались для Каразина очень плачевными: Министръ Народнаго Просвѣщенія, гр. Зава-

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1872, январь, стр. 86—99.

²⁾ Мотивы для вызова въ Харьковъ ремесленниковъ указаны имъ въ письмѣ къ Тимковскому; онъ полагалъ, что такимъ образомъ добьется и сбереженія университетскихъ денегъ, и пользы для г. Харькова: „вмѣсто того чтобы везти отсюда (изъ Петербурга) 10 фуръ всякой желѣзной, мѣдной и деревянной, по большей части ни къ чему негодной уже, драни, составляющей то, что называется *типографіей*, развѣ не выгоднѣе будетъ сдѣлать все на мѣстѣ своими людьми? Людьми, разумѣю я, которые могутъ устроить 20 типографій“. (Кіев. Стар., 1891, сентябрь, стр. 386).

довскій, доложилъ Государю, что Каразинъ „самъ собою безъ всякаго дозволенія отъ начальства“ вызвалъ многихъ мастеровыхъ людей въ Харьковъ и сдѣлалъ съ ними контракты, на что затратилъ 11525 р. сверхъ суммы, опредѣленной въ штатѣ; въ виду этого онъ, Завадовскій, поручилъ попечителю Потоцкому сдѣлать Каразину строгій выговоръ и запретилъ ему отнынѣ мѣшаться въ дѣла университета. Государь согласился съ этимъ представленіемъ министра (18 іюня 1804 г.) и Завадовскій 20 же іюня увѣдомилъ объ этомъ Высочайшемъ повелѣніи Потоцкаго. Съ этого момента должна была прекратиться всякая дѣятельность В. Н. Каразина на пользу Харьковскаго университета. Это былъ страшный ударъ для него; его поражали въ самое чувствительное мѣсто: онъ долженъ былъ отказаться отъ любимаго дѣтища своей творческой мысли, отъ предпріятія, которое должно было принести огромную пользу краю, отъ дѣла, на которое онъ затратилъ массу энергіи и которое теперь близилося уже къ благополучному окончанію.

Спрашивается теперь, на сколько справедливо было тяжелое наказаніе, постигшее Каразина, повергшее его въ уныніе и причинившее ему тяжелую нравственную пытку? Гр. Завадовскій мотивировалъ свою суровую мѣру въ докладѣ Государю тѣмъ, что Каразинъ нанялъ работниковъ „безъ всякаго дозволенія отъ начальства“. Но оказывается на самомъ дѣлѣ, что Каразинъ имѣлъ такое дозволеніе отъ начальства. 11 апрѣля 1804 года открылъ свои дѣйствія въ Харьковѣ officialный *Комитетъ* изъ профессоровъ и распредѣлилъ между своими членами тѣ обязанности, которыя раньше несли Каразинъ и Тимковскій; и вотъ въ этомъ комитетѣ Каразину „предоставлено было *вслѣдствіе предложенія попечителя отъ 19-го апрѣля* и согласно его вызову дѣлать заказы законтрактованнымъ имъ ремесленникамъ, а равно и разнымъ другимъ художникамъ“. Въ своей инструкціи Потоцкій просилъ Каразина всячески способствовать комитету въ его дѣятельности, какъ человѣка, который „только содѣйствовалъ пользамъ сего университета“. Наконецъ, въ отношеніи своемъ отъ 19-го апрѣля Потоцкій прямо поручаетъ художниковъ „въ непосредственное наблюденіе Каразину“.

Неужели такія полномочія были недостаточны, въ особенности для лица, которое было инициаторомъ всего дѣла и одно время единственнымъ распорядителемъ его? Но еще любопытнѣе то, что самъ Потоцкій признавалъ вполне цѣлесообразнымъ предпріятіе В. Н. Каразина о высылкѣ художниковъ. Это ясно видно изъ officialнаго письма его къ графу Завадовскому отъ 19-го апрѣля 1804 г. „По строжайшему изслѣдованію моему сего дѣла, извлекая я слѣдующее заключеніе: извѣстно уже Вашему Сіятельству, что г. Каразинъ во всѣхъ своихъ,

впрочемъ похвальныхъ предпріятійхъ, не употребляетъ ни осматрительности, ни тѣхъ правилъ, каковыхъ требуетъ заведенный порядокъ, онъ точно такимъ образомъ поступилъ и въ семъ случаѣ: видѣвъ, что открытіе университета требовать будетъ множества предварительныхъ работъ, для которыхъ въ городѣ Харьковѣ, скудномъ и въ самыхъ простыхъ ремеслахъ, не достанетъ никакихъ средствъ, онъ свойственными ему приемами и убѣжденіями вызвалъ изъ С.-Петербурга 32 мастеровыхъ, выдалъ каждому изъ нихъ отъ 100 до 500 р. по своему разсмотрѣнію съ условіемъ, что они большую часть сихъ денегъ повинны отработать университету, остальные же останутся на ихъ обзаведеніе. Всѣ условія заключены какъ между частными людьми и писаны отъ его собственнаго имени. Сложная сумма, во что обошлись таковыя задатки, доставленіе до Харькова и удовлетвореніе въ семъ городѣ всѣхъ упомянутыхъ художниковъ, простирается до 12200 р., изъ которой суммы 10200 р. онъ уже выдалъ изъ собственныхъ денегъ, а 2000 р. остается еще дать кузнецамъ, стальнымъ и коснымъ мастерамъ, которые одни остались неудовлетворенными. Поступокъ г. Каразина нахожу я весьма необдуманномъ, обнаруживающимъ недовѣрчивость къ особѣ, которая управляла моимъ именемъ (т. е. Н. Н. Новосильцеву, который былъ противъ этой мѣры) ¹⁾ или упорство еще болѣе непростительное поставить на своемъ противъ ея воли. Въ доставленіи же изъ числа 32 четырехъ, никакой пользы университету принести не могущихъ, именно: чулочнаго фабриканта, замщенника, кожевника и ткача, вижу я сверхъ того усердіе къ Харькову не у мѣста. Но съ другой стороны, рассуждая: 1) что пріобрѣтеніе Университету суммы городскихъ приношеній была собственная идея г. Каразина и преимущественно имъ произведена была въ дѣйство; 2) что самая большая часть доставленныхъ ремесленниковъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ университета и города Харькова совершенно необходима и въ такой степени, что учрежденный комитетъ для успѣха предварительныхъ работъ принужденъ будетъ выписать въ добавокъ еще нѣсколько мастеровыхъ; 3) что изъ суммы, употребленной на нихъ, подѣ благоразумнымъ присмотромъ за работами ихъ, возвратиться должно 8450 р., въ непродолжительномъ времени; въ 4) что пріемомъ учениковъ, которыхъ оные мастера отъ стороннихъ людей, по показанію университета, безъ платы взяли обязались, можетъ быть выручена еще нѣкоторая значущая сумма; въ 5) что привозъ изъ столицъ мебели и другихъ вещей, нужныхъ для классовъ, бібліотеки, физическаго и модельнаго кабинетовъ, лабо-

¹⁾ Ср. Рус. Стар. 1875, ноябрь стр. 473—474.

раторіи и типографіи, которыя могутъ быть сдѣланы здѣсь на мѣстѣ самими ремесленниками, составилъ-бы сумму, превосходящую издержки на доставленіе ихъ самихъ и сверхъ того былъ бы сопряженъ съ великими неудобствами; 6) что поселеніе ихъ въ Харьковѣ составляетъ вѣрное пристанище и способъ къ жизни дѣтямъ бѣдныхъ мѣщанъ, которые, выходя изъ уѣздныхъ училищъ, стануть затрудняться въ пропитаніи, но, бывъ отданы въ мастерство, они не только сберегутся отъ нищеты и разврата, но и послужатъ современемъ на пользу сего края, весьма скуднаго со стороны искусствъ и рукодѣлій; въ 7) что выписка сихъ людей принесла удовольствіе жителямъ г. Харькова, какъ то я многократно имѣлъ случай слышать отъ нихъ, и что она можетъ принадлежать къ числу тѣхъ средствъ, которыми начальство университета, оказавъ здѣшней публикѣ угожденіе и попеченіе о ея выгодахъ, приобрѣтетъ болѣе и болѣе ея довѣренность; въ 8) что, наказавши г. Каразина за его необдуманную ревность оставленіемъ его на произволъ кредиторахъ въ такомъ состояніи его имѣнія, которое, сколько мнѣ извѣстно, уже и безъ того едва ли не превышаютъ долги, сдѣланные на пользу общую,—будетъ значить наказывать не его, но сихъ кредиторовъ собственно и тѣхъ ремесленниковъ, которые по условію съ нимъ не успѣли еще получить денегъ—всѣми таковыми причинами убѣждаясь, но не преклоняясь въ пользу г. Каразина, я предаю сіе дѣло и мое о немъ сужденіе въ собственное уваженіе Вашего Сіятельства и главнаго правленія училищъ“. На этомъ донесеніи рукою Завадовскаго написано: докладовано 4-го іюня. Государь указалъ: „мастерамъ выдать деньги изъ суммъ, вносимыхъ отъ городскихъ приношеній, а Каразину запретить мѣшаться въ дѣла университета“¹⁾.

Письмо С. О. Потоцкаго весьма любопытно и, нужно сознаться, рисуеъ въ данномъ случаѣ съ несовсѣмъ благопріятной стороны этого дѣятеля—въ немъ уже слишкомъ много дипломатической изворотливости, уклончивости и противорѣчій.

Представивъ цѣлый рядъ серьезнѣйшихъ данныхъ въ пользу предпріятія Каразина, онъ уклоняется отъ заключенія, которое логически необходимо вытекаетъ изъ нихъ; мало того, употребляетъ такое выраженіе, которое само въ себѣ заключаетъ непримиримое противорѣчіе: *„всѣми таковыми причинами убѣждаясь, но не преклоняясь въ пользу г. Каразина,* говоритъ онъ, я передаю это дѣло на рѣшеніе Вашего Сіятель-

¹⁾ Выписка эта сдѣлана изъ Архива Мин. Нар. Просв. (Дѣло подъ № 5472, картонъ № 152-й) Филаделъфомъ Васильевичемъ Каразинымъ и сообщена имъ въ письмѣ къ Н. А. Лавровскому. (См. хранящіеся у меня рукописныя письма Ф. В. Каразина къ Н. А. Лавровскому; письмо отъ 8 дек. 1872 г. изъ Петербурга).

ства". Узнавъ же въ скорости послѣ этого, въ Петербургѣ, что къ этому дѣлу о художникахъ министръ отнесся чрезвычайно неблагоклонно, Потоцкій пишетъ въ комитетъ университета весьма строгое отношеніе, въ которомъ „рѣшительно не соглашается на завѣдываніе Каразиннымъ (порученными ему по его же предложенію) работами: „порученіе, сдѣланное комитетомъ г. Каразину относительно художниковъ, пишетъ попечитель, *которые столько надѣлали и дѣлаютъ шуму и которыхъ дѣло, еще не извѣстно мнѣ, какія будетъ имѣть послѣдствія* ¹⁾, не могу признать я за нужное“.

Очевидно, Потоцкій убѣдился въ Петербургѣ, что участь Каразина уже рѣшена и вздумалъ заблаговременно отступить отъ своего бывшаго помощника и сотрудника. Впрочемъ, нужно замѣтить, что едва-ли онъ и могъ чѣмъ нибудь помочь Каразину. Противъ этого послѣдняго былъ вооруженъ прямой начальникъ Потоцкаго министръ народнаго просвѣщенія гр. Завадовскій, который давно уже ждалъ какого-либо случая, чтобы избавиться отъ непріятнаго челоѣка ²⁾. Государь въ это время уже вполне охладѣлъ къ Каразину по причинамъ, на которыхъ останавливаться здѣсь было бы неумѣстно ³⁾ и Завадовскому было нетрудно нанести, такъ сказать, послѣдній ударъ нѣкогда опасному для него противнику. И онъ воспользовался для этого дѣломъ о художникахъ, представивъ его Государю далеко, какъ мы видѣли, не въ точномъ видѣ ⁴⁾. Такъ неожиданно должна была прерваться дѣятельность В. Н. Каразина на пользу дорогого ему Харьковскаго университета: послѣ Высочайшаго повелѣнія 18-го іюня 1804 г. онъ совершенно прекратилъ всякія сношенія съ университетомъ.

Посмотримъ теперь, что дѣлалось въ 1804 году на пользу университета въ самомъ Харьковѣ. Въ концѣ 1803 г.; какъ мы знаемъ, тамъ единолично распоряжался всѣмъ И. Ѳ. Тимковскій, которому были предоставлены широкія полномочія—и онъ пользовался ими чрезвычайно умѣло, удачно и добросовѣстно. Попечитель Потоцкій между тѣмъ все это время проживалъ за границей и, какъ мы знаемъ изъ письма его къ

¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1872, январь, стр. 94.

²⁾ Едва ли Завадовскій могъ не знать о томъ, что писалъ о немъ Каразинъ Государю.

³⁾ См. объ этомъ „Укр. Старину“, Данилевскаго, стр. 115—116; Ж. М. Н. Просв., 1872 г., январь, стр. 97—99; „Кіев. Старина“, 1891, августъ, стр. 234—236; мою рѣчь „О просвѣтительной дѣятельности В. Н. Каразина“, стр. 22—23.

⁴⁾ Въ своемъ докладѣ Государю онъ сослался между прочимъ на рапортъ Потоцкаго—между тѣмъ какъ этотъ послѣдній, какъ мы видѣли, *по существу* одобрилъ мѣру Каразина, признавъ ее вполне цѣлесообразной и даже необходимой.

В. Н. Каразину, не спѣшилъ въ Харьковъ, заявляя, что ему тамъ пока нечего дѣлать въ виду недостатка денегъ. Но въ мартѣ 1804 г. попечитель, наконецъ, впервые явился въ Харьковъ и вступилъ въ непосредственное управленіе Харьковскимъ округомъ, которымъ до того времени завѣдывалъ его именемъ Петербургскій попечитель, Новосильцевъ. Усмотрѣвъ медленное теченіе дѣлъ по устройству университета, Потоцкій учредилъ для ускоренія ихъ *Комитетъ* изъ наличныхъ профессоровъ — Рижскаго, Тимковскаго, Делявина, Балленъ-де-Баллю и Осиповскаго и присоединилъ къ нимъ для совѣтовъ Каразина; председателемъ назначенъ былъ Рижскій. Комитету дана была въ руководство инструкція, а первое засѣданіе его состоялось 11 апрѣля 1804 года. Съ этого момента приготовленія къ открытію университета пошли гораздо правильнѣе и быстрѣе, чѣмъ прежде; комитетъ располагалъ уже штатною суммою, которой раньше не хотѣли выдавать; дѣятельность его была распредѣлена между нѣсколькими лицами и подчинена определенной инструкціи; наконецъ, во главѣ дѣла стоялъ самъ попечитель, лично явившійся въ Харьковъ, чтобы руководить дѣлами на мѣстѣ.

Дѣятельность комитета была очень разносторонняя, разнообразная; она захватывала и учебную, и хозяйственную сферу, и мы на ней должны теперь остановиться подробно, тѣмъ болѣе, что она почти совсѣмъ не затронута въ трудахъ прежнихъ историковъ университета. Предсѣдательство въ комитетѣ Потоцкій поручилъ проф. Рижскому, имя котораго должно быть отмѣчено нами, какъ одного изъ видныхъ дѣятелей по части первоначальнаго устройства Харьковскаго университета. Въ руководство комитету была дана подробная инструкція. Наиболѣе важными дѣйствіями комитета нужно признать слѣдующія:

- 1) Перестройки и пристройки въ 2-хъ зданіяхъ, отведенныхъ подъ университетъ, и снабженіе комнатъ, аудиторій, лабораторій и т. п. нужною мебелью; 2) приведеніе въ порядокъ и составленіе списковъ полученнымъ изъ Петербурга книгамъ и инструментамъ; 3) устройство около большого университетскаго дома ботаническаго сада и бульвара; 4) устройство типографіи; 5) покупку земель подъ будущія университетскія постройки; 6) заботу о предположенныхъ въ ближайшемъ будущемъ постройкахъ; 7) содержаніе въ порядкѣ университетскихъ домовъ; 8) заботы о ремесленникахъ, законтрактованныхъ В. Н. Каразинымъ; 9) составленіе послужныхъ списковъ профессоровъ университета и выдачу имъ жалованья; 10) изслѣдованіе нѣкоторыхъ естественныхъ богатствъ края и командировку для этого профессоровъ; 11) пріемъ и содержаніе казенныхъ студентовъ; 12) пріемъ своекоштныхъ студентовъ; 13) устройство приготовительнаго класса; 14) нѣкоторыя дѣла,

касавшіяся училищъ Харьковскаго учебнаго округа; 15) приходъ и расходъ поступающихъ въ распоряженіе университета суммъ; 16) приготовленія къ торжеству открытія университета.

Какъ видимъ уже изъ этого перечня, дѣятельность комитета была очень разносторонняя и захватывала какъ хозяйственную, такъ и учебную часть. На долю каждаго члена комитета выпало не мало работы. Остановимся на всѣхъ этихъ работахъ комитета подробнѣе.

Передаанныя подъ будущій университетъ зданія (генераль-губернаторскій и губернаторскій дома) требовали значительныхъ передѣлокъ, во 1-хъ, потому что были очень ветхи, а во 2-хъ, потому что предназначались первоначально для совсѣмъ иной цѣли. Передѣлки въ двухъ главныхъ корпусахъ окончены были къ сентябрю мѣсяцу, такъ что 4-го сентября въ маломъ домѣ (гдѣ теперь церковь и библіотека) помѣщено было 30 чел. семинаристовъ, предназначавшихся въ казеннокоштные студенты; всего истрчено было 11682 р. 75 коп., да около 3400 р. издержано на отдѣлку новыхъ квартиръ губернатора и вице-губернатора, жившихъ раньше въ этихъ домахъ. Присылаемые въ университетъ книги сначала находились въ вѣдѣніи кассира Дзюбина, а потомъ переданы въ распоряженіе назначеннаго библіотекаремъ проф. Балленъ де-Баллю. Такъ какъ онѣ куплены были по большей части въ листахъ и безъ реестровъ, то В. Н. Каразинъ прислалъ въ Харьковъ переплетчика Ведде, который обязался переплестать ихъ и получать за это 250 р. жалованья, квартиру и 20% стоимости переплетнаго матеріала. Въ университетскую библіотеку сверхъ того поступили слѣдующія пособія: 2 атласа на русскомъ языкѣ, одинъ съ 43, другой съ 58 картами; атласъ Меркаторовъ въ 2-хъ книгахъ, изъ коихъ въ одной было 141, а въ другой 122 карты; древній атласъ Птолommeвъ изъ 40-хъ картъ, подаренный В. Н. Каразинымъ; атласъ Прусскаго государства. Основаніе нумизматической коллекціи было положено пожертвованіемъ попечителя гр. Потоцкаго: онъ подарилъ 840 медалей (въ томъ числѣ 820 серебр. и 20 золотыхъ), изъ коихъ 533 древнихъ и 307 новыхъ.

Въ теченіи 1804 г. получено было изъ Петербурга 3219 книгъ, въ томъ числѣ 26 дефектныхъ. Въ физическій кабинетъ прислано за это же время 34 прибора, а сверхъ того подарена В. Н. Каразинымъ электрическая машина работы художника Шишерины; въ химическую лабораторію поступило въ началѣ года 69 приборовъ, разная стеклянная посуда и 8 пудовъ ртути; затѣмъ были и новыя покупки по требованію адъюнкта химіи Гизе.

Такъ какъ профессоръ ботаники Деливинъ прибылъ въ Харьковъ съ садовникомъ Стровальдомъ еще въ 1803 году, то съ начала весны

1804 г. приступили къ заведенію небольшого ботаническаго сада. Для этого отгорожена была при большомъ университетскомъ домѣ, въ одномъ изъ угловъ его, часть двора длиною въ 30, а шириною въ 15 саж., гдѣ и выкопаны были гряды и посажено садовникомъ, подъ наблюденіемъ профессора Делявина, много сѣмянъ и растений, а для сохраненія ихъ въ зимнее время устроена была въ углу оранжерея (въ видѣ ротонды). 24 сентября прибылъ изъ Вѣны выписанный попечителемъ садовникъ Цетлеръ, который привезъ съ собою нѣсколько горшковъ разныхъ растений. Этотъ Цетлеръ былъ назначенъ главнымъ садовникомъ, а пріѣхавшій раньше Стровальдъ сдѣланъ его помощникомъ. Ротонда оказалась тѣсною для оранжереи и потому нанята и отдѣлана была еще другая пустая оранжерея, стоявшая при городской аптекѣ,— и въ нихъ на зиму помѣщены всѣ растенія; для новыхъ же посадокъ попечитель прислалъ еще ящикъ сѣмянъ; съ двухъ сторонъ большого университетскаго дома устроенъ бульваръ и посажены три ряда деревьевъ, чтобы образовать двѣ аллеи.

Для заведенія типографіи изъ Петербурга прибылъ въ началѣ 1804 г. Гекъ и для словолитни Дрегеръ (оба иностранца); первому назначено было по 500 р. жалованья, второму—по 300. Они привезли съ собою слѣдующія типографскія принадлежности: 4 печатныхъ станка и мѣдную доску съ вѣтями и двомъ для 5-го станка, большой желѣзный винтъ для гнету, 6 желѣзныхъ наборныхъ верстаковъ, 12 ложекъ для словолитья, 24 желѣзныя рамы къ станкамъ, 4 корректурныхъ шила, 15 фунтовъ печатной краски, 10 ф. лаку, $17\frac{1}{2}$ пудовъ гарту, 6 пуд. антимоніальнаго королька, 50 пудовъ свинцу, 4 пергаментныхъ кожи, вѣсы съ гириями, 24 графіи, приборъ для производствъ словолитной печки, 15 словолитныхъ формъ, 3 словолитныхъ котла, матрацы для 12 русскихъ и 3 латинскихъ шрифтовъ. Пока для типографіи отдѣлывался флигель, типографщикъ въ отведенномъ ему жилищѣ сдѣлалъ словолитную печку и, пріискавъ для этого двухъ работниковъ, началъ лить русскія буквы. Вскорѣ помѣщеніе для типографіи было готово—и туда перенесена также словолитня. Самая типографія была снабжена новыми принадлежностями (печатными станками, столами, реалами, наборными линейками, наборными досками, молотами, желѣзными и мѣдными котлами, винтами, подсвѣчниками и т. п.). Сверхъ того Лейпцигскимъ словолитчикамъ, Гертелю и Брейткопфу, были заказаны латинскіе и греческіе шрифты.

Потоцкій, осматривая съ губернаторомъ Бахтинымъ мѣста, удобныя для будущихъ университетскихъ построекъ (на генераль-губерна-

торскій и губернаторскій домъ смотрѣли, какъ на временное помѣщеніе), остановилъ свое вниманіе на томъ самомъ участкѣ, который избралъ раньше всѣхъ В. Н. Каразинъ, а затѣмъ И. О. Тимковский. Онъ находился въ предмѣстьи города, къ сѣверу, по дорогѣ, ведущей въ Сумы, и состоялъ частію изъ пахотныхъ полей, а частію изъ дворовыхъ усадебъ и садовъ войсковыхъ обывателей и нѣкоторыхъ помѣщиковъ. Губернскій землемѣръ Драгомиръ, которому поручено было собрать справки по этому дѣлу, объявилъ, что войсковые обыватели и нѣкоторые изъ помѣщиковъ (о нихъ мы говорили выше) уступаютъ пахотную землю университету безвозмездно; участки же подъ домами и садами могутъ быть отчуждены по весьма недорогой цѣнѣ—за 5965 р. ¹⁾. Сверхъ того попечитель счелъ необходимымъ приобрѣсти еще и смежную землю—часть пахотнаго поля и такъ называемый Кантемировскій садъ; этотъ послѣдній находился въ опеку по просроченному закладу и, съ согласія сената, былъ проданъ университету ²⁾. Для обмежеванія всѣхъ этихъ участковъ и полученія купчихъ были назначены губернскій землемѣръ Драгомиръ, профессоръ Осиповскій и адъютантъ Васильевъ; составленный ими планъ былъ переданъ въ Комитетъ. Впрочемъ формальная передача Кантемировскаго сада состоялась уже только въ январѣ 1805 года ³⁾. Происхожденіе этого Кантемировскаго сада, на мѣстѣ котораго возникъ нынѣшній университетскій, таково. Помѣщикъ Слободско-Украинской губ. статскій сов. Григорій Романовичъ Шидловскій занялъ въ опеку Кантемира въ 1792 г. 2000 р. на $\frac{1}{2}$ года подъ залогъ своего дома съ садомъ, находившимся по Сумской дорогѣ. Долгъ не былъ уплаченъ—и домъ съ садомъ и строеніемъ перешелъ въ Кантемировскую опеку; постройки пришли въ ветхость, разрушались и не приносили никакихъ доходовъ. Возобновить ихъ не считали удобнымъ, потому что онѣ находились вдали отъ центра города и воды; собственнаго лѣса вблизи также не было; переселеніе крестьянъ изъ Рогани туда „для обереганія его“ было бы убыточно. Рѣшено было по-

¹⁾ Согласились снести свои усадьбы 45 обывателей *выселка Песокъ*, который находился за городомъ; каждый долженъ былъ получить сумму отъ 7 до 250 р., а всѣ вмѣстѣ 3017 рублей (Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попеч., № 1 по архиву, № 1 по картону).

²⁾ Содѣйствовалъ университету въ его желаніи приобрѣсти этотъ участокъ и одинъ изъ опекуновъ Лосевъ, какъ это видно изъ письма Тимковского къ Потодькому. (*Ibidem*).

³⁾ Всѣ эти данныя о дѣятельности комитета мы извлекали изъ рукописной „исторіи дѣлъ, относящихся къ Императорскому Харьковскому университету со времени его учрежденія“.

этому продать его съ публичнаго торга. На торгъ явился адъютантъ Васильевъ, который купилъ его для университета за 2000 р.; купчая выдана была 26 января 1805 года ¹⁾.

Приобрѣвъ эти земли, Комитетъ хотѣлъ приступить къ постройкѣ предположенныхъ для университета зданій, но, какъ извѣстно, этому предпріятію не суждено было осуществиться, и университетъ до сихъ поръ находится въ своемъ *временномъ* помѣщеніи; нѣкоторое влияние должны были оказать на это препятствія, встрѣтившіяся на первыхъ же порахъ; для будущихъ зданій нужно было имѣть 5.000,000 кирпича; но промышленность въ Харьковѣ находилась тогда въ зачаточномъ состояніи; большихъ кирпичныхъ заводовъ не было и потому рѣшили отдать этотъ подрядъ съ торговъ; и тѣмъ не менѣе, не смотря на публикацію въ „Моск. Вѣд.“, конкурентовъ не нашлось—явился только одинъ харьковскій купецъ Бѣляевъ, да и тотъ впрочемъ требовалъ отъ университета дровъ, которыхъ у него не было. Комитетъ хотѣлъ было сдѣлать запасъ кирпича въ Москвѣ и рѣшилъ командировать для этого одного изъ профессоровъ, но попечитель не утвердилъ этого предположенія; такъ дѣло постройки и пріостановилось ²⁾. Достойно замѣчанія здѣсь еще одно обстоятельство. Когда Министръ Нар. Просв. поднесъ проэктъ постройки, составленный Сев. Осип. Потоцкимъ, Государю, то Государь выразилъ желаніе, чтобы аудиторіи были соединены другъ съ другомъ „дабы (учащіеся и учащіе) не терпѣли тягости въ холодную и ненастливую погоду отъ переходовъ по открытому воздуху“. Покупка разнаго рода издѣлій и предметовъ первой необходимости сопровождалась тогда вообще большими хлопотами.

¹⁾ Вотъ какова была окружность мѣста: „отъ Деркачевской дороги окопомъ до дороги внизъ отъ Харьковскаго монастыря идущей 344, а оттоль поворота влѣво по надъ дорогою до двора казеннаго обывателя Григорія Никитенка 50, оттоль же влѣво подаваясь вправо старымъ окопомъ и до поворота оного 123, а отъ того направо поворота окопомъ же до большаго яру 40, а тѣмъ яромъ поворота влѣво прямо вверхъ до конца двора и до дороги, что съ Харькова идетъ въ Золочевъ, 170, гдѣ смѣжествуетъ обыватель Ѳед. Пшоняникъ, а оттоль по надъ дорогою до угла починнаго и до дороги на Ключки идетъ 40 треаршинныхъ сажений, напротивъ саду отъ дороги и окопу выгонъ перекопанъ, который въ первомъ и окопномъ концѣ двора ширины 50, и рвомъ длины до конца саду 170, да въ ширину до саду-жъ 4, оттоль же обратно по надъ садомъ до перекопу починнаго 150“. (Этотъ документъ извлеченъ нами изъ подлинныхъ актовъ, принадлежащихъ университету).

²⁾ Все изложенное здѣсь по „Исторіи дѣлъ“ подтверждается между прочимъ и письмомъ Комитета на имя попечителя Потоцкаго. (Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попечителя, № 1 по архиву, № 1 по картону, стр. 60—62).

тами и затрудненіями; когда въ городѣ стало извѣстно, что университету нужно 200 сажень дровъ, цѣна ихъ сразу поднялась и явилась необходимость командировать особое лицо, чтобы найти подрядчика въ Харьковѣ; такого и нашли въ с. Дергачахъ, который взялся доставить нужное количество дровъ по 5 р. 35 коп. за саж. Еще труднѣе было заказать необходимую мебель: „если бы ее дѣлать въ Петербургѣ или Москвѣ, писалъ по этому поводу Потоцкому Рижскій, то давно это дѣло могло быть окончено; но въ семь отдаленномъ краѣ столько и такія всегда встрѣчаются затрудненія въ покупкѣ матеріаловъ и наймѣ рабочихъ людей, что живущіе въ столицахъ и вообразить ихъ и повѣрить сему не могутъ; недостатокъ работниковъ столь великъ, что принуждены были вызывать ихъ изъ другихъ городовъ“¹⁾.

Изъ этого ясно видно, что намѣреніе Каразина вызвать ремесленниковъ изъ Петербурга вызывалось настоятельными, реальными нуждами университета; къ сожалѣнію только, какъ мы видѣли, оно окончилось неудачно. Законтрактованы были В. Н. Каразиннымъ слѣдующія лица: столяръ *Блюме*, мѣдникъ *Вестманъ*, слесарь *Троннеръ*, токарь *Бернсдорфъ*, жестянникъ *Торшинскій*, горшечникъ *Гормесъ*, бронзовщикъ *Марковичъ*, чулочный фабрикантъ *Цейль*, замшеникъ *Цейль*, кожевникъ *Гренросъ*, бронзовщикъ *Викфорсъ*, ножевщикъ *Отманъ*, шляпники *Алрентъ* и *Зундвистъ*, ткачъ *Кретце*, сапожникъ *Шмитъ*, мѣдникъ-чеканщикъ *Спенманъ*, оловяшникъ *Тойня*, стекольщикъ *Спинедда*, столяръ *Дребольтъ*, сѣдельники или обойщики *Даманъ* и *Эбель*, мастера экипажей и столяры *Вольфъ* и *Гееръ*, кузнецы *Лоренсъ* и *Петерсенъ*, сапожникъ *Сергѣевъ*, садовникъ *Стровальдъ*, типографщикъ *Геке*, переплетчикъ *Ведде*, два булочника; всего 32 человѣка. Все это за небольшимъ исключеніемъ были люди, нужные для университета, и они бы навѣрное принесли пользу и университету, и городу, если-бы дѣло самого Каразина въ это время не приняло дурного оборота. Устройство высшаго учебнаго заведенія въ Харьковѣ сразу же поднимало спросъ на разные предметы ремесленного производства въ такой мѣрѣ, что удовлетворить его мѣстными силами было невозможно и являлась необходимость въ вызовѣ специалистовъ изъ другихъ городовъ²⁾. Большая часть этихъ ремесленниковъ явилась, по приѣздѣ своемъ въ Харьковъ, въ университетъ и нѣкоторые изъ нихъ получили тамъ себѣ и квартиры, и занятія. Потоцкій предоставилъ ихъ первоначально въ вѣдѣніе

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло канц. попечителя, № по архиву 68-й, по картону № 5, стр. 49—50.

В. Н. Каразина: они должны были исполнять университетскіе заказы и съ нихъ удерживалась за первоначальную ссуду $\frac{1}{3}$ всей платы. Но Каразинъ уѣхалъ въ Петербургъ и поручилъ наблюденіе за ними какому то Финку и городской думѣ (безъ согласія этой послѣдней они не могли перемѣнить своихъ квартиръ). Двое изъ нихъ (Марковичъ и Драбольшъ) умерли и оставшееся послѣ нихъ небольшое имущество пошло на погашеніе части ихъ долга. Деньги по контрактамъ имъ выданы были всѣмъ, но Каразинъ, какъ извѣстно, за это дѣло получилъ строгій выговоръ и ему запрещено было вѣшиваться въ дѣла университета. Послѣднія его дѣловыя сношенія съ университетомъ касались погашенія одного мелкаго счета и покупки эстамповъ. Мы имѣли два его собственноручныя письма, относящіяся къ этимъ счетамъ. Изъ перваго письма видно, въ какія мелочи вникалъ В. Н. Каразинъ, заботясь объ устройствѣ университета ¹⁾; второе проникнуто горькимъ чувствомъ чловека, несправедливо отстраненнаго отъ любимаго имъ дѣла и написано было уже послѣ торжественнаго открытія Харьковскаго университета ²⁾.

¹⁾ „Счетъ деньгамъ, которыя ст. сов. Каразинъ употребилъ по надобностямъ Имп. Харьк. университета и которыя ему еще не заплачены: за бархатъ, золотое шитье и пергаментъ книги, назначенной для университетской грамоты (въ 1803 г.)—100 р., за сѣмена для ботаническаго сада, купленныя въ Москвѣ (въ мартѣ 1804 г.)—30 р., за 12 рапиръ, изъ которыхъ 2 съ ефесами мѣдными, и за пару перчатокъ для фехтованья (въ 1804 г.)—19 р., за 5 экз. нѣмецкаго новаго и таковое же число французскаго лексикона, которые по назначенію моему посланы черезъ почту изъ Петербурга книгопродавцемъ Ив. Глазуновымъ съ превосходною уступкою противъ обыкновенной цѣны (въ 1804 г.) 117 р. 50 к. Итого 266 р. 50 к. Болѣе же сихъ денегъ мнѣ отъ университета получить не слѣдуетъ, ибо прежде сего въ разныя времена издержанныя мною въ пользу университета собственныя деньги я всѣ получилъ обратно, кромѣ выше показанныхъ“. Окт. 5 1804 г. В. Каразинъ. (Ibidem).

²⁾ Милостивый Государь мой, Иванъ Степановичъ (Рижскій)! Въ послѣднее засѣданіе комитета правленія по дѣламъ Харьковскаго университета имѣлъ я уже честь объявить, что графъ Северинъ Осиповичъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Петербурга, настоятельно изволилъ отъ меня требовать, чтобы я, по прибытіи моемъ сюда, занялся окончаніемъ дѣлъ, кои я еще до университета имѣю. На основаніи чего я и просилъ въ оное засѣданіе окончательно разсмотрѣть дѣло объ эстампахъ, за которые не получалъ я еще денегъ, получивъ ихъ за книги и инструменты, равнымъ образомъ и въ то же время, т. е. въ началѣ 1804 г., изъ Петербурга мною въ университетъ доставленные. Теперь покорнѣйше васъ прошу предложить въ ближайшее засѣданіе комитета, чтобы благоволилъ онъ объяснить мнѣ письменно, чрезъ посредство ваше, милостивый государь, какія дѣла университета, ко мнѣ относяшіяся, еще не окончены и на что нуженъ мой отвѣтъ—для заключенія ли счетовъ или для другихъ причинъ, ибо мнѣ должно довести вамъ, что непосредственно по удовлетвореніи меня съ сей стороны, я перестану

Къ началу 1805 г. (т. е. къ открытію своему) университетъ имѣлъ слѣдующихъ преподавателей: 9 профессоровъ—Ивана Степановича Рижскаго (русской словесности), Илью Ѳедоровича Тимковского (россійскаго законовѣдѣнія), Франца Александровича Делявина (ботаники), Тимофея Ѳедоровича Осиповскаго (математики); всѣ четверо были опредѣлены еще 7 февраля 1803 г.; затѣмъ слѣдуютъ—Леопольдъ Адамовичъ Умляуфъ (латинской литературы и эстетики; опредѣленъ былъ 1 окт. 1803 г.), Яковъ Николаевичъ Балленъ де Баллю (француз. и греч. слов.; 4 дек. 1803 г.), Аванасій Ивановичъ Стойковичъ (физики; 1 ноября 1803 г.), Иванъ Егоровичъ Шадъ (философій; 1 февр. 1804 г.), Иванъ Андреевичъ Шваубертъ (химіи; 1 февр. 1804 г.); адъюнкты—Іосифъ Матвѣевичъ Лангъ (философій и математики; съ 1 окт. 1803 г.), Николай Николаевичъ Паки де-Совиньи (франц. литературы; съ 1 окт. 1803 г.), Иванъ Францовичъ Гамперле (политическихъ наукъ и государственной экономіи; съ 8 окт. 1803 г.), Иванъ Богдановичъ Барендтъ (восточныхъ языковъ; съ 12 окт. 1803 г.), Аврамъ Яковлевичъ Калкау (медицины; съ 15 ноября 1803 г.), Евгенийъ Алексѣевичъ Васильевъ (архитектуры; съ 24 ноября 1803 г.), Мануилъ Ивановичъ Крюгеръ (химіи; съ 29 дек. 1803 г.), Фердинандъ Ивановичъ Гизе (химіи; съ 6 янв. 1804 г.), Данило Ивановичъ Шмерфельдъ (статистики и технологій; съ 15 янв. 1804 г.), Яковъ Львовичъ Каретниковъ (ботаники; съ 1 марта 1804 г.), Ѳедоръ Ивановичъ Филиповичъ (законовѣдѣнія; со 2 марта 1804 г.); лекторъ Бернгардтъ Рейтъ (со 2 сент. 1804 г.); учителя пріятныхъ искусствъ—рисованія Яковъ Матесъ (съ 12 окт. 1803 г.), гравированія Августъ Шепфлинъ (съ 21 ноября 1803 г.), музыки Иванъ Витковскій (съ іюня 1804 г.), фехтованія Аятельмъ Сивоктъ (съ 25 окт. 1804 г.). Въ теченіи 1804 г. одинъ изъ профессоровъ, именно профессоръ патологій Виллихъ умеръ отъ гнилой горячки 20 февраля. Разныя должности въ университетѣ сверхъ того занимали: кассиромъ былъ Левъ Дзюбинъ (съ 23 іюня 1803 г.), секретаремъ въ комитетѣ отставной майоръ Александръ Фирсовъ (съ 12 апр. 1804 г.), экзекуторомъ Иванъ Бабаевъ (съ 1 ноября 1804 г.), помощникомъ архитектора Александръ Стариковъ (съ 11 апр. 1804 г.). Почти всѣ профессора и адъюнкты были опредѣлены попеч. Потоцкимъ и только Балленъ де Баллю, Крю-

почитать себя принадлежащимъ къ университету, съ которымъ отъ самаго начала его по нынѣ обстоятельства столь тѣсно меня соединили. Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью вашимъ, Милостивый Государь мой, покорнѣйшимъ слугою. Василій Каразинъ, 8 марта 1805 г., Харьковъ. (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правленія № 65 по архиву и № 4 по картону).

геръ и Шмерфельдъ исправлявшимъ должность попечителя Н. Н. Новосильцевымъ ¹⁾. Вновь назначенные профессора заботились о возможно лучшей постановкѣ своего будущаго преподаванія; такъ, Стойковичъ писалъ Потоцкому о важности и обширности физики, какъ учебнаго предмета, и настаивалъ на необходимости поручить одинъ изъ отдѣловъ ея (минералогическую и химическую часть физики) адъюнкту Крюгеру; онъ же рекомендовалъ въ университетскіе механики одного молодого человѣка Рейнике (сына харьковского часовщика ²⁾). Всѣ наличные профессора на общихъ собраніяхъ занимались распредѣленіемъ своихъ будущихъ курсовъ. Предполагалось учредить 5 факультетовъ и читать на нихъ слѣдующіе предметы: на *историко-филологическомъ*—1) всеобщую исторію древности, всеобщую литературу, *historiam litterariam*, 2) русское краснорѣчіе, поэзію и литературу, 3) эстетику, латинскую литературу, классиковъ, 4) греческую литературу, 5) восточные языки, французскую, нѣмецкую и англійскую литературу; на *философско-моральномъ*—1) логику, метафизику, этику, антропологию, эмпирическую психологию, исторію человечества, 2) догматику, гомилетику, *cathechetica*, 3) священную экзегетику и критику, герменевтику, 4) церковную исторію и патристику; на *физико-математическомъ*—умозрительную и опытную физику, 2) чистую и прикладную математику, 3) практическую астрономію, 4) естественную исторію вообще, 5) зоологию, ботанику, минералогию, 6) всеобщую и техническую химию, 7) гражданскую и военную архитектуру, 8) технологию, сельскую экономію и лѣсоводство; на *медико-хирургическомъ*—1) анатомію, физиологию, 2) патологию и терапію, 3) фармакологию и фармацію, 4) хирургию и акушерство, 5) діететику, 6) ветеринарную и судебную медицину; на *юридико-политическомъ*—1) естественное социальное, народное право и всеобщую политику, 2) римское право, энциклопедію и исторію права, 3) русское гражданское право, уголовное, судопроизводство, 4) право европейскихъ народовъ, дипломатическую политику, 5) статистику, политическую экономію, государственное устройство (*politiam*). И вотъ примѣнительно къ этому было составлено и распредѣленіе лекцій. Лекціи должны были начинаться въ 8 час. утра (зимою) и 7 час. (весною) и продолжаться до 12 или 11 часовъ до полудня и отъ 3 до 6 или отъ 4 до 7 послѣ полудня. Делявинъ съ Ка-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. „Исторія дѣлъ“.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попечителя, по архиву № 1, по картону № 1; тутъ же сохранилось любопытное описаніе часовъ, сдѣланныхъ и подаренныхъ имъ университету; описаніе принадлежитъ проф. Осиповскому и Стойковичу.

ретниковымъ назначили для 1-го курса ботанику и вели практическія упражненія, Шмерфельдъ хотѣлъ читать технологію, Осиповскій—чистую математику, Стойковичъ—физику, Шнаубертъ, Гизе и Крюгеръ—химію, Васильевъ—гражданскую архитектуру, Рижскій—россійское краснорѣчіе и логику, Балленъ де-Баллю греческую и франц. литературу и греч. языкъ, Умляуфъ—эстетику, латинскую и нѣмецкую литературу, Савиньи—французскій языкъ, Филиповичъ—госуд. исторію, статистику и нѣмецкій языкъ, Шмерфельдъ—англійскій, Барендтъ—лат. и вост. языки, Шадъ—философію, Тимковскій—право, Гамперле—госуд. устройство и политическую экономію, Лангъ—исторію философіи и опытную психологію, Матесъ, и Шепфлинъ—рисованіе; отъ 6 до 7 час. назначены были свободныя искусства—*ars saltandi, ars palastrica et musices* (танцы, фехтованье и музыка). Лекціи должны были читаться на разныхъ языкахъ: напримѣръ, Делявинъ предполагалъ читать ботанику по латыни и французски, Гизе и Шнаубертъ химію по нѣмецки, а Крюгеръ по русски, Шадъ—философію по латыни, русскіе профессора свои предметы, конечно, по русски; латинскій языкъ обязаны были знать всѣ студенты, но нашлись и такіе, которые только начали его изучать; они должны были слушать лекціи по этому предмету у Барендта; за отсутствіемъ Филиповича чтеніе его курса предполагалось поручить адъютанту Рейту.

Какъ видимъ отсюда, далеко еще не всѣ предметы имѣли своихъ специалистовъ; что же касается медицинскаго факультета, то онъ вовсе почти не имѣлъ преподавательскаго персонала. Важнымъ препятствіемъ являлось также отсутствіе учебно-вспомогательныхъ учреждений, которое, конечно, было весьма чувствительно на физико-математическомъ и медико-хирургическомъ отдѣленіяхъ. Всѣ необходимые кабинеты, лабораторіи, клиники приходилось еще создавать, заводить вновь. Наоборотъ, историко-филологическій факультетъ уже теперь обставленъ былъ въ отношеніи преподаванія очень хорошо: былъ, напримѣръ, даже специалистъ по восточнымъ языкамъ (Барендтъ), но для него не рассчитывали найти много слушателей и потому поручили ему и преподаваніе латинскаго языка.

Хотя университетъ въ 1804 году все таки не былъ открытъ, лекцій въ немъ не было, тѣмъ не менѣе благотѣльное вліяніе новаго разсадника высшаго образованія обнаружилось уже и теперь: профессора его занимались изслѣдованіемъ различныхъ естественныхъ богатствъ края. Тогдашній Харьковскій губернаторъ И. И. Бахтинъ просилъ комитетъ отрядить профессоровъ въ слободу Рогань (недалеко отъ Харькова) для изслѣдованія одного находящагося тамъ источника, воду

котораго считали цѣлебною; командированы были проф. Шнаубертъ и адъюнкты Гизе и Крюгеръ; послѣдніе произвели потомъ химическій анализъ этой воды еще и въ лабораторіи; оказалось, что хотя вода и содержала въ себѣ минеральныя частицы (углекислое желѣзо, гипсъ, сѣрно-кислую магнезію и сѣрно-кислую соду), но въ небольшомъ количествѣ и потому особенной пользы принести не могла. Такому же анализу подвергнута была и вода изъ имѣнія г-жи Ковалевской (Полтавской губ., надъ рѣкою Орелью) и адъюнктъ Гизе пришелъ къ убѣжденію, что она, по своимъ составнымъ частямъ (въ ней найдены сѣрно-кислая и солино-кислая сода, сѣрно-кислая магнезія, сѣрно-кислая и соляно-кислая известь и т. п.), могла быть полезна, какъ легкое слабительное. Далѣе по просьбѣ губернатора, указавшаго на умаленіе въ Слободско-Украинской губерніи лѣсовъ, былъ назначенъ для отысканія торфа и каменнаго угля Крюгеръ, а Гизе изслѣдовалъ образцы каменнаго угля, торфа и другихъ минераловъ, присланныхъ разными помѣщиками ¹⁾. Эта сторона дѣятельности профессоровъ получила еще большее развитіе съ открытіемъ университета. Очевидно, общество рассчитывало получать необходимыя разъясненія по интересовавшимъ его практическимъ вопросамъ отъ университетской коллегіи—и не ошиблось въ своихъ ожиданіяхъ: университетъ внимательно и предупредительно относился къ этимъ вопросамъ и давалъ нужныя объясненія.

Обращаемся теперь къ заботамъ Комитета о привлеченіи студентовъ. Въ предѣлахъ огромнаго Харьковскаго учебнаго округа не было гимназій, которыя бы подготовляли питомцевъ во вновь открываемый Харьковскій университетъ. Неудивительно поэтому, что вопросъ о привлеченіи въ него студентовъ занималъ и В. Н. Каразина, и Тимковскаго. Мы привели уже раньше письмо Каразина къ Новосильцеву, письмо, къ которому онъ приложилъ прозаическіе и стихотворные опыты юныхъ харьковскихъ поэтовъ—воспитанниковъ главнаго народнаго училища ²⁾. Другимъ учебнымъ заведеніемъ въ Харьковѣ, изъ котораго новый университетъ могъ получить себѣ питомцевъ—былъ знаменитый Харьковскій коллегіумъ, въ которомъ обучалось не мало и свѣтскихъ лицъ и программа котораго отличалась широкимъ всесловнымъ характеромъ. Затѣмъ можно было рассчитывать вообще на воспитанниковъ духовныхъ семинарій. И дѣйствительно, главный контингентъ первыхъ студентовъ Харьковскаго университета былъ набранъ изъ семинарій. Студенты въ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. „Исторія дѣлъ“.

²⁾ См. объ этомъ мою статью „Поэтическіе опыты юныхъ харьковскихъ поэтовъ въ первыхъ годахъ XIX в.“ (Харьк. губ. вѣд. 1894, № 2).

то время дѣлились на 2 группы—казенно-коштныхъ и свое-коштныхъ; первыхъ по штату полагалось 40 чел. и первоначально все это количество, съ Высочайшаго соизволенія и благословенія Синода, было назначено изъ 2-хъ семинарій—Курской и Бѣлгородской, а именно по 20 чел. изъ каждой: по 15 чел. изъ богословскаго и философскаго класса и по 5 изъ риторическаго. Но Комитетъ, полагая, что, во 1-хъ, воспитанники риторическаго класса были недостаточно подготовлены для поступленія въ университетъ, а во 2-хъ, желая оставить еще нѣсколько вакансій для постороннихъ, выбралъ изъ нихъ только 30 человѣкъ. На содержаніе каждаго казенно-коштнаго студента отпускалось по 200 р. въ годъ; часть этой суммы предназначена была на покупку необходимыхъ вещей (платья и т. п.), а остальные 90 р. на содержаніе ихъ въ теченіи года. Городовой секретарь Сердюковъ взялся давать имъ столъ за эту сумму. Сверхъ этихъ 30 чел. было принято еще на казенный счетъ трое постороннихъ—бывшій учитель народнаго училища Славинскій, домашній учитель польскій шляхтичъ Квятковскій и воспитанникъ Харьковскаго Главнаго Народнаго Училища Лобойковъ, были также зачислены, по Высочайшему повелѣнію, двое дѣтей дворянина Захаревскаго, но оказалось, что они знали только русскую грамоту и потому ихъ опредѣлили учениками въ Главное Народное Училище, но дали студенческое содержаніе. Надзоръ за казенно-коштными былъ порученъ адъютанту Крюгеру, а лѣченіе ихъ адъютанту ботаники, штабъ-лѣкару Каретникову.

Одновременно съ этимъ Комитетъ заботился и о привлеченіи своекоштныхъ студентовъ, для пріема которыхъ были выработаны особые правила. Опредѣлено было требовать отъ поступающихъ необходимые документы и подвергать экзамену, безъ излишней строгости, но и безъ послабленія.

Объ этомъ были оповѣщены губернаторы всѣхъ губерній, входившихъ въ составъ Харьковскаго учебнаго округа ¹⁾, и Харьковскій губ.

¹⁾ Вотъ любопытное письмо, касающееся этого дѣла, отъ попечителя округа графа Потоцкаго къ Харьковскому губернатору И. И. Бахтину: „по Высочайше миѣ порученной должности попечителя Харьковскаго университета, пріуготовивъ все необходимое къ его открытію, имѣю честь извѣстить Ваше Превосходительство, что оное можетъ воспослѣдовать въ исходѣ нынѣшняго или въ половинѣ сентября мѣсяца, послѣ чего господа профессора общей философіи, математики, физики, химіи, естественной исторіи, политическихъ наукъ, російской, французской, латинской и нѣмецкой литературы, равно гг. адъютанты въ своихъ частяхъ и учителя пріятныхъ искусствъ начнутъ преподаваніе въ залахъ университета; въ продолженіе онаго, сіе сословіе, вступивъ во всѣ права и обязанности, возьметъ мѣры къ полному себя образованію по штату утвержденному Е. И. Величествомъ. Корреспонденція съ учеными російскими и чужестранными мѣстами

предводитель дворянства ¹⁾, а директору училищ Слободско-Украинской губ. поручено было выбрать годныхъ для поступленія въ университетъ учениковъ Харьковскаго главнаго народнаго училища. Вступительные экзамены продолжались съ 20-го мая по 10-е декабря и на нихъ главнымъ образомъ требовалось знаніе русской грамматики, географіи и исторіи, началъ логики и метафизики, латинскаго и одного изъ новыхъ языковъ (французскаго или нѣмецкаго). Явилось на экзаменъ 41, а выдержало 21 чел.; по большей части все это были ученики главнаго народнаго училища. Университетское начальство всячески заботилось о привлеченіи студентовъ въ новый университетъ, и попечитель округа графъ Потоцкій проектировалъ съ этой цѣлью устрой-

начнется и недостающіе профессора и адъюнкты будутъ вызваны подобно какъ и тѣ, которые нынѣ принадлежать къ университету, изъ числа достойнѣйшихъ мужей въ своемъ родѣ. Занимаясь въ продолженіе 18 мѣсяцевъ ввѣренною мнѣ частію, несомнѣннымъ имѣю надежды, что сіе заведеніе полуденной, можно сказать, прекраснѣйшей части Россіи будетъ въ свое время достойно соответствовать благотворительнымъ намѣреніямъ просвѣщеннаго нашего Монарха, собственному счастливому своему физическому положенію, равно какъ похвальному рвенію и способностямъ жителей, въ которыхъ я имѣлъ уже случай на опытъ удостовѣриться; со стороны нравственности ничто не будетъ упущено; я святою обязанностию почелъ обезпечить въ семъ отношеніи родителей; и между прочимъ надѣюсь до сего достигнуть ободреніемъ и содѣйствіемъ моимъ къ учрежденію пансіоновъ для университетскаго юношества, въ которыхъ бы оно въ свободные часы отъ слушанія лекцій, повторяя оныя, было подъ непрерывнымъ надзоромъ содержателей таковыхъ пансіоновъ. Они, бывъ большею частью сами члены университета, конечно, будутъ имѣть всѣ причины соблюсти уваженіе и довѣренность публики; молодые же люди, прежде принятія ихъ студентами, т. е. слушателями, имѣютъ быть испытаны въ предварительныхъ познаніяхъ, которыя бы уже дѣлали ихъ способными понимать профессорскія лекціи и которыя въ хорошихъ публичныхъ или и домашнихъ училищахъ до 15-ти лѣтъ возраста, разумѣется до вступленія въ университетъ, могутъ быть приобрѣтены; таковые молодые люди во всякое послѣдующее отиваніе время, какъ до открытія университета, такъ и послѣ оного, имѣютъ являться въ его правленіе, представивъ только законное о себѣ свидѣтельство и удостовѣреніе о согласіи родителей. Покорнѣйше прошу васъ, мил. гос. мой, о сихъ моихъ распоряженіяхъ, равно и о приближающемся торжественномъ открытіи университета зависящими отъ васъ средствами повсемѣстно объявить въ Слободской Украинской губ., какъ благородному дворянству, такъ и жителямъ городовъ, споспѣшествуя черезъ то къ исполненію намѣреній высшаго правительства, вы чувствительно обязать изволите имѣющаго честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью. (Архивъ Харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьк. университета).

¹⁾ Сохранилось письмо къ нему по этому поводу предсѣдателя комитета проф. Рижскаго (см. Архивъ Харьк. депут. собр. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета).

ство пансіоновъ, гдѣ бы могли помѣщаться дѣтя дворянъ-помѣщиковъ. И нужно сознаться, что это была дѣйствительно весьма практичная мѣра. Въ пользу ея говорить, между прочимъ, процвѣтаніе одного изъ такихъ дворянскихъ пансіоновъ — именно пансіона, содержавшагося извѣстнымъ священникомъ о. Вас. Фотіевымъ, тѣмъ самымъ, который принималъ такое горячее участіе въ основаніи Харьковскаго университета. О немъ далъ нѣсколько времени спустя блистательный отзывъ Тимковскій; но самой лучшей рекомендаціей для этого пансіона является, б. м., то, что многіе изъ питомцевъ его поступили на 1-й курсъ вновь открывшагося Харьковскаго университета. Нѣкоторые родители не знали, гдѣ и у кого помѣстить своихъ дѣтей въ Харьковѣ, во время пребыванія ихъ въ университетѣ, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ между прочимъ письмо къ губернскому предводителю дворянства одной вдовы помѣщицы изюмскаго уѣзда, просившей Донца-Захаржевскаго опредѣлить дѣтей ея въ университетъ.

Вообще можно сказать, что организація подготовительныхъ—среднихъ и низшихъ—школъ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ оставляла желать много, лучшаго: ихъ было далеко недостаточное количество. Неудивительно поэтому, что и многіе изъ державшихъ вступительный экзаменъ въ университетъ оказались подготовленными очень слабо. Это обстоятельство побудило между прочимъ начальство открыть при университетѣ приготовительный классъ. Попечитель Потоцкій вошелъ объ этомъ съ представленіемъ въ Комитетъ и вскорѣ при Главномъ Народномъ Училищѣ въ особой залѣ были открыты адъюнктами уроки для учениковъ, имѣвшихъ намѣреніе потомъ поступить въ университетъ: Лангъ читалъ тамъ философію и нѣмецкій языкъ, Паки-де-Совиньи—французскій яз., Крюгеръ — физику, проф. Шмерфельдъ уже раньше преподавалъ тамъ естественную исторію. Но въ маѣ мѣсяцѣ адъюнкты Лангъ, Совиньи и Гамперле представили прозектъ особаго подготовительнаго класса, исключительно для тѣхъ, кто готовился къ поступленію въ университетъ. Тутъ предполагалось преподавать латинскій, французскій и нѣмецкій языки, латинскую риторику и поэзію, греческія и римскія древности, географію, всемірную исторію, міѳологію, алгебру, геометрію и основанія философскихъ наукъ. Курсъ здѣсь долженъ былъ продолжаться 2 года и, кто не окончилъ этого класса, не имѣлъ права поступить въ университетъ. Комитетъ объявилъ однако, что не можетъ своею властью утвердить ихъ прозекта, и рекомендовалъ имъ по прежнему заниматься преподаваніемъ въ гимназіи спеціально для этого избраннымъ ученикамъ. Попечитель прозекта адъюнктовъ не одобрилъ, такъ какъ онъ не былъ сообразованъ съ предварительными

правилами народнаго просвѣщенія. Кромѣ гимназистовъ, адъюнктовъ слушали и студенты, только что вступившіе въ университетъ. Вскорѣ впрочемъ мысль адъюнктовъ объ учрежденіи приготовительнаго класса была приведена въ исполненіе; лекціи стали читать казенно-коштнымъ и своекоштнымъ, студентамъ: философію читалъ Лавгъ, латинскій языкъ Барендтъ, чистую математику Васильевъ, исторію и міеологію Гамперле, французскій языкъ Совянъ, нѣмецкій и англійскій языкъ Шмерфельдъ, исторію и географію Филиновичъ (а въ его отсутствіе д. Рейтъ). Преподаваніе здѣсь шло до самаго открытія университета ¹⁾.

Предметомъ заботъ всего Комитета, а въ особенности одного изъ членовъ его проф. Тимковского, служило устройство училищной части въ округѣ. Мы знаемъ уже, что дѣло это еще въ 1803 г. было специально поручено Тимковскому. Въ 1804 г. имъ также завѣдывалъ Тимковский, но нѣкоторые вопросы переносились и на обсужденіе Комитета. Въ маѣ мѣсяцѣ проф. Тимковский представилъ въ Комитетъ прозектъ объ устройствѣ въ Харьковѣ гимназіи и уѣзднаго училища. Гимназія эта должна была образоваться изъ бывшаго здѣсь главнаго народнаго и такъ называемаго казеннаго училища; въ этомъ послѣднемъ преподавались между прочимъ артиллерія и фортификація и эти предметы предполагалось оставить и въ программѣ будущей гимназіи („дабы угодить дворянству“). Но министръ народнаго просвѣщенія не согласился на это и положилъ, чтобы Харьковская гимназія (нынѣшняя 1-я) ни въ чемъ по своей программѣ не отступала отъ другихъ. Самое преобразование главнаго народнаго училища въ гимназію было отложено до пріѣзда попечителя въ Харьковъ. В. Н. Каразину было разрѣшено устройство уѣзднаго училища въ г. Богодуховѣ и приходского въ его селеніи Кручикѣ. На содержаніе Кручанскаго училища Сельская Дума (учрежденная имъ въ родной деревнѣ) давала 250 р.—сумму по тому времени весьма значительную. Самъ Василій Назарьевичъ не только хлопоталъ о матеріальномъ обезпеченіи своего училища, но и вникалъ въ преподаваніе, заботился о нравственномъ развитіи учащихся. Между прочимъ съ этою цѣлью онъ составилъ для нихъ религіозный и гражданскій катехизисъ. Помѣщеніемъ для школы служила простая крестьянская просторная хата. В. Н. Каразинъ хотѣлъ, чтобы его школа съ одной стороны не отрывала учениковъ отъ земледѣлія, но съ другой—чтобы изъ нея выходили люди ²⁾. Особенное вниманіе Комитета, при устройствѣ уѣздныхъ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. „Исторія дѣлъ“.

²⁾ См. подробности объ этомъ въ статьѣ о. Ник. Лашенка. „Вас. Наз. Каразинъ, какъ помѣщикъ сел. Кручика“ (Харьк. сборн. на 1887 годъ, стр. 62—64).

и приходскихъ училищъ, обращалъ на себя вопросъ объ учительскомъ персоналѣ и училищныхъ зданіяхъ. Комитетъ подвергалъ испытанію лицъ, желавшихъ занять учительскія мѣста, и хотя находилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не вполне отвѣчающими строгимъ требованіямъ, но долженъ былъ, по неимѣнію другихъ болѣе достойныхъ, давать и имъ должности: въ виду недостатка русскихъ учителей должны были подчасъ обращаться и къ иностранцамъ; а среди нихъ попадались и такіе, какъ французъ Обертонъ, который не могъ написать правильно на своемъ родномъ языкѣ прошенія о назначеніи его учителемъ французскаго языка въ Екатеринославскую гимназію.

Вопросъ о школьныхъ зданіяхъ также представлялся весьма существеннымъ, какъ это, на примѣръ, можно видѣть изъ того, что въ Сумахъ народное училище не имѣло опредѣленнаго помѣщенія и въ теченіи одного года должно было четыре раза переходить съ квартиры на квартиру; кто долженъ былъ отводить помѣщеніе—города или приказъ общественнаго призрѣнія—было въ точности неизвѣстно; отсюда и неопредѣленность, и путаница. Наконецъ, Тимковскій указалъ и еще на одну существенную нужду, испытываемую всеми учениками—это недостатокъ книжныхъ пособій: учебники трудно было пріобрѣтать даже за деньги. Комитетъ просилъ было о томъ, чтобы главное правленіе училищъ (издававшее эти книги) давало ихъ Харьковскому книжному магазину Глазунова (съ уступкой 20%), а тотъ уже отъ себя разсылалъ ихъ по номинальной цѣнѣ въ училища; но этотъ проектъ не былъ одобренъ—и университетъ соглашался по необходимости принять посредничество въ этомъ дѣлѣ на себя.

Само собою разумѣется, что для всего этого нужны были деньги—и Комитетъ усиленно заботился о собираніи, какъ штатныхъ суммъ, такъ и пожертвованій. Всѣ деньги принималъ и хранилъ университетскій кассиръ Дзюбинъ, подъ наблюденіемъ проф. Осиповскаго, и такъ какъ въ университетѣ не было особой кладовой, то для этого былъ приспособленъ одинъ изъ погребовъ и къ нему приставленъ постоянный военный караулъ.

Въ 1804 году была ассигнована изъ государственнаго казначейства штатная сумма въ 130,000 руб., въ счетъ которой поступило за $\frac{2}{3}$ года 71,816 рублей 60 к.; изъ дворянскихъ пожертвованій получено было 6. 33 тыс., изъ городскихъ и купеческихъ 13,662 р., сверхъ того часть денегъ поступила и отъ частныхъ лицъ. Важнѣйшими статьями расхода были: жалованье профессорамъ—24,705 р., перестройки—11,463 р., на содержаніе казенно-коштныхъ студентовъ—7,434 р., на мебель—3,330 р., на библіотеку—1,827 р., на типографію—2,037 р.,

на ботаническій садъ—1,179 р., на перестройку квартиру губернатора и вице-губернатора—2,900, уплачено за землю 3,615 р., на расходы, сдѣланные попечителемъ—1,299 р. (на вызовъ профессоровъ, на покупку книгъ, приборовъ и т. п.) ¹⁾.

Теперь мы должны остановиться подробнѣе на вопросѣ о поступленіи дворянскихъ и городскихъ пожертвованій въ теченіи 1804 года. Еще въ апрѣлѣ 1804 г., попечитель Потоцкій обратился къ губеринскому предводителю съ указаніемъ, что жертвуемые деньги должны поступать въ Комитетъ университета ²⁾. Но затрудненія по части сбора денегъ по прежнему происходили въ изюмскомъ и волчанскомъ уѣздахъ. 19-го апрѣля Донецъ-Захаржевскій отпривилъ Потоцкому письмо, въ которомъ объяснялъ, что все харьковское дворянство будетъ охотно дѣлать свои взносы къ опредѣленнымъ срокамъ, но онъ не знаетъ, какъ быть съ предводителями волчанскаго и особенно изюмскаго уѣзда (Поклонскимъ и Капустянскимъ), которые не только не заботятся о поступленіи сборовъ со своихъ дворянъ, но даже прямо противодѣйствуютъ имъ; такъ, напримѣръ, Капустянский не назначилъ комиссара для пріема денегъ; большая часть дворянства этихъ уѣздовъ желаетъ исполнять общее дворянское постановленіе, но имъ мѣшаютъ предводители. Не легко было попечителю подавать совѣтъ въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ—и онъ пишетъ Донцу-Захаржевскому слѣдующее письмо: „письмо ваше, писанное и полученное мною вчера, служить новымъ доказательствомъ вашего усердія къ общей пользѣ и ревности поддержать на всегда мнѣніе правительства о благородномъ сословіи Слободско Украинской губ. Что до меня касается, то будьте увѣрены, что я иначе мыслить не могу, какъ къ чести почтеннаго сего сословія, которое столько отличало себя своимъ пожертвованіемъ и преданностью къ волѣ все-милостивѣйшаго государя; посему никогда не причту я дѣйствія или образа мыслей двухъ или нѣсколькихъ особъ тому не соответствующихъ, кто бы онѣ не были, обществу цѣлаго уѣзда, никогда не могу я усумниться, что приношеніе дворянствомъ сей губерніи, торжественнымъ актомъ запечатлѣнное, принятое Монархомъ, удостоенное его благоволенія, положенное въ основаніе великолѣпному заведенію въ семъ краю, которое единственно сему случаю и бытіемъ своимъ обязано, что приношеніе это не будетъ исполнено безъ малѣйшаго исключенія. Вотъ по какой причинѣ не могу дать я вамъ моего совѣта, какъ вамъ поступить въ такомъ случаѣ, если взносъ дворянской суммы остановленъ

¹⁾ Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ“.

²⁾ Архивъ Харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьк. универ.

будетъ въ изюмскомъ и волчанскомъ уѣздахъ; впрочемъ я обязанностью почелъ отнестись о семъ предметѣ къ Е. Превосходительству г. гражданскому губернатору, отъ котораго вы всеконечно разрѣшеніе на вопросъ вашъ и всякое вспомошествованіе получите“. (Г. Бѣлгородъ 20 апрѣля 1804 г.) ¹⁾.

Потоцкій дѣйствительно написалъ бумагу губернатору Бахтину—и тотъ сдѣлалъ по этому поводу запросъ Капустянскому. Этотъ послѣдній далъ на это объясненіе, сущность котораго состояла въ слѣдующемъ: онъ нисколько не противодѣйствуетъ сборамъ денегъ на университетъ; что-же касается комиссара, то выборъ его могъ произвести губернский предводитель дворянства, лично посѣтившій изюмскій уѣздъ и не пригласившій на это собраніе его, Капустянского; въ заключеніе Капустянской ссылался на свои многочисленныя объясненія по этому дѣлу, доставленныя имъ въ уголовную палату. Очевидно, Капустянский былъ хорошій юристъ и объясненіе его представляетъ образчикъ чисто канцелярской, формальной отписки. Въ сущности же, онъ, конечно, ничего не дѣлалъ для сбора денегъ и эти послѣднія вовсе не поступали изъ его уѣзда ²⁾. Объяснительное письмо волчанскаго предводителя Поклонскаго составлено нѣсколько въ иномъ духѣ: въ то время какъ Капустянский старался поддерживать свою мысль о не-обязательности постановленія о пожертвованіяхъ для тѣхъ, кто не присутствовалъ на общемъ собраніи дворянъ, Поклонскій наоборотъ всически доказывалъ, что онъ считаетъ это постановленіе для себя и для всего дворянства безусловно обязательнымъ. „Эта сумма принесена въ даръ отечеству, писалъ онъ, общимъ и единодушнымъ всего Слободско-украинскаго дворянства торжественнымъ актомъ, который я, предвидя во всей полнотѣ неисчетныя пользы отечеству и вообще человечеству и многія выгоды здѣшнему краю, подписалъ не послѣднимъ и господа дворяне волчанскаго уѣзда, бывъ согласны, также подписали; прошу Ваше Превосходительство, оправдывался далѣе Поклонскій, принявъ въ уваженіе, разсмотрѣть, приличенъ-ли мнѣ гнусный поступокъ разстраивать благое намѣреніе гг. дворянъ, уважающихъ болѣе всего свое достоинство, да еще въ дѣлѣ государственномъ и полезномъ всему отечеству и человечеству, которое Высочайшимъ благоволеніемъ непереложно утверждено; свидѣтельствуюсь всѣми гг. дворянами и каждымъ особо, что я никогда ни гласно, ни посторонно, ни подъ какимъ

¹⁾ Архивъ Харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежд. Харьк. унив.

²⁾ Ibidem; см. также Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попечителя, № 1 по архиву, № 1 по картону.

видомъ никому не дѣлалъ разстраиванья въ благихъ намѣреніяхъ дворянъ, но непрестанно по силѣ моей возможности прилагалъ и продолжаю усерднѣйшее попеченіе¹⁾; въ заключеніе Поклонскій просилъ произвести по этому поводу строжайшее слѣдствіе, чтобы открыть доносчика, обвинившаго его въ столь гнусномъ поступкѣ¹⁾. Получивъ эти объясненія, губернаторъ отправилъ ихъ въ точныхъ копіяхъ къ Потоцкому и присоединилъ къ нимъ свое письмо. Изъ него видно, что И. И. Бахтинъ относился къ дѣлу Харьковскаго университета чрезвычайно сочувственно и старался оказать свое содѣйствіе и въ данномъ случаѣ. Онъ лично хотѣлъ побесѣдовать по этому поводу съ Капустянскимъ въ Изюмѣ во время своего объѣзда губерніи, но этотъ послѣдній уклонился отъ объясненій, уѣхавъ изъ города. Тогда И. И. Бахтинъ затребовалъ отъ обоихъ предводителей письменнаго разъясненія, которое и подвергъ самому внимательному разбору; этотъ разборъ ясно показываетъ, писалъ онъ, что оба предводителя, а въ особенности Капустянский, приводили только видимыя отговорки, а на самомъ дѣлѣ могли бы, если хотѣли, дѣлать сборы и при тогдашнихъ условіяхъ; но чтобы не дать имъ возможности на будущее время прибѣгать къ этимъ отговоркамъ, онъ устранилъ тѣ препятствія при сборахъ, на которыя жаловались Капустянский и Поклонскій: земскіе суды могли, на примѣръ, теперь разсылать напоминанія о срокахъ и безъ спеціальнаго разрѣшенія губернскаго правленія²⁾; а чтобы ускорить въ изюмскомъ уѣздѣ выборъ комиссара для сбора денегъ, Бахтинъ обратился къ губернскому предводителю, прося его принять по этому поводу зависящія отъ него мѣры и дать вообще свои разъясненія на „объясненіе“ Капустянскаго. Донецъ-Захаржевскій далъ подробныя разъясненія, изъ коихъ видно, что Капустянский дѣлалъ только отговорки, чтобы затормозить дѣло; оказалось, на примѣръ, что и самъ Капустянский не сдѣлалъ взноса на университетъ и не принималъ его отъ другихъ; о выборѣ комиссара долженъ былъ позаботиться также онъ самъ, а не губернский предводитель; весь ходъ дѣла о сборѣ пожертвованій ему былъ хорошо извѣстенъ и онъ напрасно отговаривался незнаніемъ его подробностей³⁾. Самому Капустянскому Донецъ-Захаржевскій отвѣтилъ кратко и сурово, что у него, Капустянскаго, всѣ необходимыя свѣдѣнія имѣются и больше ему, губ. пред-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попечителя, № 1 по архиву, № 1 по картону; то же см. въ архивѣ Харьковск. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьк. унив.

²⁾ Ibidem; въ такомъ смыслѣ состоялось постановленіе губерн. правленія.

³⁾ Архивъ харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежд. Харьк. унив.

водителю, сообщать нечего ¹⁾. Съ своей стороны Поклонскій, не высказывая никакого протеста, ограничивался только формальнымъ исполненіемъ указовъ и дѣло, конечно, у него двигалось очень плохо ²⁾. Что же касается Капустянского, то о его противодѣйствіи было доведено до свѣдѣнія Государя и ему съ высоты Престола было высказано порицаніе.

Капустянскій 29 авг. подавъ на Высочайшее имя слѣдующую жалобу: „Слободскоукраинской губерніи, въ изюмскомъ уѣздѣ нахожусь я предводителемъ, а потому страшусь не доложить Тебѣ, Великій Государь, то, что прошедшаго 1802 г. сентября 1-го числа былъ созывъ дворянъ въ губернскій городъ Харьковъ для положенія суммы на университетъ; какъ же иминнаго повелѣнія Твоего на то не было, то многіе и не съѣхались, не зная объ ономъ, а тѣмъ сіе и удалось, желающимъ себя предъ Тобою, Великій Государь, прославить; не яко о неимущихъ, неклись, но для себя больше, и написалъ приговоръ г. Каразинъ, пріѣхавшій изъ С.-Петербурга, и губернскій предводитель и иные уѣздные и малое число дворянъ и то больше родственниковъ ихъ, которые достаткомъ превосходятъ другихъ, а особливо вдовъ и сиротъ, что будто всѣ здѣшней губерніи дворяне желаютъ дать на университетъ отъ излишковъ своихъ четыреста тысячъ рублей и помѣстивъ въ то число сами по волѣ своей и за фуры деньги чужія, изъ которыхъ слѣдуетъ часть и недостаточнымъ. О семъ я какъ предводитель въ то самое время и протестовался за свою округу, за вдовъ и сиротъ, да и другіе дворяне также оспаривали. Но поелику Каразинъ внушалъ великія важности, то достаточные повѣрили оному и губернскому предводителю, почему я и жаловался бывшему въ то время губернатору г. Артакову за таковой несправедливый и сдѣланный оными безъ общаго согласія приговоръ, отъ котораго получивъ завѣреніе письменное, что вдовы и сироты и неимущіе останутся отъ того налагаемаго онымъ приговоромъ платежа свободны, а симъ завѣреніемъ и не допустили меня лично Тебѣ, Великому Императору, о семъ доложить.

Когда жъ въ прошломъ 1803 году въ мартѣ мѣсяцѣ полученъ отъ Тебя, Великаго Императора, Харьковскому дворянству Высочайшій рескриптъ о взносѣ на университетъ суммы, въ то время меня и отдали къ сужденію въ уголовную палату за то, что я на приговорѣ не подписался, а вступался за неимущихъ дворянъ своего округа, вдовъ и сиротъ и такихъ, которые кромѣ долговъ ничего не имѣютъ, и дру-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem; см. тутъ обширную отписку его Донцу-Захаржевскому.

гой уже годъ производится о семъ въ уголовной палатѣ дѣло, но и повинѣ не рѣшено; что хотять, то и дѣлають; Богъ высоко, а Царь, далеко. Сего жъ 1804 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ былъ запросъ мнѣ отъ г. губернатора Бахтина, почему не собираю я отъ дворянъ изюмской округи денегъ, на что я ему представлялъ законныя причины, но онъ, не принявъ оныхъ въ резонъ, прислалъ изъ губернскаго правленія указъ, повелѣвающій выбрать комиссара и собирать деньги со всѣхъ безъ изъятія; почему я, не смѣи противъ начальства противорѣчать, выполняю оный.

Великій Государы! На бумагѣ нельзя мнѣ всего изъяснить, ибо отъ большаго начальства такого состоянія люди страхомъ наполнены¹⁾.

Прошеніе это было рассмотрѣно Государемъ вмѣстѣ съ другими документами по этому дѣлу и по поводу его состоялось слѣдующее Высочайшее рѣшеніе, объявленное черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея, Капустянскому и *отпечатанное для всеобщаго свѣдѣнія* въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, издававшихся тогда Академіей Наукъ: „По Высочайшему повелѣнію отъ министра внутреннихъ дѣлъ предводителю дворянства Слободско-Украинской губ. изюмскаго уѣзда Захарашевичу-Капустянскому объявляется, что донесеніе его, на Высочайшемъ имя присланное, якобы положеніе о взносѣ суммы на Харьковскій университетъ учинено не съ общаго согласія дворянства, по рассмотрѣніи и соображеніи съ мѣстными свѣдѣніями, найдено неосновательнымъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) при самомъ началѣ сего предположенія всѣ уѣздные предводители предварены были отъ губернскаго, чтобъ пригласили они дворянъ въ общее собраніе для рѣшительнаго постановленія о приношеніи на заведеніе въ Харьковѣ университета; 2) положеніе въ собраніи дворянъ по сему приглашенію сдѣланное и по количеству лицъ подписавшихся, и по самому обряду сего собранія, должно признать общимъ всего дворянства положеніемъ; 3) противъ сего общаго положенія несогласіе малаго числа дворянъ, не явившихся въ собраніе, не могло быть принято во уваженіе; 4) изъ донесеній мѣстнаго начальства было тогда же видно, что предводитель Захарашевичъ-Капустянский, утаивъ Высочайшее соизволеніе на заведеніе университета, не сдѣлалъ о немъ надлежащаго дворянамъ извѣщенія; 5) нѣкоторые изъ дворянъ впослѣдствіи отозвались губернскому предводителю, что имъ не дано было даже знать объ общемъ положеніи дворянства, и наконецъ 6) предводитель Капустянский для умноженія числа несогласающихся

¹⁾ Архивъ Харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета.

съ симъ положеніемъ заставилъ у себя подписаться людей безпомѣстныхъ и даже управителя помѣщика Хлопова, тогда какъ самъ Хлоповъ подписалъ общее положеніе дворянства. За всѣ сии уклоненія отъ порядка предводитель Капустянской правильно подвергнуть былъ въ то же время отвѣту предъ судомъ¹⁾.

Посылая эти бумаги губернатору, гр. Кочубей присоединилъ къ нимъ подтвердительный указъ о сборѣ денегъ на университетъ, въ которомъ говорилось: „изъ прилагаемаго при семъ въ копіи прошенія, принесеннаго на Высочайшее имя отъ изюмскаго предводителя Захарашевича-Капустянскаго ваше превосходительство изволите усмотрѣть, донесеніе его, яко-бы приношеніе дворянства на заведеніе университета сдѣлано безъ общаго согласія. По донесенію сему и имѣлъ счастье представлять Государю Императору свѣдѣнія, въ свое время о несогласіи Капустянскаго сюда дошедшія, и какое по разсмотрѣнію сихъ свѣдѣній послѣдовало на приношеніе его Высочайшее рѣшеніе оное усмотрѣть изволите изъ объявленія въ Санктъ-Петербургскихъ вѣдомостяхъ, въ копіи при семъ прилагаемаго. Вмѣстѣ съ сею жалобою попечитель Харьковскаго округа, тайный совѣтникъ графъ Потоцкій представилъ мнѣ о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ при сборѣ положенныхъ на университетъ денегъ въ уѣздахъ изюмскомъ и волчанскомъ, и о распоряженіяхъ вами по отношенію его принятыхъ. Я имѣлъ счастье представить бумаги сии Его Величеству. Государь Императоръ, принявъ во уваженіе, что приношеніе сіе сдѣлано было общимъ положеніемъ дворянства, что удостоено оно въ свое время Высочайшаго утвержденія и тѣмъ вошло въ силу и порядокъ дѣйствій, коихъ исполненіе не можетъ быть мѣстными отлагательствами премѣняемо и что наконецъ изъ переписки вашего превосходительства съ графомъ Потоцкимъ и по подробнѣйшему разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ отерывается, что медленность во взносѣ происходитъ не отъ дѣйствительнаго несогласія дворянъ, но отъ косненія и затрудненій, противопоставляемыхъ отъ гг. Капустянскаго и Поклонскаго, Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы согласно мѣрамъ, уже отъ васъ принятымъ, сборъ сей въ положенные сроки безъ всякаго отлагательства и непремѣнно былъ произведенъ“²⁾.

Эти документы сами за себя говорятъ и мы поэтому нарочно привели ихъ въ подлинномъ видѣ. Въ нихъ ярко рисуется и Капустянской,

¹⁾ Архивъ Харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета.

²⁾ Ibidem.

съ необычайной энергіей, достойной лучшаго примѣненія, боровшійся противъ устройства университета въ Харьковѣ, и доброжелательное отношеніе къ университетскому дѣлу министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Кучубея, и благородная откровенность Императора Александра, пожелавшаго, чтобы его отвѣтъ Капустянскому былъ напечатанъ для всеобщаго свѣдѣнія въ официальномъ правительственномъ органѣ. Едва ли нужно прибавлять, что отвѣтъ этотъ былъ въ высшей степени справедливъ и основывался на самыхъ серьезныхъ неопровержимыхъ мотивахъ. Нельзя при этомъ не вынести грустнаго впечатлѣнія изъ того, что уже на самыхъ первыхъ порахъ возникли такіа серьезные затрудненія по вопросу о сборѣ *добровольныхъ* пожертвованій, опредѣленныхъ Харьковскимъ дворянствомъ. Но это было только начало: впереди предстояли еще большія трудности. Къ сожалѣнію, примѣръ Капустянского нашель подражателей. Лебединскій дворянинъ Кабановъ въ отвѣтъ на обращеніе о взносѣ причитающейся съ него суммы на университетъ отвѣтилъ: „требуемой по сему предложенію суммы не имѣя, за усиленнымъ г. предводителя Алферова съ братьями его принадлежащаго ко владѣнію имѣнія и не получая съ онаго никакихъ избытковъ взнести не въ состояніи“ ¹⁾. Подчасъ на практикѣ при сборѣ денегъ оказывались и дѣйствительныя затрудненія, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, отзывъ б. управляющаго имѣніями князя Александра Борисовича Куракина, Ивана Витковского. Онъ объяснялъ, что владѣлецъ имѣній (сел. Бѣлокуракина и Павловки съ хуторами) въ октябрѣ 1804 г. освободилъ своихъ крестьянъ (и великорусскаго, и малорусскаго происхожденія) со всѣми ихъ землями, по особому выкупному денежному акту, и поэтому онъ, управляющій, безъ приказанія господина, не можетъ взнести причитающейся по раскладкѣ суммы за 2 срока въ размѣрѣ 800 съ лишкомъ рублей ²⁾. Съ другой стороны, справедливость побуждаетъ насъ заявить, что Василій Назарьевичъ Каразинъ сдѣлалъ причитающийся съ него и его брата (Ивана Назарьевича) взносъ гораздо раньше положеннаго для этого срока (еще въ апрѣлѣ 1803 г. онъ уплатилъ 1000 р., слѣдовавшихъ съ с. Кручика и Основинцеъ, гдѣ было 496 д. подданныхъ, въ чемъ и выдано было ему официальное удостовѣреніе). Но въ общемъ суммы поступали очень туго: нужны были постоянныя напоминанія. 1 сентября 1804 г. окончился срокъ вторичнаго взноса дворянской суммы—а комитетъ 9 сентября пишетъ Донцу-

¹⁾ Архивъ харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета.

²⁾ Ibidem.

Захаржевскому уведомленіе, что еще ничего въ счетъ этой суммы онъ не получилъ ¹⁾. Между тѣмъ мѣрами взысканія на первыхъ порахъ стѣснялись: сумскому уѣздному предводителю Донецъ-Захаржевскій рекомендуетъ не прибѣгать къ земскому суду при взысканіяхъ, а дѣйствовать убѣжденіемъ и собственнымъ примѣромъ ²⁾. Университетъ относился къ дворянамъ весьма предупредительно и между прочимъ, не смотря на прежній отказъ, еще два раза по предложенію попечителя обращался къ Харьковскому губернскому предводителю съ просьбой избрать одного или двухъ человѣкъ, чтобы помогать комитету при возведеніи будущихъ зданій университета на счетъ дворянскаго патріотическаго приношенія ³⁾.

Второй взносъ сталъ уже поступать по истеченіи срока (послѣ 1 сентября 1804 г.) и къ 19 января 1805 г. было собрано 21931 р. 8 коп. и осталось въ недоимкѣ 44735 р. 59 коп., „отъ неполученія коихъ, писалъ Тимковскій, университетъ не токмо лишается своихъ выгодъ, но и не въ состояніи исполнить нѣкоторыхъ данныхъ ему отъ г. попечителя предписаній“ ⁴⁾. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что въ волчанскомъ уѣздѣ къ 1 сентября 1804 г., собрано было 4591 р. 25 коп. ⁵⁾. Очевидно, что уѣздный предводитель дѣйствительно принялъ мѣры къ сбору денегъ и самъ показалъ примѣръ, внесши причитавшіеся съ него 120 р. 75 коп.

Таковъ былъ ходъ сборовъ до открытія университета, т. е. до 17 января 1805 г. Но мы должны теперь забѣгать нѣсколько впередъ и рассказать о послѣдующей судьбѣ „патріотическихъ“ приношеній. Это необходимо сдѣлать, чтобы составить себѣ надлежащее и законченное понятіе объ этомъ важномъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе что никто изъ прежнихъ историковъ Харьковскаго университета не останавливался на дальнейшей судьбѣ пожертвованія дворянства и горожанъ и не показывалъ намъ, въ какой мѣрѣ и въ теченіи какого времени были выполнены денежные обязательства, принятые на себя этими сословіями; я же располагаю столь подробными свѣдѣніями по этому вопросу ⁶⁾, что

¹⁾ Архивъ харьк. депут. собран. Дѣло объ учрежденіи Харьк. универс.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ 1) Они заключаются въ огромныхъ дѣлахъ: „Объ учрежденіи Харьковскаго университета („Архивъ Харьковск. депут. собранія“), 2) „О патріотическомъ приношеніи Харьковскому университету дворянствомъ здѣшней губерніи“ (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правленія, по архиву № 3, по картону № 1), 3) „О патріоти-

могъ-бы изложить ходъ этого дѣла по годамъ, шагъ за шагомъ; но такъ какъ это отвлекло бы вниманіе читателя отъ общей нити изображаемаго событія (основанія университета), то я останавлиюсь только на нѣкоторыхъ болѣе важныхъ моментахъ.

Мы привели выше отрывокъ изъ письма Тимковского къ губернскому предводителю дворянства по поводу непоступленія во 2-й срокъ дворянскихъ суммъ. Объ этомъ же счелъ нужнымъ написать Донцу-Захаржевскому попечитель Потоцкій слѣдующее письмо: „истребовавъ отъ Харьковскаго университета свѣдѣніе о суммѣ, внесенной по сіе время дворянствомъ Слободско-Украинской губерніи въ число патріотическихъ его приношеній, усмотрѣвъ я, къ крайнему сожалѣнію, что взносъ оной имѣетъ ходъ весьма медленный: сумма сія не поступила не только за третій срокъ, но еще не выплачена и за 2-й. Какъ положеніе сіе о принесеніи оной въ пользу университета сдѣлано дворянствомъ по доброй волѣ и удостоилось Высочайшаго утвержденія Его Императорскаго Величества, то я ни мало не сомнѣваюсь, чтобы оное могло имѣть какіи либо перемѣны; между тѣмъ однако же для распоряженій, кои приѣмлю я относительно будущихъ университетскихъ зданій, нужно мнѣ, чтобы сумма сія поступала исправно въ назначенное время. Я твердо увѣренъ, что вы употребите содѣйствіе ваше предложить благородному дворянству объ исполненіи положеній, самимъ имъ по сему предмету сдѣланныхъ, зная, сколько вы участвовали при самомъ началѣ въ составленіи сего приношенія и впослѣдствіи оказывали всегда расположеніе свое къ пользамъ университета; но между тѣмъ нахожусь я принужденнымъ покорнѣйше просить васъ, мил. гос. мой, не оставить меня увѣдомленіемъ, какія были причины, воспрепятствовавшія доселѣ исправному взносу той суммы, дабы согласно оному могъ я принять нужныя мѣры, чтобы не быть намъ въ отвѣтственности въ случаѣ неисполненія предположеній, утвержденныхъ Государемъ Императоромъ ¹⁾ (18 сент. 1805 г.)“.

Положеніе губернскаго предводителя было очень затруднительное: онъ несомнѣнно заботился объ исправномъ поступленіи суммъ, но его добраго желанія было недостаточно: сборы происходили въ уѣздахъ и все зависѣло здѣсь отчасти отъ уѣздныхъ предводителей и еще въ большей степени отъ

ческаго приношенія Харьковскому университету отъ дворянства екатеринославской губ.“ (Ibidem, по архиву № 19, по картону № 2), 4) „О пожертвованіяхъ дворянства и жителей на учрежденіе университета“ (Ibidem, по архиву № 1, по картону № 1).

¹⁾ Архивъ харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета.

самихъ дворянъ. Получивъ приведенное выше письмо отъ Потоцкаго, Донецъ-Захаржевскій могъ только обратиться съ вопросомъ о причинахъ медленнаго поступленія суммъ къ уѣзднымъ предводителямъ, а тѣ въ свою очередь ссылались на дворянъ недоимщиковъ. Купянскій предводитель Иванъ Тихоцкій писалъ, наиримѣрь, что онъ прилагалъ всѣ старанія къ своевременному поступленію взносовъ, извѣщая объ этомъ многократно своихъ дворянъ и письменно, и лично; затѣмъ, видя, что обѣщанія не исполняются, я, заявляя онъ, доставилъ списки недоимщиковъ въ харьковское губернское правленіе, а оно отправило ихъ въ купянскій нижній земскій судъ, чтобы тотъ настоятельно побудилъ ихъ ко взносу и въ случаѣ надобности принялъ законныя мѣры взысканія. Къ этому объясненію Тихоцкій приложилъ списокъ неплательщиковъ; всѣхъ ихъ было 108 человекъ и они задолжали за три срока 3755 р. 51 к.; (а всего купянскій уѣздъ долженъ былъ уплатить менѣе 5000 р.); любопытно, что это по большей части были мелкія суммы—десятки и рубли; болѣе крупныя недоимки числились за весьма немногими ¹⁾. Предводитель дворянства харьковскаго уѣзда Петръ Ковалевскій писалъ, что нѣкоторые дворяне вовсе отказываются отъ платежа, другіе ссылаются на отсутствіе денегъ, а управляющіе великопомѣстныхъ имѣній объясняютъ, что они безъ согласія своихъ владѣльцевъ не могутъ дѣлать взносовъ; всѣхъ недоимщиковъ было 223; и здѣсь количественно преобладали мелкія суммы, но за то крупныя въ совокупности составляли весьма видную долю ²⁾. Такіе же отвѣты и вѣдомости поступили и отъ предводителей другихъ уѣздовъ; въ изюмскомъ уѣздѣ оказалось 187 недоимщиковъ ³⁾; въ лебединскомъ

¹⁾ За Мих. Булацелемъ 230 р., за Вас. Захарашевичемъ-Капустянскимъ 169 р., за княгиней Кантемировой 103 р., за наслѣдниками Георгія Захарашевича-Капустянскаго 112 р., за Ив. Мерескуломъ 206 р., за наслѣдниками И. Мечникова 228 р., за Ѳ. Шабельскимъ 170 р., за А. Шаховой 107 р., за Ст. Элли 112 р.

²⁾ Болѣе крупныя недоимки числились за слѣдующими лицами: за Ст. Базилевичевою 301 р., генер. А. Бердяевой 525 р., кн. С. Волконской 532 р., Н. Дувиной 295 р., кн. Дм. Кантемиромъ 324 р., Ѳед. Квиткой 223 р., Гр. Квиткой 109, Гр. Ковалевскимъ 106 р., С. Ковалевской 110 р., Андр. Ковалевскимъ 346 р., Кн. Кирищевымъ 157 р., Ник. Нахимовымъ 285 р., І. Познанскимъ 190 р., фельдмаршаломъ гр. Ив. Петр. Салтыковымъ 405 р., Ив. Солнцовымъ 201 р., Гр. Суджанскимъ 108 р., гр. Ник. Петр. Шереметевымъ 977 р., Дм. Щербининымъ 770 р.

³⁾ Суммы свыше 100 р. задолжали здѣсь слѣдующіе лица: Ив. Адамовъ 197 р., Як. Велихевичъ 148 р., дѣйст. тайн. сов. Энгельгардтъ 989 р., Герсевановъ 196 р., П. Герсеновъ 109 р., наслѣдники Двигубскаго 128 р., М. Иванова 163 р., П. Захаржевскій 196 р., Вас. Захаржевскій 227 р., Г. Иванова 136, Кн. Дм. Кантемиръ 137 р., Ст. Мартылова 465 р., Ир. Минчинкова 167 р., Ал. Норовъ 229, прот. Андр. Сам-

за 2-й срокъ 123 чел. съ долгомъ въ 1196 р. 80 к., и за 3-й 195 съ долгомъ въ 7673 р. 80 коп. ¹⁾ (а всего слѣдовало получить 8442 р.). Предводитель дворянства въ богодуховскомъ уѣздѣ Ив. Боярскій доносилъ, что онъ опредѣлилъ 4-хъ комиссаровъ къ собиранію денегъ; они собрали часть суммъ, но многіе отговаривались неурожаемъ, падежомъ скота, а вдова поручика Ильинскаго сослалась на то, что ея двухъ сыновей, несмотря на усиленныя ея просьбы, не приняли въ университетъ, почему она и не можетъ сдѣлать взноса. Впрочемъ недоимщиковъ здѣсь было не много: за 1-й срокъ 43 чел. съ долгомъ въ 1705 р. $\frac{1}{2}$ к., за 2-й—62 съ долгомъ въ 442 р. 80 к., за 3-й—103 съ долгомъ въ 4767 р. 73 коп. ²⁾ (а всего причиталось только 5242 р.). Валковскій предводитель сообщилъ, что взносъ за 2-й срокъ сдѣланъ; недоимщиковъ же по 3-му сроку оказывалось тамъ 66, въ томъ числѣ крупныхъ 7 (свыше 100 р.): Верещагинъ, генералъ Душинъ, Зварыкинъ, Лесевицкій, Гр. Ром. Шидловскій, Базилевскій. Въ сумскомъ уѣздѣ за 2-й и 3-й срокъ былъ 231 недоимщикъ; въ числѣ ихъ и такіе крупные, какъ т. сов. Анна Комбурлей (1749 р.), кн. Мих. Анд. Голицынъ (3785 р.), Нат. Дубянская (875 р.), Ал. Савичъ (1052 р.), Г. Кондратьевъ (1247 р.), М. Кондратьевъ (502 р.), О. Кондратьева (567 р.), Е. Рахманова (712 р.), А. Хрущева (607 р.), Ив. Кондратьевъ (967 р.); эти 10 человекъ задолжали всѣ вмѣстѣ 12063 руб. Чтобы понять значеніе этой цифры, нужно вспомнить, что на 3-й срокъ со всего сумскаго уѣзда нужно было получить по табели только 10731 р., а за 2-й—и того меньше. Въ волчанскомъ уѣздѣ за 2-й срокъ не уплатило 47, за 3-й 91 чел.; всего за ними числилось 3864 р. (за 3-й срокъ слѣдовало получить 6934 р., а доставлено было 3806 р.). По ахтырскому уѣзду числилось недоимки 5363 р.

борскій 235 р., Тарановы 235 р., Фидлерова 166 р., Е. Хлоповъ 148 р., Ив. Шабельскій 131 р., Ал. Шаховъ 256 р., кн. Шихматова 210 р., Р. Шидловскій 151 р., Ник. Шидловскій 294 р.

¹⁾ Здѣсь было нѣсколько меньше крупныхъ должниковъ: О. Яцынъ долженъ былъ 678 р., Е. Неплюева 484 р., Мамоновы 935 р., кн. Щербатовы 1111 р., тайн. сов. Неплюевъ 236 р., тайн. сов. кн. Юсуповъ 310 р., кн. Долгорукова 404 р., Шидловская 270 р., Максимовичева 223 р., ген. Штеричева 126 р., В. Кондратьевъ 123 р., В. Марковъ 274 р., П. Дехановъ 197 р., Ник. Кондратьевъ 431 р., А. и П. Алферовы 137 р., Над. Кондратьева 123 р., Ив. Пустовойтовъ 151 р.

²⁾ Болѣе 100 р. здѣсь были должны: кн. Ник. Голицынъ 1604 р., Дм. Хрущевъ 363 р., Савва Альховскій 364 р., Войновичи 132 р., М. Глазенапова 163 р., Ив. Гиржевъ 106 р., В. Гиржевъ 102 р., М. Желтухина 248 р., Лѣсницкіе 179 р., Д. Лѣсницкій 210 р., Лесевицкіе 111 р., М. Павловъ 107 р., Гр. Подгоричани 458 р., Осиповъ-Перекрестовъ 271 руб.

Такимъ образомъ, какъ видно изъ приведенныхъ нами цифръ, сумма недоимокъ во всѣхъ уѣздахъ была очень значительная; число недоимщиковъ было вездѣ очень велико, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ огромно. Не платили и крупныя, и мелкія помѣщики; первыхъ сравнительно съ послѣдними было очень мало, но за ними числилась большая часть недоимки; въ купянскомъ уѣздѣ ихъ было всего 9 на общую цифру 108 чел., но ихъ долгъ составлялъ свыше 40% общей суммы; въ лебединскомъ уѣздѣ 17 крупныхъ владѣльцевъ задолжали 6213 р. изъ общей суммы 8870 р., т. е. 70%; въ богодуховскомъ 14 чел. были должны 4418 р., т. е. 64%; о сумскомъ уѣздѣ мы говорили выше. Между тѣмъ многіе изъ этихъ лицъ владѣли огромнымъ количествомъ крестьянъ: у А. Комбурлей было 4729 душъ, у князя Михаила Голицына 4351, у Дубянской 1412, у Ал. Савича 1210, у Г. Кондратьева 1434, у М. Кондратьева 1359, у О. Кондратьевой—1533, у Ив. Кондратьева—1113, у кн. Юсупова—840, у Неплюева 640, у кн. Долгоруковой—1093, у Шидловской—731, у Максимовичевой—604, у О. Яцына—1478, у Е. Неплюевой—1030, у Мамоновой—1990, у кн. Щербатовыхъ—2365, у В. Маркова—741, у Н. Кондратьева—1166, у Энгельгардта—2105, у В. Захаржевскаго—615, у Ст. Мартыновой—991, у А. Норова—620, у прот. Самборскаго—501, у Тарановыхъ—501, у В. Стремоухова—743, у В. Донецъ-Захаржевскаго—508, у Дм. Куликовскаго—637, у Ив. Данилевскаго—503 и т. п. Все это были, конечно, люди очень богатые—и уплата причитавшихся съ нихъ суммъ не могла для нихъ быть особенно обременительна. Съ сожалѣніемъ мы должны отмѣтить фактъ, что среди недоимщиковъ были и такія лица, которыя раньше относились съ особеннымъ сочувствіемъ къ мысли объ учрежденіи въ Харьковѣ университета и предлагали ассигновать для этого не 400000, а цѣлый милліонъ; таковы были О. и Г. Квитка, Г. Шидловскій; мало того—если только насъ не обманиваетъ полное тождество имени и фамиліи, то въ числѣ недоимщиковъ было и два уѣздныхъ предводителя дворянства (В. Марковъ и Ал. Савичъ). Очевидно, что при такихъ условіяхъ однихъ нравственныхъ воздѣйствій было недостаточно и явилась необходимость въ формальныхъ принудительныхъ мѣрахъ. 30 декабря 1805 г. губернское правленіе издало указъ о собраніи университетскихъ недоимокъ на такихъ же основаніяхъ, на какихъ собирались казенныя повинности; съ этого момента сборъ денегъ на университетъ сталъ являть изъ себя крайне печальную картину принудительнаго акта, за исполненіемъ котораго должны были неукоснительно наблюдать предводители дворянства, комиссары, городничіе, уѣздные земскіе суды, губернское правленіе, губернаторъ.

Возникла огромная переписка на сотнях листовъ и все дѣло ограничивалось по большей части ордерами и отписками отъ высшаго начальства къ низшему; счета запутались; первоначальныя предположенія и раскладки оказались неподходящими для послѣдующаго времени. Уѣздные предводители должны были давать объясненія губернскому ¹⁾. 3-го марта 1806 г. харьковское губернское правленіе издало новый подтвердительный указъ. Но, несмотря на эти строгіе указы, по прежнему находились лица, которые прямо отказывались отъ уплаты денегъ на университетъ. Извѣстный намъ Савва Альховскій денегъ не вносилъ, а ограничивался одними отписками, гдѣ заявлялъ, что онъ никакихъ избытковъ не имѣетъ и потому ничего платить не будетъ, тѣмъ болѣе что одна часть имѣнія его описана для продажи съ публичнаго торга, а другая берется въ опеку для удовлетворенія претензій „соперниковъ“, „а буду ли я когда, продолжаетъ Альховскій, послѣ разореній и утѣсненій моихъ имѣть таковыя избытки, чтобъ изъ оныхъ удѣлять что либо и на университетъ, то о семъ знать уже не есть мое дѣло, но Божіе, въ рукахъ коего мой жребій, и для того, какъ прежде я не обязывался къ сему такъ не могу и нынѣ обязываться къ дачѣ таковыхъ денегъ отъ избытковъ, къ пріобрѣтенію коихъ уже силъ и способовъ лишеннымъ состою“.

Владѣлецъ с. Писаревка кн. Николай Алексѣевичъ Голицынъ, у котораго было тамъ 2584 д. крестьянъ, объявилъ черезъ своего управляющаго, что онъ жертвуетъ добровольно на университетъ 100 р. (!), но отказывается отъ взносов по раскладкѣ, такъ какъ съ одной стороны безъ именныхъ указовъ никто не имѣетъ права отягощать крестьянъ новыми податями, а съ другой онъ и его крестьяне не пользуются тѣми льготами по части винокурения, какія имѣетъ остальное населеніе Слободско-Украинской губерніи. Но еще болѣе интересенъ письменный отзывъ „генералъ-лейтенантши“ Бердлевой, составленный необыкновенно искусно, очевидно, какимъ нибудь тонкимъ и опытнымъ юристомъ, воспользовавшимся всѣми данными и соображеніями для опроверженія законности приговоровъ отъ 1 сентября 1802 г. и 21 апрѣля 1803 г. Это своего рода шедевръ дворянской оппозиціи и потому мы приводимъ изъ него въ примѣчаніи нѣсколько выдержекъ ²⁾.

¹⁾ См., напримѣръ, обширное объясненіе сумскаго предводителя Ал. Савича.

²⁾ Повиновеніе волѣ Монарха, писала Бердлева, я считаю своею священною обязанностью; такъ же я поступаю и въ дѣлѣ, касающемся Харьковского университета. Государь утвердилъ приговоръ о дворянскомъ пожертвованіи подъ тѣмъ условіемъ, чтобы каждый давалъ отъ избытковъ своихъ и чтобы отъ этого отнюдь не послѣдовало новыхъ налоговъ для крестьянъ. Такимъ образомъ всю

Въ теченіи 1804 и 1805 гг. поступило денегъ отъ харьковскаго дворянства 114639 р. 70¹/₂ коп., изъ коихъ въ 1804 г. израсходовано было 3642 р. 35 коп., а въ 1805 г. 9539 р. 71¹/₄ коп.; главные статьи расхода касались приобрѣтенія земель и матеріаловъ для будущихъ новыхъ зданій университета; 60000 р. было отправлено въ государственный заемный банкъ для приращенія процентами; однихъ процентовъ университетъ получилъ съ пожертвованныхъ ему дворянствомъ суммъ по 1-е января 1806 г. 2692 р. 74¹/₂ коп. Сохранилась любопытная вѣдомость о взносахъ дворянской суммы за первые четыре срока по всѣмъ уѣздамъ харьковской губ., составленная 17 ноября 1806 года. Оказывается, что за второй срокъ числилось недоимки по богодуховскому уѣзду—979 р., по сумскому—5499, по изюмскому—3629, по волчанскому—1484, по лебединскому—3860 (харьковскій, ахтырскій, змиевской, купинскій, валковскій уу. сдѣлали свои взносы), за 3-й срокъ по харьковскому—2518, богодуховскому—2708, сумскому—10761, змиевскому—1652, изюмскому—8399, купинскому—1972, валковскому—1033, волчанскому—2846, лебединскому—6892 (по ахтырскому недоимки не было); за 4-й срокъ—по харьковскому—6575 р., богодуховскому—4716, ахтырскому—5058, сумскому—11051, змиевскому 3144, изюмскому—8860, купинскому—2959, валковскому—3902, волчанскому—7121, лебединскому—8670; всего недоимки было 116288 р. Дворянство екатерино-

эту 400-тысячную сумму слѣдовало распредѣлить сообразно съ избытками каждаго. Между тѣмъ такое распредѣленіе сдѣлали одни предводители дворянства, принявъ во вниманіе только количество крестьянъ, числившихся за каждымъ владѣльцемъ. Но нѣкоторые, имѣя мало крестьянъ, получаютъ много доходовъ, потому что владѣють большимъ количествомъ земли и угодьевъ и наоборотъ. Такъ и я имѣю мало земли и при томъ не пользуюсь правомъ свободнаго винокуренія, хотя крестьяне мои поселены на привилегированныхъ земляхъ; не говорю уже о томъ, что есть не мало владѣльцевъ, у которыхъ нѣтъ крестьянъ, но есть земли, а они тѣмъ не менѣе освобождены отъ уплаты этого сбора. У меня, продолжала далѣе Бердяева, нѣтъ избытковъ и я по временамъ даже должна входить въ долги, чтобы какъ слѣдуетъ содержать и воспитывать своихъ дѣтей; сверхъ того меня постигли несчастія: два пожара и кража лишили меня почти всего движимаго моего имѣнія. И при всемъ томъ я жертвую на университетъ причитающіяся мнѣ за воли отъ казны деньги и сверхъ того 100 р.; больше же не могу дать безъ оглащенія крестьянъ, которое запрещаетъ дѣлать Высочайшій указъ. Я не отрицаю законности самаго постановленія 1-го сентября 1802 г. о пожертвованіи 400 т., хотя могла бы указать на то, что Государь только *разрѣшилъ* дворянскій съѣздъ; слѣдовательно, вѣхать могъ только тотъ, кто желалъ; не понятно мнѣ также и то, какъ могло состояться общее рѣшеніе о пожертвованіи, когда я вижу, что всѣ теперь не дѣлаютъ взносовъ (не говорю о себѣ: я желаю сдѣлать таковой). (Архивъ харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковского университета).

славской губ. должно были внести въ 1804 и 1805 гг. 21652 р., а доставило только 7190 р., такъ что въ недоимкѣ было 14462 р.; отъ городовъ должно было поступить 41573 р., а доставлено было 38055 р., въ недоимкѣ оставалось 3518 р.¹⁾; отъ частныхъ благотворителей (Хорвата, Аникѣва и др.)—5000 р.; получены всѣ сполна. И такъ, дворянство, какъ харьковское, такъ и екатеринославское дѣлало свои взносы очень несправно въ противоположность купечеству, горожанамъ и частнымъ жертвователямъ, за которыми почти не оказалось никакихъ недоимокъ.

Ассигнованная на университетъ харьковскимъ дворянствомъ сумма не поступала въ опредѣленные сроки, не смотря на строгія понужденія губернскаго начальства, которое между прочимъ предписало публиковать имена неисправныхъ плательщиковъ. Наступившая вслѣдъ затѣмъ 1-я война съ Франціей вовсе прекратила притокъ пожертвованій, какъ это официально засвидѣтельствовано тогдашнимъ губернаторомъ И. И. Бахтиннымъ. „Хотя и происходили, говорить онъ, отъ губернскаго правленія понужденія, но успѣхъ во взносѣ денегъ не соответствовалъ попеченію правленія; наступившая же война съ Франціей прекратила совершенно, какъ взносъ оныхъ, такъ и понужденія о таковомъ, ибо принявъ къ соображенію моему съ одной стороны поставленіе дворянствомъ ратниковъ, снабженіе ихъ одеждою, провіантомъ и жалованьемъ, собраніе денежной суммы на жалованье милиційскимъ чиновникамъ и разныя отъ многихъ денежныя пожертвованія, а съ другой пріостановленіе отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ даже постройки почтовыхъ домовъ, во уваженіе понесенныхъ дворянствомъ тягостей послѣдовавшее, я рѣшился не приступать въ разсужденіи взноса на университетъ денегъ къ понужденію, о чемъ дано отъ меня знать и г. попечителю оного. Но нынѣ, продолжаетъ далѣе губернаторъ, когда, благодареніе Богу, уже болѣе полугода, какъ кончились осеннія дѣйствія съ Франціей, а съ тѣмъ самымъ и тягости, обременявшія вѣрныхъ сыновъ отечества, въ томъ числѣ и благородное сословіе слободско-украинской губ., я побуждаемъ будучи требованіемъ г. попечителя о приступленіи къ сбору слѣдующихъ на университетъ денегъ, къ лучшему въ томъ услѣху рѣшился обратиться къ собранію сего благороднаго сословія, надѣясь несомнѣнно, что оно, питая въ высокой степени вѣрноподданническое усердіе къ любезнѣйшему для всѣхъ сердецъ монарху, ревнуя о про-

¹⁾ Любопытно, что эта недоимка относилась только къ г. Харькову; малые же города (Валки, Богодуховъ, Ахтырка, Сумы, Лебединъ, Зміевъ) свои взносы сдѣлали сполна; неизвѣстно было только, изъ какихъ средствъ долженъ былъ внести свои 2000 р. г. Купянскъ.

свѣщеніи сего края, взиралъ съ непріятностію на то, что единственно по невыполненію нѣкоторыми г.г. дворянами ихъ обязанности, не приступлено еще доселѣ къ устроенію вмѣстилища сего просвѣщенія и поставляя за величайшій стыдъ не подкрѣпить сдѣланнаго имъ единойды обѣта, Высочайшею волею утвержденнаго, употребить всевозможные способы къ убѣжденію не внесшихъ за прошедшіе сроки пожертвованныхъ на университетъ денегъ, членовъ благороднаго свободско-украинскаго дворянства, а тѣмъ паче возражающихъ противу такового взноса, и тѣмъ самымъ облегчить правительство, которое, уповаю, послѣ сего не будетъ имѣть уже нужды въ принятіи другихъ мѣръ“. Уѣздные предводители съ губернскимъ во главѣ, по согласію всего дворянства, выслушавъ въ декабрѣ 1807 года нижеприведенное письмо губернатора Бахтина, опредѣлили: „отъ лица всего дворянства представить главному начальству и просить, дабы сборъ, остающійся не во взносѣ дворянствомъ помянутой суммы, разсроченъ былъ еще на 6 лѣтъ, поелику дворяне отъ прошедшей съ Франціей войны поставкою ратниковъ, снабженіемъ ихъ одеждою, провіантомъ и жалованьемъ имъ и милиційскимъ начальникамъ и другими денежными пожертвованіями, къ платежу подлежащей университету суммы находятъ себя внѣ возможности“. Губернаторъ сдѣлалъ соотвѣтственное представленіе—и въ результатѣ его былъ слѣдующій Высочайшій указъ (1808 г.): „въ уваженіе издержекъ, произведенныхъ дворянствомъ свободско-украинской губ. на разныя государственныя надобности въ послѣднее время, желая облегчить оное въ исполненіи сей его обязанности, я повелѣваю: 1) сумму изъ числа пожертвованной симъ дворянствомъ на Харьковскій университетъ, еще не собранную и по представленію 236465 р. 58 к. составляющую, со дня изданія указа сего разсрочить еще по равнымъ частямъ на 6 лѣтъ; 2) при столь ощутительной ко взносу сей суммы удобности, обратить наблюденіе ваше, чтобъ она впредь непременно вся сполна поступала въ назначенномъ къ каждому сроку количествѣ; 3) затѣмъ въ случаѣ невзноса сей суммы и въ сіи новые сроки, причитающіяся въ число оной деньги съ таковыхъ неисправныхъ исполнителей сей обязанности взыскивать на основаніи общихъ о взысканіи за неплатежъ правилъ“. Ежегодно приходилось, такимъ образомъ, собирать по 39410 р. 93 к.; раскладки же суммъ по уѣздамъ должны были произвести уѣздные предводители дворянства на уѣздныхъ дворянскихъ собраніяхъ. И тутъ открылись различныя затрудненія: имѣнія переходили изъ рукъ въ руки и трудно было рѣшить, кто долженъ производить уплату—прежній или новый владѣлецъ; такой споръ возникъ, напримѣръ, въ валковскомъ уѣздѣ между Вереща-

гинымъ и Ковалевскимъ. Деньги поступали очень туго: срокъ 1-го взноса окончился 25 апрѣля 1809 г., а вмѣсто должныхъ 39410 р. поступило всего 2833 р.; впрочемъ уже въ маѣ эта сумма достигла до 10845 р., въ концѣ мая было получено еще 4580 р., въ июнѣ 1590 р. По даннымъ, доставленнымъ губернатору Бахтину, оказалось, что къ этому времени сдѣлали сполна свои взносы только харьковскій и ахтырскій уѣзды, да за валковскимъ числилась небольшая недоимка (въ размѣрѣ 72 р.); остальные же уѣзды (богодуховскій, сумской, изюмскій, купянский, волчанскій, лебединскій и змѣевской) задолжали очень много; а богучарскій, острогожскій и старобѣльскій уѣзды, которые входили въ составъ воронежской губ. и раньше дѣлали взносы довольно исправно, не прислали теперь ничего. Въ виду этого губернское правленіе рѣшило принять суровыя мѣры противъ неплательщиковъ—земскимъ судамъ приказано было описывать ихъ движимое и недвижимое имущество. 17 декабря 1809 г. состоялось новое Высочайшее повелѣніе на имя губернатора Бахтина: „разсмотрѣвъ, говорится тутъ, представленіе ваше къ министру внутреннихъ дѣлъ о невзносѣ многими помѣщиками слободско-украинской губерніи за учиненною даже разсрочкою суммы, которую они въ 1803 г. добровольно пожертвовали на Харьковскій университетъ, я въ разсужденіе онаго повелѣваю: 1) имѣнія тѣхъ изъ нихъ, кой по раскладкѣ, дворянскими предводителями сдѣланою, не внесли доселѣ слѣдующихъ съ нихъ на сей предметъ по разсрочкѣ денегъ, взять въ опеку; 2) изъ числа доходовъ, съ оныхъ получаемыхъ, обращать въ уплату сего долга столько, сколько по раскладкѣ въ теченіе 6 лѣтъ причитаться будетъ; 3) если кто изъ помѣщиковъ до истеченія сего срока заплотить всю сумму, какую онъ добровольно обѣщался внести на содержаніе университета, таковое имѣніе исключить немедленно изъ вѣдомства опеки“¹⁾.

Къ такой мѣрѣ принужденъ былъ прибѣгнуть монархъ, такъ заботившійся постоянно о томъ, чтобы только добрая воля и усердіе къ общему благу руководили жертвователями! Немедленно послѣ этого указа сборы стали поступать въ университетъ, но вскорѣ опять понадобились мѣстныя предписанія. Сохранилась любопытная вѣдомость, заключающая въ себѣ перечень всѣхъ этихъ понужденій и отписокъ—она занимаетъ 12 листовъ большого формата²⁾. Въ 1815 году окончился и новый предѣльный срокъ для взносовъ харьковского дворянства,

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попечителя, № 1 по архиву, № 1 по картону.

²⁾ Ibidem, стр. 179—190.

а между тѣмъ по вѣдомости 1817 г. оказывается, что за нимъ числилось 130412 руб. (всего уплачено было имъ 269587 р. съ коп., а въ новый срокъ только 106053 р.); за екатеринославскимъ дворянствомъ числилось долга 49642 р. съ коп. (а внесено было 58618 р.), за херсонскимъ 26754 р. (а внесено 13745 р.); за купечествомъ и городами 28010 р. (а внесено 43733 р.). 2 года спустя (къ 1-му января 1819 г.) состояніе недоимокъ представлялось въ слѣдующемъ видѣ: за харьковскимъ дворянствомъ числилось 118971 руб., за екатеринославскимъ 49642 р. (столько, сколько и раньше); за херсонскимъ 24488 р., за городами и купечествомъ 33010 р. (недоимка увеличилась, потому что нѣкоторые города должны были вносить постоянную ежегодную сумму, которой теперь не уплачивали).

Къ 1-му января 1822 г. въ этихъ суммахъ произошли слѣдующія измѣненія: за харьковскимъ дворянствомъ считалось долга 105032 р. за екатеринославскимъ 37920, за херсонскимъ 24488 (какъ и прежде), за городами и купечествомъ 41304 р. (прибавилось около 9 т. за 3 года, протекшіе съ 1819 по 1822 годъ). Всего при губернскомъ предводителѣ дворянства Донцѣ-Захаржевскомъ собрано было изъ 400000 р. 163534 р., а при его преемникѣ А. Ѳ. Квиткѣ 117509 р. (по 1819 годъ). Затрудненія и проволочки при сборахъ вызывались между прочимъ разными случайными обстоятельствами, напр., необходимою переводить ассигнаціи на серебро, при чемъ за 4 р. ассигнацій по курсу давали 1 р. сер.; уѣздные предводители не могли иногда дать отвѣта, какія суммы были собраны ихъ предмѣстниками и обращались за разъясненіями къ губернскому предводителю; деньги взыскивались земскими уѣздными судами; счета университетскаго правленія и уѣздныхъ предводителей не сходились; нѣкоторые желали „подойти подъ Высочайшій манифестъ“, ссылались на давность (напр., богатый харьковскій купецъ Карповъ, указывавшій на свое разореніе во время отечественной войны, что не подтвердилось).

Въ 1825 году недоимка харьковскаго дворянства сократилась до 80 т. рублей и тогда же это послѣднее рѣшило обратить ее на проектировавшійся въ Харьковѣ кадетскій корпусъ. Мысль о кадетскомъ корпусѣ принадлежала пользующемуся столь печальною извѣстностью графу Аракчееву—и онъ же всячески поддерживалъ идею о передачѣ 80 т. недоимки въ пользу этого новаго военнаго учебнаго заведенія ¹⁾. Но

¹⁾ Вотъ его подлинное мнѣніе по этому поводу: „дворянство Слободско-Украинской губ., сдѣлавшее большія пожертвованія въ пользу воспитательныхъ заведеній къ сей губерніи, разсуждало: какія изъ нихъ достигли предполагаемой цѣли и

его проэктъ встрѣтилъ серьезныя возраженія со стороны тогдашняго попечителя харьковскаго учебнаго округа, который представилъ ихъ министру народнаго просвѣщенія и просилъ его дать рѣшительный ходъ дѣлу о дворянской недоимкѣ и представить его Государю ²⁾.

какія имѣютъ еще нужду въ усиденіи предоставленныхъ имъ способовъ. Въ особенности оно обратило вниманіе на Харьковскій университетъ и вновь учреждаемый харьковскій кадетскій корпусъ. Оно нашло, что университетъ, съ Божіею помощію, уже устроенъ и совершенно обезпеченъ въ его существованіи, напротивъ того кадетскій корпусъ требуетъ еще многихъ пособій. И желая видѣть всѣ свои заведенія въ свойственномъ имъ устройствѣ, общимъ приговоромъ поручило губернскому своему предводителю ходатайствовать о Монаршемъ соизволеніи, чтобы та сумма изъ числа 400 т. руб., на университетъ въ 1801 г. пожертвованныхъ дворянствомъ, которая до нынѣ не внесена и составляетъ ок. 80 т. р., обращена была въ пользу харьковскаго кадетскаго корпуса. И губернскій предводитель дворянства вошелъ ко мнѣ о семъ съ представленіемъ. Находя, что для первоначальныхъ издержекъ на устройство харьковскаго кадетскаго корпуса, когда должно строить предназначенныя для помѣщенія его зданія и заводить классныя и другія потребности, дѣйствительно нужны ему еще значительныя пособія, независимо отъ ежегоднаго сбора по 10 коп. съ души, которымъ обезпечено будущее его существованіе и пріемъ во уваженіе съ одной стороны, что дворянство, прося объ обращеніи въ пользу кадетскаго корпуса части суммы, имъ же на университетъ пожертвованной, ни мало не сокращаетъ тѣмъ своего пожертвованія, но желаетъ только употребить оное съ большею пользою, съ другой, что сія сумма остается еще не внесенною, слѣдовательно, если поступить противу желанія дворянства, то легко можетъ случиться, что она и совсѣмъ внесена не будетъ; я сносился по сему предмету съ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Онъ отвѣчалъ мнѣ отъ 20 января № 166, что не можетъ согласиться на отчисленіе отъ университета въ пользу харьковскаго кадетскаго корпуса предполагаемой дворянствомъ суммы, говоря, что хотя университетъ уже устроенъ и довольно обезпеченъ въ его существованіи, но все еще имѣетъ нужду въ денежныхъ пособіяхъ. Заключаетъ, наконецъ, что нынѣшнее дворянство, по его мнѣнію, не имѣетъ и права входить въ распоряженіе суммъ, за 25 лѣтъ предъ симъ пожертвованныхъ университету, ибо въ то время сословіе дворянъ состояло изъ другихъ лицъ.

Я позволяю себѣ мыслить, что послѣдній доводъ не убѣдителенъ. Нельзя отвергать права нынѣшняго дворянства располагать пожертвованною, хотя бы то было и за 25 лѣтъ, суммою, ибо отвергъ сіе право дворянства, надобно отвергнуть и его обязанность внести теперь сію сумму. Но когда дворянство, давая охотно нынѣ сдѣланное имъ пожертвованіе, желаетъ обратить его на другое въ томъ же смыслѣ заведеніе, имѣющее по новости болѣе нужды въ денежныхъ пособіяхъ, то, кажется, самая справедливость требуетъ уважить просьбу его. Графъ Аракчеевъ⁴⁾.

²⁾ Вотъ его текетъ: „дворянство слободско-украинской губерніи, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1802 г., рѣшившись пожертвовать въ пользу Харьковскаго университета 400 т. р., опредѣлило внести оныя въ 6 сроковъ, начиная съ 1-го сент. 1802 г. по 1-е сент. 1808 г., въ каждый годъ по равному количеству. Добровольное по-

Министръ народнаго просвѣщенія внесъ это дѣло въ комитетъ министровъ и постановленіе его было Высочайше подтверждено Императоромъ Николаемъ Павловичемъ 19 іюня 1826 г. Любопытно, что комитетъ министровъ проэктировалъ сдѣлать выговоръ уѣзднымъ предводителямъ, предложившимъ внести эти 80 т. въ пользу кадетскаго корпуса, но Государь опредѣлилъ выговора не дѣлать, а предписать „рѣши-

жертвованіе сіе удостоилось Высочайшаго государя императора утвержденія и за оное объявлена дворянству особая признательность, но означенная сумма въ положенный срокъ не была внесена и потому 1808 г. апрѣля 25 послѣдовало Высочайшее повелѣніе, за собственноручнымъ Е. И. В. надписаніемъ, о разсрочкѣ сей суммы еще на 6 лѣтъ, съ тѣмъ чтобы въ случаѣ невзноза оной и въ сіи новые сроки остающіяся „въ недоимкѣ деньги взыскиваемы были съ кого слѣдуетъ на основаніи общихъ о взысканіи за неплатежъ правилъ“. Поелику же и за симъ Имяннымъ Высочайшимъ указомъ слободско-украинское дворянство не приступило къ точному исполненію сдѣланнаго имъ въ 1802 г. постановленія, то 17 дек. 1809 г. вторичнымъ Имяннымъ Высочайшимъ указомъ повелѣно было „взыскивать сумму сію посредствомъ отбиранія въ опеку имѣній неисправныхъ плательщиковъ“.

Не смотря однако на сіи Высочайшія повелѣнія, а равно и на то, что объявленная дворянству Всемилоуствѣйшая признательность долженствовала бы послужить оному еще сильнѣйшимъ побужденіемъ къ исполненію священной обязанности, добровольно имъ на себя принятой, университетъ не получилъ принадлежащей ему суммы и до сего времени. Такимъ образомъ, по прошествіи 24 лѣтъ послѣ сдѣланнаго дворянствомъ пожертвованія и по истеченіи 15 лѣтъ послѣ двухъ Имянныхъ Высочайшихъ указовъ остается еще въ недоимкѣ 80 т. р.

За таковое неисполненіе Монаршихъ повелѣній дворянство по всей справедливости долженствовало бы подвергнуться отвѣтственности предъ закономъ и одному только снисхожденію правительства приписать должно, что оно до сего времени избѣжало праведнаго взысканія, ибо довольно одного поверхностнаго взгляда на сіе дѣло, чтобы ясно увидѣть: можетъ ли быть позволено, предъ лицомъ всей Россіи, всеподданѣйше представить Государю Императору пожертвованіе, получить за оное признательность Его Величества и потомъ не выполнить обязанности своей въ теченіе цѣлой четверти вѣка, не взирая на неоднократныя Имянныя Высочайшія повелѣнія. Послѣ сего совершенно непонятнымъ покажется, какъ могло дворянство приступить къ составленію приговора о принесеніи въ даръ кадетскому корпусу суммы, по всей справедливости составляющей не оспоримую собственность университета? Уже странно даже и то, что оно присвоило себѣ право входить въ разсужденіе, имѣетъ ли нужду въ деньгахъ университетъ, котораго потребности не могутъ быть ему извѣстны. Названіе *Харьковскій*, сему университету данное, никакъ не поставляетъ его въ зависимость отъ тамошняго дворянства и потому онъ столько же мало подлежитъ разбирательству оного, сколько петербургскій—дворянству петербургскому или московскій—московскому.

Если законы даже въ частныхъ дѣлахъ запрещаютъ дарителю входить въ распоряженіе предметовъ, имъ однажды подаренныхъ, то тѣмъ менѣе можно допустить таковое неумѣстное вмѣшательство въ дѣла, до казенныхъ заведеній касающіяся. Въ Россіи не одно слободско-украинское дворянство отличилось и отличается пожертвованіями на пользу общую. Не трудно представить примѣры

тельно, чтобы недоимочная сумма внесена была въ университетъ непременно къ 1-му октября текущаго 1826 г.⁴. Еще въ 1825 г., по предложенію министра внутреннихъ дѣлъ, комитетъ министровъ рѣшилъ, по случаю жестокой зимы, постигшей въ 1824 г. Новороссійскій край, разсрочить тамошнему дворянству недоимку на 6 лѣтъ, начиная съ 1826 г. (т. е. до 1833 г.). Указъ 1826 г. возымѣлъ свое дѣйствіе. Наибольшею задолженностью отличался сумской уѣздъ и въ особенности его крупные помѣщики: такъ, напримѣръ, въ апрѣлѣ 1826 г. здѣсь были должны: тайн. сов. кн. Голицынъ 8165 р., Ив. Кондратьевъ 1401 р., тайн. сов. Анна Комбурлѣва 4414 р., Г. Кондратьевъ 1415 р., полк. Кондратьева 1169 р., ген. провіантмейстеръ Мих. Кондратьевъ 1665 р., Ал. Савичъ 1119 р., А. Хрущова 1116 р.; за ними числилось всего 10887 р., т. е. 67% всей недоимки; а къ ноябрю 1826 г. осталось только 1415 р. Къ 1-му января 1827 г. считалось—за харьковскимъ дворянствомъ 11412 р., екатеринославскимъ 11656 р., херсонскимъ 21750 р., за городами и купечествомъ 43039 р. (больше всего за Ахтыркой—8000 р., Валками—11000 р. и Богодуховомъ—9000 р.).

Если для кого уплата была дѣйствительно очень обременительна, то именно для такихъ маленькихъ городовъ, какъ Ахтырка, Богодуховъ и Валки. Они первоначально наложили на себя непосильное обязательство: въ то время какъ всѣ другіе ограничили себя уплатою *опре-*

несравненно значительнѣйшихъ общепользныхъ пожертвованій, которыя предъ харьковскимъ имѣютъ еще и то преимущество, что они выполнены. И однакожь доселѣ никогда и никому не приходило на мысль, представивъ однажды Государю Императору пожертвованіе, располагать онымъ въ послѣдствіи какъ своею собственностью. Допустивъ, что нынѣшнее слободско-украинское дворянство имѣетъ право распоряжаться суммою, въ 1802 г. на Имп. Харьк. университетъ пожертвованною и въ силу Имянныхъ Высочайшихъ повелѣній на сей предметъ взыскиваемой, надлежитъ также допустить, что, напримѣръ, и наслѣдники д. стат. сов. Демидова, пожертвовавшаго столь значительныя суммы и имѣнія Московскому университету, могутъ входить теперь въ распоряженіе оными. Такое предположеніе разрушило бы большую часть отечественныхъ заведеній нашихъ и можно ли было бы тогда отвѣчать даже и за то, чтобы слободско-украинское дворянство въ послѣдствіи времени не сочло нужнымъ сдѣлать иное употребленіе и изъ той суммы, какую нынѣ предназначило оно вносить въ пользу харьковского кадетскаго корпуса?

Показавъ такимъ образомъ совершенную несообразность предположенія слободско-украинскаго дворянства съ существующимъ порядкомъ дѣлъ въ благоустроенномъ государствѣ, я долгомъ почитаю въ заключеніе сего замѣтить, что Харьковскій университетъ столь далеко отъ предполагаемаго вышеупомянутымъ дворянствомъ совершенства, что не только не можетъ безъ явнаго для себя вреда лишиться 80 т. руб., въ долгу на ономъ дворянствѣ считающихся, но безъ Монаршихъ щедротъ уже не можетъ быть приведенъ въ окончательное устройство.

дѣленной взноса до извѣстнаго момента, эти послѣдніе согласились давать по 1000 р. ежегодно *безсрочно*; ясное дѣло, что при такихъ условіяхъ они должны были входить все въ большіе и большіе долги. И вотъ валковская, ахтырская и богодуховская думы объясняютъ губернатору, что дѣлать своихъ взносов онѣ не въ состояніи, потому что не только никакихъ остатковъ отъ винной суммы у нихъ не имѣется, но ея даже не стаетъ на текущіе расходы. Губернаторъ рѣшилъ было употребить суровыя мѣры—предписалъ этимъ городамъ или сдѣлать новыя раскладки, или же прибѣгнуть къ займу въ приказѣ общественнаго призрѣнія; но они, очевидно, ходатайствовали о сложеніи недоимокъ и въ 1828 г. состоялся Высочайшій указъ слѣдующаго содержания: 1) „недоимку по г. Харькову, яко безнадежную къ удовлетворенію за прошедшее время, сложить, а на будущее время по опредѣленіи и уравниеніи доходовъ и расходовъ сего города назначить нѣкоторую сумму изъ доходовъ сего города въ пособіе университету; 2) что касается до гг. Валокъ, Богодухова и Ахтырки, то не требовать отъ оныхъ ни недоимки, ни взноса какой либо части въ пользу университета, пока доходы сихъ городовъ увеличатся и вмѣстѣ съ расходами получать правильное образованіе“. Этимъ Высочайшимъ указомъ снимался долгъ съ г. Харькова въ размѣрѣ 4 т. сер. и половина откупной суммы за 17 лѣтъ неизвѣстнаго размѣра, съ Валокъ 11 т., съ Богодухова 9 т., съ Ахтырки 18 т.

О прощеніи недоимки дворянству мы свѣдѣній не имѣемъ: суди по тому, что за харьковскими дворянами числился ничтожный долгъ (нѣсколько болѣе 10 т.) и что екатеринославскому и херсонскому ихъ сумма была разсрочена на 6 лѣтъ, можно предполагать, что тѣ и другіе, хотя и поздно, но исполнили свои обязательства передъ Харьковскимъ университетомъ.

Такимъ образомъ, мы прослѣдили судьбу пожертвованій и можемъ сказать то, что не было извѣстно прежнимъ историкамъ Харьковского университета—въ какой мѣрѣ жертвователи выполнили свои обязательства передъ Харьковскимъ университетомъ. Харьковское дворянство ассигновало 400 т. руб.—внесло почти столько же (во всякомъ случаѣ не менѣе 390 т.); екатеринославское опредѣлило 108260 р. съ коп.—внесло, нужно думать, почти всю сумму (во всякомъ случаѣ отнюдь не менѣе 80 т.); херсонское—40500 р.—внесло, вѣроятно, почти всѣ деньги (но никакъ не менѣе 20 т.); купечество и города, по приблизительному расчету, должны были дать 90—100 т. р. (въ томъ числѣ г. Харьковъ 50—70 т. р., а остальные города около 40 т.), а дали болѣе 44 т. рублей; частныя лица дали обязательствъ на 9650 р.;—и вся эта сумма

отъ нихъ была получена сполна. И такъ, Харьковскій университетъ *собралъ* отъ 540 до 600 т. рублей, т. е. [почти всѣ денежныя общіянія были выполнены жертвователями. На собранныя деньги предполагалось построить новыя зданія для Харьковскаго университета и къ вопросу о проэктахъ постройки ихъ мы еще вернемся въ дальнѣйшемъ изложеніи; теперь же оглянемся назадъ и подведемъ итоги тому, что сдѣлалъ для учрежденія въ Харьковѣ университета каждый изъ тѣхъ дѣятелей, о которыхъ намъ приходилось говорить выше.

Подробно и документально разсказанная нами исторія основанія Харьковскаго университета должна, надѣмся; окончательно убѣдить всякаго, что истиннымъ виновникомъ его учрежденія былъ В. Н. Каразинъ. Ему принадлежитъ первая мысль объ университетѣ; онъ же склонилъ къ этой мысли и мѣстное дворянство, которое положило было устроить въ Харьковѣ кадетскій корпусъ и для этой цѣли сдѣлало уже довольно крупный взносъ. Еще важнѣе было пожертвованіе со стороны харьковскаго дворянства 400 т. на университетъ; а это пожертвованіе было вызвано „предначертаніемъ“ В. Н. Каразина и въ особенности его пылкою, горячею рѣчью въ дворянскомъ собраніи. Когда г. Харьковъ украсится памятникомъ Каразина (а это должно случиться скоро: денегъ собрано уже довольно много), то желательно, что бы имъ запечатлѣнъ былъ именно этотъ „историческій“ моментъ— В. Н. Каразинъ, стоя въ энергической позѣ, съ протянутой правой рукой, говорить свою знаменательную рѣчь, которая рѣшила судьбу дѣла, судьбу просвѣщенія въ „полуденной“ Россіи. Да и другія пожертвованія (купечества и гражданъ, екатеринославскаго дворянства, Хорвата) получены были благодаря энергіи и вліянію В. Н. Каразина; мало того: едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что если бы онъ оставался у дѣла, то количество пожертвованій было бы еще болѣе значительно. У него былъ особый *талантъ* привлекать къ общественному дѣлу людей и средства. Огромное значеніе имѣлъ его горячій темпераментъ, кипучая, неутомимая энергія, глубокая, какая то восторженная, не знающая развѣдающаго скептицизма, вѣра въ свое начинаніе. Онъ, можно сказать, заражалъ этой вѣрой, этимъ энтузіазмомъ болѣе холодныхъ, болѣе инертныхъ или недовѣрчивыхъ; его повышенное настроеніе не могло не передаваться другимъ: оно дѣйствовало возбуждающимъ и ободряющимъ образомъ. И онъ, этотъ теоретикъ, только вообразившій себя глубокимъ практикомъ, увлекаясь извѣстной идеей и страстно желая провести ее въ жизнь, подобно опытнымъ практикамъ умѣлъ находить себѣ адептовъ въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ общества. Эти адепты, эти помощники, эти сотрудники могли

оказаться (и дѣйствительно оказывались) практичнѣе его, могли подчасъ лучше его выполнить извѣстныя частности, но это нисколько не уменьшаетъ заслугъ инициатора и руководителя предпріятія. А такимъ именно инициаторомъ и руководителемъ въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета былъ В. Н. Каразинъ. Онъ зналъ, какъ дѣйствовать на разныхъ лицъ, чтобы заставить ихъ сдѣлать что нибудь для университета и пользовался для этого такими слабостями ихъ, какъ самолюбіе и честолюбіе, которыя, какъ извѣстно, въ общественной дѣятельности играютъ очень важную роль; съ другой стороны, входя самъ въ составъ наиболѣе передового и просвѣщеннаго литературнаго кружка А. Палицына, онъ сумѣлъ найти себѣ безкорыстныхъ помощниковъ въ средѣ харьковскаго дворянства, сумѣлъ привлечь къ университетскому дѣлу и губернскаго предводителя Донца-Захаржевскаго, который вполнѣ долженъ былъ претерпѣть такъ много непріятностей и огорченій при сборѣ пожертвованій, и губернатора Ивана Ивановича Бахтина, имя котораго съ признательностью должно быть упомянуто, какъ просвѣщеннаго покровителя Харьковскаго университета. Весьма полезны были также для университетскаго дѣла въ городской средѣ пріятель Василія Назарьевича городскаго голова Е. Е. Урюпинъ и въ духовной—священникъ о. Вас. Фотіевъ. Однимъ словомъ, ему удалось привлечь на свою сторону наиболѣе выдающихся и популярныхъ дѣателей во всѣхъ сословіяхъ. На многихъ, конечно, дѣйствовали не столько его личныя свойства (умъ, знанія, энергія), сколько его видное положеніе въ Петербургѣ, какъ довѣренной особы Императора Александра, и онъ весьма умѣло пользовался этимъ положеніемъ чтобы сдѣлать все возможное въ интересахъ своего любимаго дѣтища, Харьковскаго университета; въ особенности какъ нельзя болѣе кстати оказалось его общественное положеніе, когда дѣло перешло въ Петербургъ съ его многочисленными канцеляріями и формальною перепискою. Тамъ, въ Петербургѣ, В. Н. Каразинъ своими постоянными настойчивыми представленіями добился, наконецъ, того, что дѣло Харьковскаго университета благополучно прошло черезъ всѣ эти официальные мытарства, хотя при этомъ онъ дѣйствовалъ такъ прямо, настойчиво и часто рѣзко, что вооружилъ противъ себя почти всѣхъ, власть имѣвшихъ, и такъ какъ при этомъ онъ раньше еще потерялъ личное расположеніе Государя, то его дѣятельность на пользу университета и должна была прекратиться для него весьма печально. Но, работая на пользу университета въ официальныхъ сферахъ, В. Н. Каразинъ, какъ мы видѣли, не мало потрудился и для *самаго устройства университета*—ѣздилъ въ Харьковъ, былъ одно время тамъ единственнымъ распорядителемъ дѣла, вникалъ

во всѣ мелочи, распоряжался всѣми суммами, то же дѣлалъ и въ Петербургѣ (покупалъ и отправлялъ книги, типографскія принадлежности, эстампы, договаривалъ ремесленниковъ). Тутъ В. Н. Каразинъ проявилъ также не мало заботливости и энергіи; но такъ какъ онъ не отличался практичностью, то естественно, что въ этомъ отношеніи онъ уступалъ такимъ дѣтелямъ, какъ Тимковскій, Рижскій; здѣсь онъ сдѣлалъ, м. б., и нѣкоторые промахи, хотя, какъ мы видѣли, его отнюдь нельзя обвинять за дѣло объ эстампахъ и художникахъ въ такой мѣрѣ, какъ это дѣлаетъ Н. А. Лавровскій; Василій Назарьевичъ преувеличилъ размѣры тогдашнихъ потребностей, не взвѣсилъ ихъ со средствами, но дѣйствовалъ все таки въ интересахъ дѣла, какъ они представлялись ему въ то время, т. е. поступалъ такъ, какъ честный общественный дѣтель. Указывали на запутанность его счетовъ, но мы привели выше объясненіе самаго В. Н. Каразина по этому поводу—и его нельзя не признать совершенно основательнымъ; не забудемъ при этомъ, что онъ истратилъ массу своихъ собственныхъ денегъ на университетъ, нерѣдко прибѣгая для этого даже къ займамъ, которые привели въ концѣ концовъ въ полное разстройство его личное состояніе. И въ то время когда многіе очень богатые люди уклонялись отъ взносовъ въ пользу университета, В. Н. Каразинъ еще въ маѣ 1804 г. внесъ впередъ всю ту сумму (1000 р.), которая причиталась съ его имѣнія и деревни его роднаго брата.

Конечно, ему было тяжело невольное отчужденіе отъ Харьковскаго университета, который онъ справедливо считалъ своимъ дѣтищемъ, и это тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ живую потребность въ общеніи съ ученою университетскою средою (извѣстны его доклады обществу испытателей природы при московскомъ университетѣ). Въ первые годы существованія университета отношенія Каразина къ профессорской коллегіи Харьковскаго университета были повидимому натянуты; но въ послѣдствіи университетъ двукратно проявилъ—и при томъ весьма осознательно—свое глубокое уваженіе и благодарныя чувства къ истинному виновнику своего бытія: я имѣю въ виду выборъ Василя Назарьевича въ почетные члены университета и денежный подарокъ ему отъ профессоровъ. Выборъ въ почетные члены состоялся въ 1811 г. и сопровождался слѣдующей замѣчательной мотивировкой: „*ad hunc virum eligendum Senatus (т. е. Совѣтъ), praeter eximias cognitiones, quibus excellit, etiam quodam grati animi sensu impulsus est, quia ejus singulari industriae et labori inacceptis referendum est, quod universitas Charcoviac sit constituta*“. Въ 1833 г. въ виду страшно стѣснительнаго матеріальнаго положенія В. Н. Каразина профессора собрали между собой и внесли

за него 1280 р. долга „движимые сердечною благодарностью и уваженіемъ къ г. Каразину, какъ первому единственному виновнику основанія здѣсь университета“...; то же сдѣлало (и съ такою же мотивировкою) городское общество. „Рѣдкіе и отрадные факты призванія заслугъ общественнаго дѣятеля, тѣмъ болѣе отрадные, что относились къ человѣку, почти уже 30 лѣтъ тому назадъ сошедшему съ широкой арены, забытому сановными друзьями и попавшему, благодаря неумѣнью устраивать свои личные дѣла, въ критическое положеніе“¹⁾.

На второмъ мѣстѣ вслѣдъ за В. Н. Каразинымъ мы ставимъ проф. И. О. Тимковскаго. Это былъ чрезвычайно полезный практическій дѣятель по части устроенія университета, заботливый, свѣдущій, добросовѣстный хозяинъ, вникавшій во всѣ мелочи, спокойно, ровно, безъ скачковъ дѣлавшій свое нелегкое дѣло. Онъ, какъ мы видѣли, замѣнилъ В. Н. Каразина въ Харьковѣ и до открытія дѣйствій Комитета единолично принималъ всѣ подготовительныя мѣры къ скорѣйшему открытію университета. Авторъ спеціальныя монографіи о Тимковскомъ г. Шугуровъ нѣсколько преувеличилъ его роль въ дѣлѣ первоначальнаго устройства Харьковскаго университета и мы должны были для восстановленія исторической перспективы сдѣлать нѣкоторые ограниченія. Н. А. Лавровскій слишкомъ много приписалъ Каразину, г. Шугуровъ—Тимковскому, а истина лежитъ по срединѣ. По характеру своему Тимковскій представляетъ полную противоположность Каразину. В. Н. Каразинъ, какъ мы видѣли, былъ человѣкъ больше творческой мысли, чѣмъ практическаго дѣла. Онъ могъ подвинуть другихъ преодолѣть косность, онъ и самъ двигалъ общее теченіе предпріятія, но на маленькія дѣла его не ставало: у него не было дѣловитости, такта, выдержки; а все это мы находимъ у Тимковскаго, который прекрасно понималъ свойства характера Каразина и старался сдерживать его порывы, какъ это можно было видѣть въ приведенномъ нами письмѣ его къ Каразину. Не дѣлаемъ здѣсь оцѣнки Тимковскаго, какъ педагога, какъ визитатора училищъ: тутъ онъ по справедливости долженъ занять первое мѣсто среди всѣхъ остальныхъ дѣятелей. (Этой стороны его дѣятельности мы коснемся впослѣдствіи).

Попечитель харьковскаго учебнаго округа графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій въ дѣлѣ основанія и первоначальнаго устройства Харьковскаго университета сдѣлалъ меньше другихъ по той причинѣ, что почти все это время проживалъ за границей, и округомъ управлялъ отъ его имени петербургскій попечитель Николай Николаевичъ Новосильцевъ.

¹⁾ См. мою рѣчь „Просвѣтительная дѣятельность В. Н. Каразина“, стр. 12—13.

Но и проживая за границей, Потоцкій, какъ мы видѣли, заботился о ввѣренномъ ему университетѣ.

Особенное вниманіе онъ обратилъ на приглашеніе преподавателей въ Харьковскій университетъ; почти всѣ они, какъ мы видѣли, были приглашены лично имъ; и его выборъ въ общемъ нельзя не признать весьма удачнымъ; такіа лица, какъ Рижскій, Осиповскій, Тимковскій, Стойковичъ, Шадъ, Гизе, Рейтъ, были настоящимъ приобрѣтеніемъ для Харьковскаго университета, да и другіе оказались впоследствии полезными дѣателями (напримѣръ, Делявинъ и др.). Не мало заботился С. О. Потоцкій также и о заведеніи учебно-вспомогательныхъ учреждений въ университетѣ—ботаническаго сада, нумизматическаго кабинета, куда онъ самъ внесъ цѣнное пожертвованіе. Наконецъ, б. м., исключительно личному авторитету и такту Потоцкаго, университетъ обязанъ тѣмъ земельнымъ участкомъ, который былъ подаренъ ему харьковскими войсковыми обывателями и составляетъ въ настоящее время его основной земельный фондъ. Потоцкій рассчитывалъ на этомъ мѣстѣ строить новыя зданія для университета—и его выборъ нельзя не признать чрезвычайно удачнымъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что назначеніе на постъ попечителя такого сановнаго, родовитаго вельможи, съ независимыми средствами и убѣжденіями, какъ Потоцкій, имѣло огромное значеніе для вновь учреждаемаго университета—оно возвышало его въ глазахъ начальства и всего мѣстнаго общества. Потоцкій, какъ мы видѣли, относился съ полнымъ довѣріемъ къ В. Н. Каразину и только въ самое послѣднее время, видя злополучный исходъ дѣла о художникахъ, отступился отъ него, чтобы не дѣлать непріятности министру; тутъ оказалось у него больше служебнаго расчета, чѣмъ можно было ожидать по его обычному образу дѣйствій.

Н. Н. Новосильцевъ добросовѣстно выполнялъ свою добавочную должность попечителя харьковскаго округа, на сколько ему позволили это его сложныя петербургскія обязанности. Само собою разумѣется, что онъ не могъ лично побывать ни разу въ Харьковѣ и поэтому долженъ былъ пользоваться исключительно свѣдѣніями, сообщаемыми ему мѣстными дѣателями; отъ этого, естественно, происходила нѣкоторая медленность въ теченіи дѣлъ, тѣмъ болѣе что онъ смотрѣлъ на себя, какъ на временнаго замѣстителя Потоцкаго, и потому не могъ быть особенно рѣшителенъ въ своемъ образѣ дѣйствій. Къ В. Н. Каразину онъ первоначально относился очень хорошо, но въ концѣ концовъ обидѣлся на него за непослушаніе въ дѣлѣ художниковъ, пожаловался на него министру—въ результатѣ явилось устраненіе Василя Назарьевича отъ университетскихъ дѣлъ. Изъ другихъ петербургскихъ дѣателей, министръ вну-

треннихъ дѣлъ, гр. Кочубей, относился съ полнымъ сочувствіемъ къ устройству въ Харьковѣ университета, а министръ народнаго просвѣщенія гр. Завадовскій, въ силу недружелюбныхъ своихъ отношеній къ В. Н. Каразину, не высказывалъ особеннаго сочувствія къ этому дѣлу; впрочемъ это относится только къ тому времени, когда въ главѣ дѣла стоялъ В. Н. Каразинъ, слишкомъ рѣзко выступившій противъ него въ своихъ жалобахъ государю. Въ 1804 г., когда былъ образованъ Комитетъ, приготовленія къ открытію университета пошли успѣшнѣе: и это понятно: та дѣятельность, которая лежала прежде на одномъ Тимковскомъ, теперь была распредѣлена между нѣсколькими лицами—Рижскимъ, Тимковскимъ, Осиповскимъ, Делявинымъ, при чемъ руководящую роль въ Комитетѣ по части устройства университета принялъ на себя Рижскій, Тимковскій взялъ на себя ревизію училищъ и т. д. Рижскій былъ прекрасный администраторъ, заботливо вникавшій и въ хозяйственную, и въ учебную часть дѣла, и имя его съ благодарностью должно быть упомянуто историкомъ рядомъ съ именами Каразина, Потоцкаго, Тимковского. Заслуживаетъ признательности и дѣятельность Осиповскаго и Делявина, также входившихъ въ составъ Комитета и трудившихся на пользу университета еще до официальнаго открытія его.

Теперь мы подошли къ самому послѣднему моменту въ нашемъ повѣствованіи—разсказу объ открытіи Харьковскаго университета.

Наконецъ, наступилъ и давно желанный день открытія Харьковскаго университета 17-е января 1805 г. ¹⁾.

Семнадцатое января должно по справедливости считаться *историческимъ* для Харькова. Въ этотъ день, послѣ долгихъ хлопотъ, ожиданій, перипетій и приготовленій состоялось, наконецъ, открытіе университета. Мысль объ учрежденіи университета зародилась въ головѣ незабвеннаго Вас. Наз. Каразина еще въ началѣ 1802 г. Пылкій, увлекающійся Василій Назарьевичъ предполагалъ, что университетъ будетъ открытъ въ 1803 г. и тогда же, явившись въ Харьковъ, какъ

¹⁾ Настоящее описаніе открытія университета основано на слѣдующихъ первоисточникахъ:

1) неизданныхъ „Исторіи дѣлъ“ и „Церемоніалъ“ (Харьковскій университетскій архивъ, дѣло канц. попечителя по архиву № 68, по картону № 5);

2) на печатномъ официальномъ описаніи его открытія (С.-Петербургскія Вѣдомости 1805 г., № 13; мы пользовались ими въ библіотекѣ Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ);

3) на подлинныхъ рѣчахъ еп. Христофора Сулимы (за сообщеніе полнаго списка этого „слова“ приносимъ искреннюю благодарность протоіерею о. Ник. Лашенку), попечителя Потоцкаго, проф. Рижскаго и Белленъ-де-Баллю.

мы знаемъ, велѣлъ прибить къ одному изъ университетскихъ домовъ доску съ нѣскольکو преждевременной надписью: „Государственный университетъ“. Но прошелъ и 1803 и 1804 годъ; Караяинъ долженъ былъ отказаться отъ веденія университетскаго дѣла; дарованъ былъ и уставъ Харьковскому университету; опредѣлены для него штаты; назначены многіе профессора и попечитель округа; приготовлено помѣщеніе; собраны слушатели; — а *фактическое* открытіе университета все откладывалось и откладывалось; назначался одинъ срокъ — и смѣнялся другимъ: то губернаторъ (И. И. Бахтинъ) и дворянство должны были заняться рекрутскимъ наборомъ, то поджидали пріѣзда попечителя, то, наконецъ, никакъ не могли получить желанной грамоты и университетскаго устава. Первоначально рѣшено было открыть университетъ 30 августа или 15 сентября 1804 г., но на самомъ дѣлѣ открытіе совершилось только 17 января 1805 г., будучи пріурочено къ съѣзду харьковскихъ дворянъ на выборы.

Весь Харьковъ давно уже ждалъ этого своего свѣтлаго праздника. Это не было обыкновенное официальное открытіе новаго учебнаго заведенія. Это былъ настоящій „праздникъ просвѣщенія“ для города, для всей Украины и даже для „полуденнаго“ края Россіи. Въ учрежденіи Харьковскаго университета принимали матеріальное и нравственное участіе всѣ слои мѣстнаго общества — дворянство, купечество, мѣщане и войсковые обыватели; примѣръ ихъ подвинулъ и сосѣднія губерніи; примѣру обществъ послѣдовали и частныя лица. Мысль о необходимости учрежденія разсадника высшаго просвѣщенія въ краѣ ясно сознавалась всѣми. Всѣ были проникнуты ею и всѣ страстно желали ея скорѣйшаго осуществленія. Таково было *настроenie* свѣтскаго общества. Мѣстное *духовенство* съ своей стороны встрѣчало чрезвычайно дружелюбно новую высшую свѣтскую школу. Въ лицѣ двухъ наиболѣе видныхъ представителей своихъ — Харьковскаго епископа, Христофора Сулимы и ректора Харьковскаго коллегіума, протоіерея о. Андрея Прокоповича, — оно наглядно показало сочувствіе свое новому просвѣтительному учрежденію въ краѣ. И тотъ, и другой произнесли въ день открытія университета съ церковной кафедры рѣчи, которыя мы приведемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи; въ нихъ они привѣтствовали свѣтскую науку и просвѣщеніе, такъ что, по счастливому выраженію проф. А. С. Лебедева, „представители наукъ и любители просвѣщенія, бывшіе на этомъ торжествѣ, имѣли великое утѣшеніе видѣть, какъ духовенство привѣтствовало, благословляло и, можно сказать, даже чествовало водворявшуюся науку“. Нужно замѣтить, что преосвященный Христофоръ Сулима раньше никогда не говорилъ въ Харьковѣ пропо-

вѣдей и нарушилъ свое молчаніе только для даннаго случая—и это само по себѣ уже должно было произвести сильное впечатлѣніе на харьковцевъ; знаемъ также, что и еще одинъ мѣстный духовный дѣятель, пользовавшійся огромною популярностью въ Харьковѣ, священникъ о. В. Фотіевъ принималъ живѣйшее участіе въ первоначальномъ устройствѣ университета и былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ В. Н. Каразина. Такимъ образомъ, съ полнымъ основаніемъ можно сказать, что торжество открытія Харьковскаго университета должно было отличаться характеромъ полного единодушія и живой, искренней радости; тутъ не было мѣста ни открытому недоброжелательству, ни скрытой зависти, ни злословію; всѣ сошлись въ одной мысли и въ одномъ чувствѣ—высокомъ призваніи новаго учрежденія и уваженіи къ его открывающейся дѣятельности.

Университетскіе дѣятели, съ своей стороны, постарались сдѣлать все, чтобы празднество вышло возможно эффектиѣе, торжественнѣе.

На Комитетъ университета была возложена обязанность—составить церемоніаль открытія университета и сдѣлать всѣ необходимыя приготовления. Церемоніаль составлялъ проф. И. Θ. Тимковскій, воспользовавшійся для своей цѣли и первоначальнымъ проэктомъ, сочиненнымъ нѣкогда при участіи В. Н. Каразина. Въ основу всѣхъ почти торжествъ была положена мысль о *просвѣщеніи*, которое Имп. Александръ I старался распространить среди своихъ подданныхъ.

Адъюнкту архитектуры Васильеву поручено было составить проэктъ перспективнаго „храмы Славы“, внутри котораго представленъ былъ бы въ эмблематической прозрачной картинѣ Александръ I, какъ просвѣтитель Россіи; въ то же время на учителя живописи Матеса возложена была обязанность начертать идею этой эмблематической картины. Въ проэктѣ, составленномъ Васильевымъ, нарисованъ былъ храмъ съ портикомъ іоническаго стиля, во фризѣ котораго изображены разные эмблематическіе фигуры и инструменты, имѣющіе отношеніе къ наукамъ. Храмъ этотъ представлялся стоящимъ въ Аѳинскомъ лицейѣ, а между деревьями прохаживались славнѣйшіе греческіе философы. Въ проэктѣ же прозрачной картины, поданномъ Матесомъ, изображены были Александръ I въ марсовомъ одѣяніи, и Аполлонъ, которые подали другъ другу руку въ знакъ дружбы. Передъ ними курился олимпіамъ; надъ ними же летѣла слава съ трубою. Вышина храма превосходила 5 саж., а весь фасадъ Лицея доходилъ до 24 саж. Но все-таки прозрачная картина выходила слишкомъ колоссальною, ибо ростъ Государя и Аполлона простирались до $3\frac{1}{4}$ саж. Разрисовку храма Комитетъ поручилъ адъюнкту Васильеву, придавъ ему въ помощь университетскаго архи-

тектора Старикова, съ 4 искусными въ рисованіи учениками главнаго народнаго училища и нѣсколькими посторонними лицами; написать же прозрачную картину взялся за 150 руб. довольно искусный мѣстный живописецъ Копыловъ.

Самое торжество должно было продолжаться, согласно рѣшенію Комитета, три дня и въ это время публика, столь усердно отозвавшаяся раньше на пожертвованія, должна была получать какое либо угощеніе и слушать музыку.

Въ виду этого университетскому преподавателю музыки поручено было сочинить приличную случаю ораторію; для угощенія же имѣющихъ собраться посѣтителей рѣшено было устроить 17-го января закуску и обѣдъ, а на другой день былъ и ужинъ. Съ дворецкимъ статскаго совѣтника Шидловскаго былъ заключенъ контрактъ, по которому онъ обязался: въ день открытія университета, по окончаніи церемоніи устроить закуску человѣкъ на 300 и обѣденный столъ на 110 персонъ, на другой день, во время ораторіи и бала, угощать публику разными конфетами, а потомъ приготовить ужинъ на 60 человѣкъ. Предприниматель взялъ на себя все—столовую и десертную посуду, бѣлье, прислугу, напитки, и за это долженъ былъ получить 1,650 р. На все же торжество была ассигнована сумма до 4,000 р.

Таковы были *приготовленія* къ открытію университета. Самое открытіе состоялось сообразно съ этими приготовленіями и церемоніаломъ.

Когда Всемилостивѣйше пожалованная Государемъ Императоромъ грамота и Высочайше подтвержденный уставъ доставлены были университету, то вскорѣ за тѣмъ попечитель харьковскаго округа графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій, прибывъ изъ С.-Петербурга въ Харьковъ, назначилъ открытіе университета на 17 января. Кромѣ предварительнаго извѣщенія отъ университета, за день до торжества, двумя церемоніймейстерами, избранными изъ адъюнктовъ, оповѣщены были объ этомъ всѣ знатнѣйшія особы, живущія въ городѣ и приѣзжія, а чиновникъ отъ городской полиціи обнародовалъ объ этомъ объявленіе въ разныхъ частяхъ города.

17 числа по утру слободско-украинскій гражданскій губернаторъ Иванъ Ивановичъ Бахтинъ, губернскіе чиновники, дворянство губерніи, харьковскіе граждане собрались въ университетскій домъ, гдѣ находились уже чины университета, молодые люди, назначенные въ студенты, и директоръ съ учителями и учениками слободско-украинскаго главнаго училища и гдѣ въ залѣ передъ портретомъ Его Императорскаго Величества лежала Высочайшая грамота. По прочтеніи нѣкоторыхъ пунктовъ изъ предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, начато цере-

моніальнымъ порядкомъ шествіе въ соборную церковь при колокольномъ звонѣ. Два протоіерея встрѣтили процессію при входѣ въ ограду и почтили кажденіемъ Высочайшую грамоту, несомую при двухъ ассистентахъ однимъ изъ профессоровъ, изъ рукъ котораго на порогъ церкви принялъ ее преосвященный епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій Христофоръ Сулима и положилъ на приготовленный для того въ церкви столъ. Затѣмъ онъ совершилъ божественную литургію и сказалъ рѣчь о просвѣщеніи, которую мы здѣсь приводимъ цѣликомъ.

„Къ умноженію блаженства и славы благоденствующей страны сей, ревностными исполнителями Высочайшей воли великаго нашего Монарха, устроится въ градѣ семъ новый храмъ—храмъ Богомъ избранный и Монархомъ утвержденный, гдѣ благословенныя сѣмена ученія въ юныхъ сердцахъ обѣщаютъ личные плоды просвѣщенія, мудрости, добродѣтели.

Благословенно начинаніе! Счастливыя времена, увѣнчанныя славою золотыхъ вѣковъ! (Нѣтъ важнѣе и основательнѣе истины той, что науки, сей священный даръ небесъ, человѣку во всѣхъ состояніяхъ полезны и необходимо нужны. Опытъ временъ явственно доказываетъ, что счастье, тишина, изобиліе и повсемѣстная безопасность образуютъ величественную славу тамъ, гдѣ живой примѣръ добродѣтели, гдѣ свѣтъ мудрости, гдѣ сила просвѣщенія ощутительны сердцамъ народовъ.

Таковъ блаженный жребій предназначталъ для Россіи Петръ Великій; о семъ съ неутомимою дѣятельностью трудилась безсмертная Екатерина; но се уже премудрый Александръ возлагаетъ на главу вѣрно поданныхъ своихъ вѣнецъ просвѣщенія. Онъ благотворищею рукою повсемѣстно насаждаетъ сѣмена полезныхъ наукъ; во всякомъ мѣстѣ и во всякомъ родѣ состоянія, гдѣ только языкъ отрока разверзается, учреждаетъ онъ святилища ученія, дабы и первые разговоры юныхъ изображали долгъ ихъ любить Бога, дѣлать всѣмъ добро, дабы младыя сердца употребить въ пользу, дабы мягкость ихъ состава, живость памяти, легкость понятія благовременнѣе обратили къ тѣмъ священнѣйшимъ обязанностямъ, для коихъ они воспріали свою жизнь.

Способники великимъ намѣреніямъ понечительнѣйшаго Монарха, содѣйствуя толь святымъ, въ разсужденіи юношества, предпріятіямъ, обращаютъ все свое вниманіе, посвящаютъ все свое усердіе для счастья юныхъ сердецъ, истекающаго отъ превосходнѣйшихъ выгодъ просвѣщенія. Сей важный подвигъ сколько вмѣщаетъ въ себѣ благоразумія, благородства и человѣколюбія, столько заслуживаетъ благодарности прославленія памяти потомковъ.

Священное начинаніе дѣла сего, небесами благословляемаго, умножая общую радость и удовольствіе счастливыхъ обитателей града сего

и всей вѣреннѣйшей паствы, подаетъ мнѣ нынѣ пріятнѣйшее занятіе предложить о пользѣ просвѣщенія. Воспитывать дѣтей есть то, чтобы разумъ ихъ, сердце, природныя ихъ таланты, наклонности приводить въ такое совершенство, изъ котораго бы происходило ихъ самихъ и другихъ благополучіе и не сумнѣвая произростала надежда къ важнѣйшимъ предметамъ ихъ существованія. Главное правило при воспитаніи дѣтей состоитъ въ томъ, чтобы благовременнѣе въ юныя ихъ сердца вселять познаніе Бога, познаніе самихъ себя, свѣта, общества, закона, съ такимъ живымъ впечатлѣніемъ, дабы они съ первымъ понятіемъ возлюбили всѣ должности и обязанности человѣка; дабы первые порывы ихъ юности выражали благородство духа, дабы самыя ихъ страсти имѣли направленіе свое къ добродѣтели, дабы, по словамъ Священнаго писанія (Притч., гл. 4, ст. 7), начало ихъ премудрости было стяжати премудрости. А изъ сего слѣдуетъ, что, къ приобрѣтенію сихъ преимущественныхъ качествъ, воспитаніе дѣтей должно основано быть на истинномъ просвѣщеніи, которое есть торжество полезныхъ и нужныхъ въ свѣтъ наукъ и знаній.

Всякое одушевленное существо внимлетъ гласу природы; человѣкъ слѣдуетъ свѣту души. Какое же должно быть его на земли упражненіе? Всеконечно снисканіе просвѣщенія, мудрости съ самаго младенчества. Разумъ и воля суть верховныя преимущества человѣка. Богъ тѣмъ отличилъ его отъ прочихъ тварей, что одарилъ его разумною душою, а сію познаніемъ, хотѣніемъ. Сія дѣйствія имѣютъ способность избирать, сравнивать, предпочитать. И сей то естественный въ разумъ намъ перстомъ Божиимъ начертанный путь по истинѣ есть просвѣщеніе. Оно умножаетъ и возвышаетъ способности наши относиться къ важнымъ предметамъ нашихъ въ сей жизни великихъ обязанностей. (Притч., гл. 3, ст. 13 и 15) Подлинно блаженъ человѣкъ, иже обрѣте премудрость, и смертный, иже увѣдѣ разумъ. Все бо честное въ мірѣ семъ недостойно ея есть. Такъ похваляетъ оную самое Божественное писаніе. Что приличнѣе и нужнѣе человѣку, какъ познать себя, начало, конецъ, достоинство, съ которымъ онъ сотворенъ? Просвѣщеніе ведетъ къ истинному познанію Бога и Его творенія—видимой природы, и научаетъ его разумно служить и угождать Ему, какъ верховному началу. Просвѣщеніе, руководствуя его симъ истиннымъ понятіемъ, явственно предлагаетъ ему прямую цѣль бытія его и такъ располагаетъ его сердце, что онъ свободно находитъ средства, ведущія его къ истинному благополучію. А по сему онъ соотвѣтственно такому познанію производитъ дѣла достойныя человѣка; не восхищается тѣмъ, что обогащаетъ его тѣло, но тѣмъ плѣняется, что украшаетъ душу; полагаетъ удовольствіе

свое въ томъ, что одобриетъ здравый разумъ, что свойственно его возвышенной природѣ, въ счастья не превозносятся, въ несчастій благодушествуетъ, въ умѣренномъ состояніи доволенъ безъ зависти.

Что превосходнѣе и достойнѣе человѣка, какъ снискать познаніе о существѣ Божіемъ? Просвѣщеніе обогащаетъ разумъ смертнаго снмъ священнѣйшимъ понятіемъ, представляетъ ему въ высочайшихъ совершенствахъ сіе верховное существо, и человѣкъ, разумно видя своего Творца, коль съ живою вѣрою, koliko съ благоговѣйнымъ служеніемъ, коль съ глубочайшимъ закону покореніемъ предъ величествомъ Его преклоняетъ колѣна, припадаетъ, благоговѣетъ, когда напротивъ того невѣжда и въ разсужденіяхъ о Божіихъ совершенствахъ заблуждаетъ и въ благочестіи суетѣрствуетъ и въ моленіяхъ слѣпотствуетъ.

Что любезнѣе и славнѣе, какъ быть полезнымъ членомъ общества? Просвѣщеніе, вѣдряя въ разумѣ человѣческомъ истинное понятіе о знаніи, обяыиваетъ сердце его избраніе свое хранить и исполнять свято, справедливо, изъ единой сострадательности къ человѣчеству, изъ единой любви къ добродѣтели. (Притч., гл. 3, ст. 16) И поелику отъ устъ премудрость исходитъ, правда, законъ же и милость она на языкѣ носить, для этого просвѣщенный судія, имѣя въ душѣ своей зеркало Божественнаго суда, правды и милости, бодрствуетъ непрестанно, дабы оправдать невинность, защитить добродѣтель, осудить порокъ, спасти убогаго отъ несправедливой руки сильнаго. Когда напротивъ невѣжда и званіе, и святость оного опорочиваетъ, употребляя во зло свое назначеніе, влекомъ наглостію страстей, производитъ дѣла совѣсти и благо-разсужденію противныя. (Притч., гл. 6, ст. 1) „Мужъ бо безуменъ и законопреступный ходитъ въ пути не благи, и развращенное сердце его куетъ зло. Сего ради таковой во всякое время и мятежи составляетъ граду и себѣ сокровиществуетъ въ погибель“, говоритъ премудрый Соломонъ.

Просвѣщеніе впечатлѣваетъ въ воинѣ благоразумное мужество вооружать храбрыя мышцы свои къ защищенію предѣловъ своего отечества и къ наказанію подлой непріятельской гордости и дерзкаго стремленія. Оно наполняетъ сердце его патріотическою ревностью жертвовать самою жизнью своею спокойствію и безопасности государства. Просвѣщеніе, составляя сословіе честныхъ гражданъ, вселяетъ въ нихъ охоту ко всѣмъ полезнымъ трудамъ. А по сему купецъ, будучи водимъ свѣтомъ просвѣщенія, счастливо производитъ свою коммерцію и сличаетъ благоразумно пользы и надобности различныя разныхъ государствъ, выводя изъ сего благопристойные способы умножить посредствомъ промысла своего и общее изобиліе, и собственные прибитки.

Просвѣщенный человѣкъ ясно видитъ, что общій рода человѣческаго союзъ и причина бытія ихъ связуютъ всѣхъ взаимнымъ вспоможеніемъ и тою законно-истинною любовью, которая укрѣпляетъ цѣлость государства и собственныя каждаго преимущества; а по сему онъ совѣстію печатлѣетъ повиновеніе свое и вѣрность государю, почтеніе къ законамъ, сыновное послушаніе власти. Слѣдовательно, отъ просвѣщенія въ обществѣ проистекаетъ миръ, тишина, спокойствіе, изобиліе и всякое благополучіе. Такое воспитаніе дѣтей есть верховнѣйшая ихъ польза во всѣхъ отношеніяхъ жизни, а для самихъ родителей важнѣйшая цѣль естественной ихъ къ дѣтямъ любви и отеческой обязанности; кто жъ убо изъ родителей не предусматриваетъ уже теперь тѣхъ величественныхъ видовъ душевнаго своего чувствованія, что благословенныя отрасли его, образовавъ умы свои и сердца истиннымъ просвѣщеніемъ, принесутъ памяти ихъ образомъ добродѣтельной своей жизни достойную жертву, безсмертную честь и славу, которая возблещетъ устами признательныхъ потомковъ?

Разсужденія сіи о просвѣщеніи единственно клонятся къ тому, дабы вы, благословенное собраніе, радостнымъ сердцемъ и устами принеся въ жертву благодарности Богу моленія о многолѣтнемъ и благоденственномъ царствованіи Его Императорскаго Величества, достолично ублажили жребій наукъ Всеавгустѣйшаго Монарха нашего попеченіями въ отечествѣ нашемъ распространяемыхъ и лучами мудрости Его возвеличенныхъ. Симъ Высочайшимъ Его благоволеніемъ украшаемый и ты, граде благословенный, прійди нынѣ въ чувствіе живѣйшее, созерцай свѣтъ просвѣщенія, озаряющій нѣдро твоего сердца, ощути сладчайшее удовольствіе мудрости, приближающей къ тебѣ и готовой уже излить среди тебя токи златого ученія, благословляй съ радостью твою счастливую надежду, что изъ сего священнаго источника изыдетъ желаннѣйшее благо, родъ человѣческой украшающее.

Боже великій, источниче премудрости и разума! ниспосли благоспѣшествующую благодать Твою на дѣло ученія, за Твоимъ всесвятымъ благословеніемъ въ градѣ семъ начинаемое; даждь, молимъ Ти, чтобы юные питомцы оваго при свѣтильникѣ истиннаго просвѣщенія, познавали праведные пути благочестія и добродѣтели къ прославленію великаго имени Твоего“.

По окончаніи литургіи прочтена Высочайшая грамота и послѣдовало благодарственное молебствіе съ многолѣтіемъ, причемъ процессія при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ отправилась въ университетскій домъ прежнимъ порядкомъ, за исключеніемъ того, что Высочайшая грамота въ крестномъ ходѣ несена была среди духовенства, за кото-

рымъ слѣдовали г. попечитель, губернаторъ, губернскіе чины, дворянство и проч.

Въ залѣ, назначенномъ для публичныхъ собраний, Высочайшая грамота преосвященнымъ была принята и положена предъ портретомъ Его Императорскаго Величества, на столѣ, на которомъ лежалъ уже уставъ. При водоосвященіи сказана протоіереемъ соборной церкви, ректоромъ Харьковскаго коллегіума Андреемъ Прокоповичемъ рѣчь, которая начиналась такъ:

„Почтенное собраніе! Насталъ свѣтлый день желаннаго благополучія счастливой Украйны. Возженные премудрыми монархами зари просвѣщенія во градѣ семъ возблистають отнынѣ во всемъ своемъ величіи. Благотворительнѣйшій Монархъ августѣйшій Александръ рекъ и сему городу владычества своего: да будетъ свѣтъ! и бысть. Симъ всесильнымъ глаголомъ его изведены уже достойные дѣятели на жатву свою: приносятся плодovitыя маслины изъ разсадниковъ училищъ въ сей новоучрежденный вертоградъ просвѣщенія; да умноживъ они здѣсь свои познанія, довольны будутъ и иныхъ научати, да принесутъ отечеству въ свое время плоды на 30, на 60 и на 100. Сіе учрежденіе, на началахъ премудрости для блага общаго устрояемое, не можетъ не поражать васъ, почтенное собраніе! Отселѣ во свитилищѣ семъ проліется свѣтъ полезныхъ наукъ и знаній, могущихъ умудрити всякаго въ незнаніи и исполненіи своихъ обязанностей, относящихся къ Богу, государю, отечеству, ближнимъ и самимъ себѣ. Двери храма сего будутъ всегда отверзты и юноши притекутъ сюда невозбранно и просвѣтять разумъ свой и исправятъ сердце. А при сихъ качествахъ, что будетъ таковой юноша? Онъ будетъ благодѣтельный начальникъ, безпристрастный судья, благоразумный воинъ, добросовѣстный купецъ, трудолюбивый ремесленникъ и земледѣлецъ; словомъ, онъ будетъ вѣрный престолу подданный, честный гражданинъ, мудрый домостроитель и полезный отечества сынъ.

Блаженна страва сія! Блаженъ градъ сей!“

Затѣмъ освящены были университетскіе дома и пропѣтъ былъ концертъ.

По окончаніи этой духовной церемоніи попечитель говорилъ рѣчь на латинскомъ языкѣ „О новомъ устройствѣ въ Россіи училищъ и ихъ пользѣ“; одинъ изъ профессоровъ прочиталъ наиболѣе интересныя для публики выдержки изъ университетскаго устава, а два профессора произнесли рѣчи—одинъ—ректоръ Рижскій—на русскомъ языкѣ „Объ изящныхъ наукахъ“, а другой—проф. Балленъ де-Баллю—на французскомъ языкѣ „О необходимости наукъ для всѣхъ государственныхъ званій, а въ особенности военнаго“.

Попечитель, графъ Потоцкій, проводилъ взглядъ, господствовавшій тогда въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, что народное просвѣщеніе является, быть можетъ, самою важною изъ государственныхъ заботъ, ибо оно одно съ теченіемъ времени можетъ образовать людей, истинно способныхъ управлять и руководствовать всѣми прочими государственными частями. По всѣмъ областямъ будутъ устроены училища четырехъ родовъ — приходскія, уѣздныя, гимназіи и, наконецъ, университеты по образцу англійскихъ и германскихъ, куда владѣтельныя князья и благородные лорды не считаютъ за стыдъ посылать своихъ дѣтей. При такихъ условіяхъ скоро на пространствѣ отъ Литвы до Сибири и отъ Архангельска до Кавказа не останется ни одного гражданина, который бы не могъ получить соотвѣтствующаго его дарованіямъ и званію образованія. Обращаясь къ своимъ слушателямъ — харьковскимъ дворянамъ, ораторъ говоритъ: „о, какое отрадное зрѣлище для наблюдателя перемѣны, происходящихъ въ этомъ мірѣ, видѣть, наконецъ, водвореніе наукъ въ той области, которая доселѣ была только театромъ опустошеній и сраженій. Ваши храбрые предки отняли эту землю отъ татаръ; но теперь одной храбрости недостаточно, даже для военной тактики необходимы науки. Вы заявили уже ревность къ просвѣщенію своимъ пожертвованіемъ — и вотъ въ награду дѣти ваши будутъ воспитываться среди васъ: гордость вашъ, можетъ статься, сдѣлается знаменитѣйшимъ въ государствѣ, а со временемъ, б. м., и въ цѣлой Европѣ“. Потоцкій глубоко вѣрилъ въ необходимость и плодотворность прогресса. Въ настоящее время, при быстрыхъ успѣхахъ человѣческаго ума во всѣхъ родахъ знаній, каждый народъ долженъ напрягать всѣ свои силы, чтобы по крайней мѣрѣ не отстать отъ другихъ, если уже не можетъ быть впереди: остановиться, значить то же, что подаваться назадъ и приближаться къ прежнему ничтожеству. Останавливаться возможно только въ дѣлѣ завоеваній, но въ наукахъ, искусствахъ, техническихъ знаніяхъ и вообще культурѣ — никогда. Закончилъ свою рѣчь попечитель указаніемъ на обширность просвѣтительной задачи, предстоящей Харьковскому университету, округъ котораго превышаетъ по территоріи и населенію нѣкоторыя государства Европы. „Чѣмъ важнѣе наша обязанность, говорилъ попечитель, чѣмъ болѣе мы должны стараться о выполненіи ея. Остается только пожелать, чтобы усердіе наше удостоилось довѣрія общества, чтобы наши заботы объ университетскихъ питомцахъ удовлетворили ихъ родителей и чтобы наша неутомимая дѣятельность на общую пользу оправдала къ намъ довѣріе монарха и снискала признательность потомства“.

Тогда же ректоръ Рязскій выступилъ съ рѣчью „Объ изящныхъ наукахъ“. Рѣчь эта не богата содержаніемъ; — это послѣднее даже нѣ-

сколько трудно уловить за громкими фразами краснорѣчиваго ратора. Она должна была дать образчикъ академическаго слова, составленнаго по всѣмъ правиламъ тогдашней риторики; ибо въ этой именно области Рижскій стяжалъ себѣ огромную славу. И эта цѣль, очевидно, была достигнута: слушатели все время рѣчи должны были находиться подъ обаяніемъ краснорѣчія Рижскаго и уйти съ мыслию, что Рижскій хорошій ораторъ. Интересно отмѣтить здѣсь одну черту—это мысль о благотворномъ вліяніи наукъ и искусствъ на нравственность. „Утонченіе чувствительности, говорить Рижскій, пристрастіе къ добру, кротость нравовъ, любовь къ правотѣ и благотворительности—вотъ благодѣтельные послѣдствія упражненія въ изящныхъ наукахъ. Но если кто при всемъ ихъ содѣйствіи остается съ хладною душою и развратнымъ сердцемъ, тотъ, конечно, въ нихъ еще не успѣлъ“.

И Рижскій, подобно Потоцкому, подчеркиваетъ въ своей рѣчи то обстоятельство, что Слободская Украина, гдѣ нынѣ возникъ мирный храмъ высшихъ наукъ, прежде была ареною губительныхъ войнъ. „Какимъ радостнымъ удивленіемъ былъ бы пораженъ царь Алексѣй Михайловичъ, при которомъ этотъ край былъ присоединенъ къ Русскому государству, если бы могъ видѣть теперь водвореніе въ немъ наукъ! Какимъ восхищеніемъ исполнилось бы сердце Петрово, если бы онъ увидѣлъ, до какого совершенства доведены его начинанія. Но зачѣмъ углубиться въ прошедшіе вѣка, заключаетъ Рижскій, когда между нашими слушателями найдутся такіе, которые или сами видѣли, или по крайней мѣрѣ отъ своихъ ближайшихъ предковъ слышали, какимъ опустошеніемъ подвергался этотъ край“.

Имѣя въ виду это обстоятельство, зная, что большинство слушателей были потомками военныхъ защитниковъ края, проф. Балленъ де-Баллю избралъ темою своей рѣчи вопросъ о важности наукъ и для военнаго искусства. Постоянное мнѣніе, говорилъ онъ, не только философовъ, но и великихъ полководцевъ всѣхъ вѣковъ было таково, что и для военныхъ дѣйствій нужна наука. О русская нація, восклицаетъ ораторъ, ты и нынѣ уже славная между самыми славными народами! Теперь тебѣ предстоитъ расширить свою славу, но не посредствомъ сраженій,—это было бы слишкомъ легко,—а посредствомъ развитія наукъ. Ораторъ обращается къ исторіи и видитъ въ ней доказательства того, что единственный вѣрный путь къ славѣ—это забота о наукахъ и искусствахъ. Не побѣдами при Марафонѣ и Саламинѣ, Платеѣ и Микале, стяжало себѣ неувядаемую славу Аѳинское государство, а тѣмъ, что создало науки и искусства, зажгло свѣточъ философіи и перенесло ихъ къ другимъ народамъ. Между тѣмъ мало ли могущественныхъ государствъ

пало, не оставивъ слѣдовъ своего былого величія? Императоръ Александръ также предпочитаетъ славу завоевателя славу законодателя и, такъ сказать, наставника своихъ народовъ. Вы, харьковцы, можете возблагодарить его за это только однимъ средствомъ: если благосклонно отнесетесь къ наукамъ, которыя теперь къ вамъ впервые являються.

Послѣ этого провозглашены были фамиліи лицъ, принятыхъ въ студенты, розданы имъ шпаги и начались взаимныя поздравленія присутствующихъ съ открытіемъ университета.

Загѣмъ преосвященный съ почетнѣйшимъ духовенствомъ, губернаторъ съ губернскими чинами, предводители и депутаты дворянства, городской голова съ почетнѣйшими представителями купечества и постороннія пріѣзжія особы были приглашены на университетскій обѣдъ. Вечеромъ 17, а равно и въ слѣдующіе два дня, иллюминированы были университетскіе дома и передъ главнымъ изъ нихъ поставлено изображеніе храма съ прозрачною картинною, которая изображала Императора Александра I-го, заключающаго надъ жертвенникомъ союзъ дружбы съ Аполлономъ.

18 числа вечеромъ въ университетскомъ домѣ играна была извѣстная уже намъ ораторія, причемъ музыкантовъ и пѣвчихъ было до 100 чел.

И. О. Тимковскій составилъ для хора слѣдующіе стихи:

Речитативъ—Вотще коварство предприимлетъ
Противъ ученія дать совѣтъ;
Народный смыслъ нигдѣ не дремлетъ,
Онъ упадаетъ или растетъ;
Ростетъ—тогда его стремленью,
Какъ быстрыя рѣки теченью,
Препоны нѣтъ. Но самъ собой
Онъ въ дебри пойдетъ, заблудится;
Дай наставленье—просвѣтитя
И будетъ въ радость и покой.

Арія—Уже видишь справедливость,
Уже невѣжества кичливость,
Какъ въ утро ясное луна,
Влѣднѣетъ, тускнѣетъ, не видна.
Сѣдай на сѣверѣ во славу,
Изъ глубины души речетъ:
„Да царствуетъ въ моей державѣ
Познаній благотворный свѣтъ“!

Хоръ—Сѣдай на сѣверѣ во славу
Вышняго волю творяй,
Призри на храмъ сей, его же созда
Нынѣ десница твоя!
Въ немъ научатся творить

Волю твою,
 Въ немъ раздадутся слова,
 Чѣмъ процвѣтаетъ народъ,
 Благословенъ плодъ твоихъ дѣлъ;
 Возвеселися о немъ,
 Добрый монархъ,
 О Александръ,
 Избранный царь!
 Сѣдай на сѣверѣ во славу,
 Ты просвѣщеніе даешь!
 Да облекутся весельемъ
 Грады, поля
 И на холмахъ фиміамъ
 Да воскурится!
 Въ хорахъ похвальную пѣснь
 Юноши, дѣвы тебѣ воспоютъ,
 Море восплещетъ,
 Славъ твоей.
 Старцы повѣдаютъ внукамъ твоимъ,
 Сколь ты великъ въ бытіяхъ,
 Благословенъ да пребудетъ твой вѣкъ,
 Добрый монархъ,
 Благословенъ.
 Возвѣстите славный подвигъ,
 Подвигъ здѣшней стороны;
 Какъ въ немъ жертвуютъ наукамъ,
 Какъ усердствуютъ для нихъ ¹⁾.

Затѣмъ были балъ и ужинъ. Собраніе публики обоого пола было очень многочисленное и ея удовольствіе усугубляло торжество, во все время котораго и постороннія знатныя лица задавали пиры и угощенія; это ясно свидѣтельствовало о радости жителей по случаю открытія университета. О впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ присутствовавшими на торжествахъ лицами, можно судить по слѣдующему заявленію современника. „Когда отецъ возвратился изъ Харькова, говорить въ своихъ воспоминаніяхъ Розальонъ-Сошальскій, съ торжества при открытіи университета, то рассказывалъ объ этомъ съ такимъ энтузіазмомъ, говоря о произнесенныхъ рѣчахъ, о блестящихъ надеждахъ для общества отъ просвѣщенія (вообще же онъ былъ задумчивъ и молчаливъ), что я, слушая его, ощущалъ, будто бы меня окружало какое то обаяніе“ ²⁾.

Университетскія торжества были омрачены только однимъ печальнымъ фактомъ — отсутствіемъ на нихъ В. Н. Каразина. Но присутствующіе вспоминали тутъ съ чувствами глубокой призвательности о виновникѣ

¹⁾ Кіев. Старина, 1891, октябрь, стр. 392—393.

²⁾ Харьк. Губ. Вѣд., 1869, № 43.

открытія университета. „17 января (1865 г.), писалъ Василію Назарьевичу о. Василій Фотіевъ подъ живымъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ сбывшейся наконецъ ихъ общей мечты, исполнилось наше желаніе и ревностное попеченіе о благѣ общемъ. Великое собраніе дворянъ и гражданства изъ другихъ губерній было поражено удовольствіемъ и радостію; самые зоплы въ восторгѣ духа искали васъ, спрашивали и признавались, что счастіемъ симъ, сверхъ всякаго чаянія, Украина вамъ единственно обязана. Тѣ-жъ, кои вамъ преданы, коимъ сердечныя чувства и намѣренія ваши извѣстнѣе прочихъ, съ восхищеніемъ благословляли ваше имя. И такъ, если упрямая судьба воспрепятствовала насладиться торжественнымъ открытіемъ предпріятій вашихъ, яко первому виновнику, то конечно незазорная совѣсть утѣшитъ васъ не токмо въ послѣдующее время, но и нынѣ исполненіемъ такого намѣренія, которое сдѣлаетъ славу и честь дальнѣйшему потомству“¹⁾.

Тогда же начались выборы должностныхъ лицъ въ общихъ собраніяхъ профессоровъ — и университетъ приступилъ къ своей просвѣтительной дѣятельности.

¹⁾ Сбв. Пчела, 1860, № 92.

НАДГРОБНЫЙ ПАМЯТНИКЪ

В. Н. КАРАЗИНУ ВЪ Г. НИКОЛАЕВЪ.

III-я ГЛАВА.

Университетское самоуправление.

Императоръ Александръ I въ началѣ своего царствованія относился къ дѣлу народнаго просвѣщенія съ огромною симпатіей, заботливостью и рвеніемъ, доходившимъ до экстаза и восторженности; онъ считалъ его важнѣйшимъ дѣломъ своего царствованія и основою благополучія своихъ подданныхъ. Всѣмъ извѣстенъ общій характеръ этой эпохи, которую по справедливости можно назвать золотымъ вѣкомъ русскаго образованія. Александръ рѣшилъ вести Россію по тому прогрессивному пути, на какой поставили ее Великій Петръ и Екатерина. Онъ понималъ, что останавливаться или—что еще хуже—поворачивать назадъ въ дѣлѣ мирнаго культурнаго развитія отнюдь не слѣдовало, ибо Россія начала XIX в. уже признала всю важность и пользу просвѣщенія, а между тѣмъ далеко отстала въ этомъ отношеніи отъ Западной Европы. Войдя въ семью Западноевропейскихъ государствъ, завоевавъ себѣ такое положеніе великой, а подъ часъ и первенствующей державы, она по необходимости должна была позаботиться о томъ, чтобы ея культурное развитіе пришло въ должное соотвѣтствіе съ политическимъ могуществомъ. Взойдя на престолъ, Императоръ Александръ немедленно отмѣнилъ тѣ тяжкія стѣсненія, которыя установлены были его отцомъ Павломъ Петровичемъ и которыя привели общественную жизнь на Руси въ состояніе, близкое къ полному уничтоженію ея. Извѣстно, какія сцены глубокой радости разыгрывались при вступленіи на престолъ новаго Государя. Все общество ожило; прежній страхъ и апатія смѣнились ликовавіемъ и радостными надеждами.

Въ это время выступилъ и нашъ В. Н. Каразинъ со своими проэктами, имѣвшими своею цѣлью двинуть Россію гигантскими шагами впередъ по пути народнаго образованія. Съ обычнымъ своимъ увлеченіемъ онъ доказывалъ, что всѣ остальные министерства „служатъ другъ другу только какъ части одного общаго управленія; работаютъ только для настоящаго. Министерство же просвѣщенія должно бы вліять на

дѣятельность всѣхъ другихъ, имѣя само въ предметѣ удивленіе и признательность вѣковъ грядущихъ "... ибо *если что либо можетъ сдѣлать Россію истинно независимую отъ всякаго внѣшняго давленія—какъ бы громадно оно ни было—то это только просвѣщеніе*"¹⁾.

Если первое положеніе В. Н. Каразина, что одно министерство народнаго просвѣщенія работаетъ для будущаго, и страдаетъ преувеличеніемъ, то послѣднее, подчеркнутое нами замѣчаніе его должно быть принято безъ всякихъ оговорокъ въ качествѣ общаго принципа, который не потерялъ своей силы и въ наши дни, не потеряетъ ее и въ будущемъ. В. Н. Каразинъ проводилъ мысль о необходимости учрежденія у насъ особаго, спеціальнаго министерства народнаго просвѣщенія—и оно дѣйствительно было учреждено въ 1802 г. Отселе, такимъ образомъ, явился особый органъ управленія, на обязанности котораго лежала забота о народномъ образованіи—о распространеніи въ обществѣ наукъ и художествъ. Первымъ министромъ былъ назначенъ Гр. Заводовскій. Составленъ былъ планъ систематическаго насажденія образованія въ Россіи, а исполненіе его поручено *Главному правленію училищъ*. Вся Россія должна была покрыться сѣтью учебныхъ заведеній четырехъ типовъ—приходскими училищами (при церковныхъ приходахъ), уѣздными (по всѣмъ уѣзднымъ городамъ), гимназіями (во всѣхъ губернскихъ городахъ), университетами (въ болѣе важныхъ городахъ, предназначенныхъ быть центрами учебныхъ округовъ). И всѣ эти предначертанія не остались въ области однихъ добрыхъ намѣреній, а въ значительной степени были осуществлены. Въ царствованіе Императора Александра I было открыто 4 университета, 4 лицея, 58 гимназій, 100 уѣздныхъ и множество приходскихъ или народныхъ училищъ, не считая спеціальныхъ учебныхъ заведеній—военныхъ и духовныхъ; эти послѣднія получили теперь также опредѣленную организацію и правильное обезпеченіе въ видѣ свѣчнаго сбора. Правительство не останавливалось ни передъ какими жертвами для устройства новыхъ училищъ, щедро отпускало большія суммы на учебно-вспомогательныя учрежденія университетовъ и т. п. Но само оно не могло сдѣлать всего; матеріальныя средства его были слишкомъ ограничены. И вотъ оно обращается за матеріальнымъ и нравственнымъ содѣйствіемъ къ обществу. „Мы увѣрены, пишетъ Государь, что всѣ наши вѣрноподанные примутъ дѣятельное участіе въ сихъ заведеніяхъ, для пользы общей и каждаго учреждаемыхъ, и тѣмъ самымъ будутъ содѣйствовать нашимъ попеченіямъ о семъ предметѣ, толико важномъ и толико сердцу нашему любезномъ“.

¹⁾ Рус. Стар. 1875, апрѣль, 751 стр.

„Всѣ благонамѣренные граждане, при устроении училищъ, вспоможенію правительству патріотическими приношеніями и пожертвованіями частныхъ выгодъ общей пользѣ, пріобрѣтутъ особенное и преимущественное право на уваженіе своихъ соотечей и на торжественную признательность учреждаемыхъ заведеній, имѣющихъ возвысить въ нынѣшнее и утвердить на предъидущее время благосостояніе и славу ихъ отечества“. Этотъ призывъ къ обществу, какъ и слѣдовало ожидать, имѣлъ огромное значеніе для успѣха дѣла. Достаточно вспомнить тѣ крупныя пожертвованія, которыя были слѣланы Демидовымъ и Безбородко и которыя положили начало Демидовскому Ярославскому и Безбородкинскому Нѣживскому лицеямъ; первый пожертвовалъ 300000 р. и 3578 д. крестьянъ, 2-й мѣсто съ садомъ и 3000 д. крестьянъ. Неудивительно, что, при такомъ настроеніи правительства, явились и лица, вполне пригодныя для выполненія просвѣтительныхъ предначертаній Государя. Таковыми были первые министры народнаго просвѣщенія—Завадовскій и его преемникъ Разумовскій, затѣмъ Муравьевъ, бывшій сначала преподавателемъ Императора Александра, а впоследствии назначенный попечителемъ Московскаго учебнаго округа. Членами главнаго правленія училищъ состояли друзья юности Государя—Новосильцевъ, Чарторижскій, а сверхъ того Румовскій и Северинъ Осиповичъ Потоцкій—впоследствии попечитель Харьковскаго учебнаго округа, и ученые специалисты академики Озерецковскій и Фусъ; первые два играли и потомъ видную роль въ учебномъ вѣдомствѣ, получивъ назначеніе на постъ попечителей новыхъ учебныхъ округовъ (Петербургскаго и Виленскаго). Не смотря на кое какія уклоненія, въ общемъ, и министръ, и члены главнаго правленія училищъ, можно сказать, вѣрно и широко поставили задачу, начертанную имъ Державнымъ покровителемъ русскаго просвѣщенія. Въ особенности это нужно сказать относительно университетовъ. „Главное правленіе училищъ, замѣчаетъ акад. М. И. Сухомлиновъ, полагая свою первую задачу въ учрежденіи университетовъ, руководствовалось тою мыслію, что университеты должны служить разсадниками просвѣщенія, вызывать къ жизни всю массу училищъ и повести ихъ по вѣрному пути къ распространенію знаній въ обществѣ, въ чемъ и заключалось призваніе министерства. Внутренняя сила университетовъ, ихъ устройство и направленіе неминусо должны были отразиться на всей системѣ созидаемыхъ и руководимыхъ ими училищъ, а потому главное правленіе училищъ съ особенною и многостороннею заботливостію вырабатывало уставы университетовъ“¹⁾. Управление учеб-

¹⁾ М. И. Сухомлинова. Иссл. и статьи, т. I стр. 34.

ными заведеніями получило тогда стройную систему. Во главѣ дѣла стояло главное правленіе училищъ. Изъ состава членовъ его были избраны и попечители учебныхъ округовъ (Московского—Муравьевъ, Петербургскаго—Новосильцевъ, Харьковскаго—Потоцкій, Дерптскаго—Клингеръ, Виленскаго—Чарторижскій, Казанскаго—Мавтейфель). Харьковскій учебный округъ обнималъ огромное пространство. Въ составъ его входили Слободско-украинская (нынѣ Харьковская), Орловская, Воронежская, Курская, Черниговская, Полтавская, Николаевская (потомъ обращенная въ Херсонскую), Таврическая, Екатеринославская губерніи и земли Донскихъ и Черноморскихъ казаковъ ¹⁾; такимъ образомъ, къ нему отнесены были тогда и тѣ губерніи, которыя теперь составляютъ часть Одесскаго и Кіевскаго учебныхъ округовъ. 5-го ноября 1804 г. были опубликованы уставы Московскаго университета (существовавшего уже и раньше) и вновь учрежденныхъ Харьковскаго и Казанскаго. Они почти буквально сходны другъ съ другомъ ²⁾.

Спрашивается теперь, какія просвѣтительныя задачи поставлены были Харьковскому университету его вѣнценоснымъ учредителемъ? Говоря иными словами, въ чемъ состояла сущность университетскаго устава 1804 года?

Задача университета въ его уставѣ опредѣлена такъ: „университетъ есть высшее ученое сословіе, для преподаванія наукъ учрежденное. Въ немъ приуготовляется юношество для вступленія въ различныя званія государственной службы“. Здѣсь, такимъ образомъ, какъ мы видимъ, объединены двѣ различныя цѣли—ученая и учебно-практическая. И первая, подобно второй, служила предметомъ заботъ законодателя. „Къ особливому достоинству университета, говорится въ одной статьѣ устава, отнесется составленіе въ нѣдрахъ онаго ученыхъ обществъ, какъ упражняющихся въ словесности руссійской и древней, такъ и занимающихся распространеніемъ наукъ опытныхъ и точныхъ, основанныхъ на достовѣрныхъ началахъ. Университетъ можетъ споспѣшествовать имъ печатаніемъ трудовъ ихъ и періодическихъ сочиненій на иждивеніе хозяйственной суммы“. Профессора обязаны были читать лекціи, руководить адъюнктами, производить экзамены на разныя ученые степени; „преподавая наставленія“, они должны были „пополнять курсы свои новыми открытіями, учиненными въ другихъ странахъ Европы“. Въ виду той же цѣли университетъ избиралъ въ свои почетные члены четырехъ самыхъ дѣятельныхъ иностранныхъ ученыхъ, которые

¹⁾ Сборникъ постановленій по мин. нар. просв., стр. 22.

²⁾ Ibidem, стр. 264—301.

должны были доставлять ему свѣдѣнія о новыхъ научныхъ открытіяхъ и исполнять порученія по части выписки различныхъ предметовъ; за это они получали отъ университета вознагражденіе въ размѣрѣ 200 р. въ годъ. Ежемѣсячно должны были назначаться особы засѣданія совѣта, въ которыхъ „профессора и почетные члены подъ предсѣдательствомъ ректора разсуждаютъ о сочиненіяхъ, новыхъ открытіяхъ, опытахъ, наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ, ректоромъ или кѣмъ изъ членовъ предлагаемыхъ“. Для поощренія научныхъ изслѣдованій совѣтъ ежегодно обязанъ былъ предлагать темы на конкурсъ съ опредѣленнымъ вознагражденіемъ за удовлетворительное ея рѣшеніе. Университетскій актъ также былъ отчасти средствомъ для распространенія научныхъ свѣдѣній въ обществѣ: тутъ читались профессорами рѣчи, предлагались тѣ темы, о которыхъ мы только что говорили, читались отзывы о конкурсныхъ сочиненіяхъ. Наконецъ, университетъ долженъ былъ заботиться о составленіи своей исторіи: эта задача возлагалась на секретаря совѣта (избиравшагося тогда изъ среды профессоровъ). Такъ широко поставлена была чисто научная сторона университетской жизни.

Другіе параграфы устава имѣли въ виду учебно-образовательныя цѣли. Такъ совѣтъ черезъ каждые два года избиралъ изъ своихъ магистровъ по два человека для отправленія ихъ въ чужіе края на 2-хъ годичный срокъ. Въ уставѣ выражено желаніе, чтобы профессора нѣкоторыхъ наукъ, въ особенности словесныхъ, философскихъ и юридическихъ, установили со студентами бесѣды, „въ которыхъ, предлагая имъ на изустное изъясненіе предметы, исправляли бы сужденія ихъ и самый образъ выраженія и пріучали бы ихъ основательно и свободно изъяснять свои мысли“ (преимущественно на латинскомъ языкѣ). Сфера прямого вліянія университета выходила далеко за его стѣны и касалась даже лицъ, отъ него вообще независимыхъ: университету принадлежала цензура всѣхъ книгъ, печатавшихся въ предѣлахъ Харьковскаго учебнаго округа. Для этой цѣли нужно было учредить цензурный комитетъ изъ четырехъ декановъ. Онъ впрочемъ могъ давать рукописи для отзыва кому либо изъ профессоровъ, адъюнктовъ или магистровъ; въ случаѣ благопріятнаго заключенія рецензента, сочиненіе разрѣшалось къ печати и это разрѣшеніе подписывалось однимъ изъ декановъ и рецензентомъ; если же заключеніе рецензента было неблагопріятно или онъ затруднялся въ отзывѣ, то дѣло разсматривалось въ комитетѣ, а иногда переходило даже въ совѣтъ; апелляціонной же инстанціей было главное правленіе училищъ (въ Петербургѣ). Въ университетскую бібліотеку и профессорамъ можно было выписывать всякія книги, безъ цензуры; но цензурный комитетъ долженъ былъ отмѣтить въ каталогѣ тѣ изъ нихъ, ко-

торыя не могли выдаваться постороннимъ лицамъ. Университеты были высшими образовательными учрежденіями въ своихъ округахъ. Другія—среднія и низшія—школы (гимназіи, уѣздныя и приходскія училища), по мысли законодателя, должны были находиться съ ними въ *органической* связи; отсюда и возникла зависимость ихъ отъ университетовъ и широкая административно педагогическая дѣятельность этихъ послѣднихъ. Университетъ обязанъ былъ прилагать особенную заботу объ учрежденіи въ своемъ округѣ гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, о пополненіи штата ихъ свѣдущими и удовлетворительными въ нравственномъ отношеніи учителями, о снабженіи ихъ учебными пособиями и т. п. Назначеніе директоровъ училищъ, учителей гимназій, смотрителей уѣздныхъ училищъ зависѣло отъ университета. Для управленія всѣми учебными заведеніями въ округѣ ежегодно избирался училищный комитетъ въ составѣ 6 ординарныхъ профессоровъ подъ предсѣдательствомъ ректора. Обязанности комитета были очень серьезны и сложны. Онъ получалъ всѣ донесенія отъ директоровъ, собиралъ свѣдѣнія о состояніи училищъ, о трудахъ учителей и успѣхахъ учениковъ, удалялъ отъ должности неисправныхъ, награждалъ достойныхъ, представлялъ ежегодно въ совѣтъ университета подробный отчетъ о состояніи школъ, о результатахъ произведенныхъ въ нихъ экзаменовъ, объ условіяхъ, задерживавшихъ ихъ ростъ, и о мѣрахъ къ поднятію ихъ уровня, разсматривалъ донесенія визитаторовъ, которыхъ назначалъ совѣтъ, и со своими замѣчаніями представлялъ въ него и, наконецъ имѣлъ прямое наблюденіе и за хозяйственной стороною дѣла. Кромѣ того подъ его же наблюденіемъ находились и всѣ пансіоны и училища, заведенные частными лицами: онъ утверждалъ ихъ уставы и преподавателей. Если мы еще вспомнимъ, что университетъ пользовался широкой внутренней автономіей (включительно до права собственнаго суда надъ своими членами и ихъ семьями), то для насъ сдѣлается очевиднымъ то безграничное довѣріе, которое питало къ университетамъ правительство Императора Александра I-го.

Университетскій уставъ 1804 г. отличался нѣсколько теоретическимъ характеромъ: онъ явился результатомъ не жизненнаго опыта, а просвѣтительныхъ, либеральныхъ и гуманныхъ началъ, которыми были проникнуты тогдашніе выдающіеся дѣятели Западной Европы, а вмѣстѣ съ ними Императоръ Александръ. Академикъ М. П. Сухомлиновъ вполне доказалъ, что „русскіе университеты, возникшіе или преобразованные въ началѣ XIX в., представляютъ въ устройствѣ своемъ и господствующемъ духѣ черты того направленія, которое обнаружилось въ умственномъ и политическомъ мірѣ Европы“. Особенно замѣтно было

вліяніе идей Мейнейрса, историка европейских университетовъ вообще и германскихъ въ частности. Русская стихія была въ уставѣ не особенно сильна. Заѣдываніе всѣми училищами въ округѣ было очень почетно для университета, но вмѣстѣ съ тѣмъ требовало массы труда и знаній; въ особенности это нужно сказать относительно хозяйственной стороны дѣла. Если въ учебной части члены профессорской коллегіи могли быть вполне компетентны, то этого нельзя сказать относительно хозяйства, требовавшего сложной бухгалтеріи и съ трудомъ поддававшегося контролю. Тоже самое нужно отчасти сказать относительно суда надъ профессорами, чиновниками университета и ихъ семьями. Дѣло это было очень щекотливое и могло вовлечь совѣтъ въ большія непріятности. Невольно является мысль, что было бы лучше, если бы уставъ вложилъ на профессорскую коллегію меньше косвенныхъ обязанностей—тогда, быть можетъ, и свое прямое назначеніе она выполняла бы лучше и внимательнѣе. Такія замѣчанія можно было бы сдѣлать не въ пользу устава 1804 года.

Но они, во-первыхъ, не подрываютъ его общаго значенія, а, во-вторыхъ, ослабляются и сами по себѣ нѣкоторыми частными соображеніями. Университеты въ Россіи не имѣли корней въ ея историческомъ прошломъ: они пересажены были на русскую почву въ качествѣ чужеземныхъ растений; слѣдовательно, у насъ и не могло быть своего историческаго опыта въ этомъ дѣлѣ; даже министерство народнаго просвѣщенія представляло у насъ новое учрежденіе. Сама жизнь должна была сдѣлать испытаніе новому уставу, огромнымъ достоинствомъ котораго было то, что онъ не стѣснялъ ни университетской науки, на университетскаго самоуправленія и, такимъ образомъ, могъ вызвать къ живой общественной дѣятельности всѣ наличныя силы профессорской корпораціи. Правда, иностранные профессора получили *de facto* доминирующее значеніе въ новыхъ русскихъ университетахъ; но спрашивается, что же было дѣлать, если русскихъ ученыхъ оказывалось совершенно недостаточно. Здѣсь повторялось то явленіе, которое не разъ имѣло мѣсто въ нашей исторіи и которое оправдывается этой самой исторіей: мы должны были *volens-nolens* обращаться къ непосредственному роднику науки—Западной Европѣ и оттуда вызывать ея дѣятелей на свою службу; такъ поступалъ Петръ Великій, такъ дѣлали и многіе изъ государей Московской Руси. И этотъ вызовъ иностранцевъ въ интересахъ развитія русскаго просвѣщенія отнюдь не долженъ былъ вести за собою непременно поработенія русскаго элемента (хотя къ сожалѣнію это иногда и бывало): дѣло могло окончиться къ обоюдной выгодѣ и пользѣ того и другого. И въ уставѣ 1804 была сдѣлана одна чрез-

вычайно важная въ этомъ отношеніи оговорка: при избраніи адъюнктовъ „природные россияне, нужные званія и качества имѣющіе, должны быть предпочтены чужестраннымъ“. И это, конечно, было совершенно справедливо. Наконецъ, при рѣшеніи вопроса о различныхъ *косвенныхъ* обязанностяхъ, наложенныхъ на профессоровъ уставомъ (посѣщеній и устройства училищъ и т. п.), не слѣдуетъ упускать изъ виду, что тогда вовсе почти не было такихъ лицъ, которымъ впослѣдствіи времени поручены были эти обязанности: университеты еще должны были воспитать въ своихъ стѣнахъ это новое поколѣніе образованныхъ дѣятелей на различныхъ поприщахъ государственной службы.

Охарактеризовавъ въ краткихъ чертахъ сущность университетскаго устава 1804 г., мы постараемся теперь показать, на основаніи документальныхъ данныхъ, *какъ онъ примѣнялся*, какъ дѣйствовали тѣ учрежденія (совѣтъ, правленіе, факультеты и т. п.), которыя были имъ созданы, что они дѣлали и сдѣлали для развитія университета, для правильнаго выполненія его функцій. Само собою разумѣется, что мы не можемъ дать полнаго систематическаго описанія всего того, что было сдѣлано этими учрежденіями; это во 1-хъ выходитъ изъ рамокъ нашего труда; да едва ли и необходимо вообще; а, во 2-хъ, намъ придется еще касаться многихъ отдѣльныхъ вопросовъ въ послѣдующемъ изложеніи (научно-преподавательной дѣятельности профессоровъ, исторіи учебно-вспомогательныхъ учреждений и т. д.). Теперь же мы только постараемся познакомить читателей съ оригинальнымъ механизмомъ этой дѣятельности и ея важнѣйшими результатами.

Всею учебною частью въ университетѣ долженъ былъ завѣдывать *совѣтъ*. Въ составъ его, съ правомъ голоса, входили дѣйствительные и заслуженные профессора, а предсѣдательствовалъ въ немъ ректоръ. Обычныя засѣданія совѣта бывали разъ въ мѣсяцъ, а въ случаѣ надобности происходили кромѣ того еще и чрезвычайныя; для законности рѣшеній въ немъ должно было присутствовать не менѣе половины всѣхъ профессоровъ. Черезъ каждые полгода совѣтъ общимъ рапортомъ докладывалъ попечителю о своей дѣятельности, а къ концу года доставлялъ ему полную вѣдомость; впрочемъ обо всякомъ чрезвычайномъ случаѣ нужно было сообщать немедленно. Разъ въ годъ совѣтъ разсматривалъ всѣ счета, представляемые ректоромъ за подписью кассира и бухгалтера. Къ текущимъ дѣламъ совѣта относятся слѣдующія: избраніе профессоровъ, почетныхъ членовъ, адъюнктовъ, учителей въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ; изысканіе способовъ къ усовершенствованію преподаванія наукъ; составленіе росписанія лекцій; ежегодные экзамены студентовъ; разсужденіе о предложеніяхъ начальства; разсмотрѣніе тя-

жебныхъ дѣлъ, перенесенныхъ изъ правленія; предложеніе ежегодной конкурсной задачи съ преміей, по предварительному согласію министра народнаго просвѣщенія; устройство публичнаго акта. Для предметовъ, требовавшихъ внимательнаго изслѣдованія, назначались особыя коммисіи. Выборъ профессоровъ производился такъ: если извѣстная кафедра дѣлалась вакантною, то каждый профессоръ этого факультета имѣлъ право предложить совѣту своего кандидата и представить о немъ всѣ необходимыя данныя; если кандидатъ находился въ Харьковѣ, то обязанъ былъ самъ доставить свои сочиненія и общее разсужденіе о своей наукѣ—о ея успѣхахъ, современномъ состояніи, способѣ преподаванія, о болѣе видныхъ ея представителяхъ; совѣтъ назначалъ достаточный срокъ для разсмотрѣнія сочиненій и для собранія свѣдѣній о нравственныхъ качествахъ соискателя и затѣмъ происходили самые выборы, которые утверждались попечителемъ и министромъ.

Просьбы объ увольненіи профессоровъ и чиновниковъ отъ службы также подавались черезъ ректора въ совѣтъ; онъ же былъ обязанъ удалить отъ должности всѣхъ чиновниковъ, обличенныхъ правленіемъ, по формальному изслѣдованію дѣла, въ какомъ либо важномъ проступкѣ, во не иначе какъ по большинству $\frac{2}{3}$ голосовъ, при чемъ приговоръ этотъ еще шелъ на утвержденіе высшаго начальства. Изъ среды ординарныхъ профессоровъ избирался баллотировкою секретарь совѣта, который обязанъ былъ вести протоколы совѣтскихъ засѣданій и переписку съ разными лицами отъ имени совѣта ¹⁾.

До официальнаго открытія Харьковскаго университета дѣлами его, какъ мы знаемъ, завѣдывалъ особый комитетъ, но въ концѣ 1804 и первой половинѣ января 1805 г. было также нѣсколько общихъ собраній профессоровъ и адъюнктовъ, подъ предѣлательствомъ профессора Рижскаго. Такія собранія были 3, 6, 10, 16, 17, 18, 20, 24 и 27 августа для составленія росписанія лекцій, при чемъ секретаремъ временно былъ избранъ проф. Стойковичъ; 29 августа состоялось такое же общее собраніе для объявленія всѣмъ чиновникамъ университета о Высочайше подтвержденномъ для него мундирѣ; 16 ноября—для нѣкоторыхъ измѣненій въ росписаніи лекцій, согласно замѣчаніямъ, сдѣланнымъ попечителемъ; 5 января—для прочтенія предложенія попечителя, въ которомъ говорилось о присягѣ профессоровъ университета, при чемъ иностраннымъ профессорамъ предлагалась на выборъ двойная присяга—или на вѣрность къ службѣ, или же на подданство. Всѣ на-

¹⁾ Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, I т., стр. 273—279.

личные профессора и адъюнкты иностранцы согла- только на вѣрность въ исполненіи ихъ должности въ шеніи къ Грекороссійской церкви; для тѣхъ, кто не зналъ по русски, прочтенъ былъ переведенный на латинскій языкъ церемоніаль предположеннаго черезъ нѣсколько дней открытія университета. 9-го января было созвано общее собраніе для торжественнаго принятія и прочтенія присланныхъ въ университетъ попечителемъ Высочайше утвержденной 5-го ноября 1804 г. грамоты и устава Харьковскаго университета. Открытіе университета состоялось, какъ мы знаемъ, 17-го января 1805 года и сейчасъ же послѣ этого сталъ функционировать уже правильный, офиціальный университетскій совѣтъ. Первоначально онъ состоялъ изъ 9 ординарныхъ профессоровъ и 9 адъюнктовъ, въ теченіе же 1805 года прибавился одинъ ординарный профессоръ и одинъ адъюнктъ; одинъ изъ адъюнктовъ былъ произведенъ въ экстраординарные профессора, а одинъ умеръ. Такимъ образомъ, къ концу года въ совѣтъ было 10 ординарныхъ, 1 экстраординарный профессоръ и 8 адъюнктовъ. Въ теченіе 1805 года было 41 засѣданіе совѣта. На другой же день по открытіи университета состоялось 1-е засѣданіе совѣта для избранія ректора и другихъ чиновниковъ. Ректоромъ былъ избранъ профессоръ Иванъ Степановичъ Рижскій, деканами—отдѣленія нравственныхъ и политическихъ наукъ проф. Иванъ Шадъ, физическихъ и математическихъ—проф. Аѳанасій Стойковичъ, словесныхъ—Леопольдъ Умляуфъ (медицинскій факультетъ еще не былъ открытъ и потому и декана его не избрали), секретаремъ совѣта—проф. Стойковичъ, инспекторомъ казеннокоштныхъ студентовъ и бібліотекаремъ проф. Балленъ-де-Баллю; членами училищнаго комитета (подъ предсѣдательствомъ ректора)—проф. Илья Тимковскій, Тимофей Осиповскій, Леопольдъ Умляуфъ и Аѳанасій Стойковичъ; секретарями факультетовъ—адъюнкты Лангъ (нравственно политическаго), Каретниковъ (физико-математическаго) и Паки-де-Совиньи (словеснаго); помощникомъ бібліотекаря—ад. Шмерфельдъ, синдикомъ—ад. Васильевъ; архиваріусомъ и университетскимъ переводчикомъ Фирсовъ; въ непремѣнные засѣдатели правленія попечитель назначилъ Осиповскаго.

На 1806 годъ въ ректоры равнымъ количествомъ шаровъ были избраны въ совѣтъ 3 лица—Рижскій, профессоръ хирургіи Шумлянскій и профессоръ нравственныхъ и политическихъ наукъ Шадъ; изъ нихъ Высочайше утвержденъ Рижскій; деканами были избраны прежнія лица, также точно какъ и членами училищнаго комитета; только на мѣсто помощника бібліотекаря Шмерфельда былъ избранъ сначала адъюнктъ Ванотти, а потомъ, за назначеніемъ его прозекторомъ анатомическаго театра, адъюнктъ Лангъ. Въ 1807 году ректоромъ былъ

утвержденъ проф. Стойковичъ, получившій при выборѣ такое же число шаровъ, какъ и другой кандидатъ — Шумлянскій; деканами были избраны Илья Тимковскій (этикополитическаго отдѣленія), Францъ Делявинъ (физико-математическаго), Павелъ Шумлянскій (врачебнаго), Иванъ Рижскій (словеснаго). Мѣсто секретари совѣта (Стойковича) занялъ Рижскій; секретарями факультетовъ остались тѣже лица, утвержденныя попечителемъ въ своемъ званіи на три года (съ 1805 года), а по выходѣ въ отставку адъюнкта Каретникова мѣсто его занялъ Шмерфельдъ. Въ училищный комитетъ къ тремъ членамъ (Осиповскому, Шумлянскому и Тимковскому) прибавили еще новыхъ трехъ—Рижскаго, Коритари и Шнауберта; другія должностныя лица остались тѣже. Въ 1808 г. большинствомъ голосовъ въ ректоры былъ избранъ Осиповскій, но онъ тутъ же просилъ освободить его отъ этой должности „по причинѣ слабаго здоровья, поврежденнаго отъ понесенныхъ имъ трудовъ въ теченіи четырехлѣтняго исправленія обязанностей непремѣннаго засѣдателя“; вслѣдъ за нимъ по равному числу голосовъ получили Рижскій и Шумлянскій, изъ коихъ утвержденъ былъ въ должности первый. Деканами были избраны Иванъ Шадъ (этикополитическаго отдѣленія), Стойковичъ (физикоматематическаго), Егоръ Коритари (врачебнаго), Яковъ Балленъ-де-Баллю (словеснаго); но третій не былъ утвержденъ министромъ и остался прежній деканъ Шумлянскій; инспекторомъ казеннокоштныхъ студентовъ (вмѣсто Балленъ де Баллю) сдѣлался проф. Якобъ; секретарями отдѣленій адъюнкты—Лангъ (прежній) Шмерфельдъ (вмѣсто Каретникова), Ванотти (на медицинскомъ отд.), Паки де Савиньи (прежній); къ членамъ училищнаго совѣта прибавленъ (сверхъ прежнихъ 5) ¹⁾ еще одинъ—Якобъ. Въ 1809 г. ректоромъ былъ избранъ снова Рижскій; деканы остались тѣже; секретаремъ совѣта былъ Стойковичъ, секретарями отдѣленій—Лангъ, Шмерфельдъ, Ванотти и Рейнишъ (послѣдній словеснаго). Въ 1810 году на должность ректора наибольшее количество голосовъ получили Шумлянскій и Осиповскій, а за ними Рижскій, Делявинъ, Стойковичъ, Шнаубертъ и Якобъ; за отказомъ по разстроенному состоянію здоровья двухъ первыхъ, утвержденъ былъ снова Рижскій; деканами—Тимковскій, Делявинъ, Шумлянскій и Дюгуровъ (послѣдній въ словесномъ отдѣленіи), синдикомъ—адъюнктъ Успенскій; ему же поручена была временно, съ согласія попечителя, должность инспектора казеннокоштныхъ студентовъ. Въ 1811 году въ ректоры снова былъ избранъ Рижскій, но онъ умеръ 15 марта, а его мѣсто занялъ Стойковичъ, исправлявшій дотога должность проректора. Стойковичъ былъ

¹⁾ Шестой Шнаубертъ, вѣроятно, вышелъ изъ состава членовъ.

утвержденъ на 3 года; съ этого времени вообще стали избирать ректора не на одинъ годъ, какъ прежде, а на 3. Деканами и секретарями отдѣлений остались прежнія лица съ тою только разницею, что Тимковский получилъ годичный отпускъ, а мѣсто умершаго Рейниша занялъ Паки де Совиньи; секретаремъ совѣта сдѣлавъ былъ Шадъ. На мѣсто библіотекаря (которое занималъ Балленъ де Баллю, переведенный теперь въ Петербургскій педагогическій институтъ) былъ избранъ Дюгуръ, а его помощникомъ Паки де Совиньи. Инспекторомъ и синдикомъ остался Успенскій. Въ училищномъ комитетѣ состояли тѣже лица и два новыхъ—Дюгуръ и Гуть; съ переводомъ послѣдняго въ Дерптъ, его мѣсто занялъ Роммель, который впрочемъ отказался отъ должности еще до истеченія срока своихъ полномочій. Въ этомъ году былъ учрежденъ новый комитетъ для испытанія чиновниковъ гражданского вѣдомства; членами его были—Шумлянскій, Осиповскій и Тимковский, а за отъѣздомъ этого послѣдняго Книгинъ. Въ 1812 году произошли слѣдующія перемѣны: деканомъ нравственно-политическаго отдѣленія былъ избранъ Шадъ, физикоматематическаго Гизе, врачебнаго Книгинъ, секретаремъ совѣта и инспекторомъ казеннокоштныхъ студентовъ Каменскій; секретаремъ физикоматематическаго отдѣленія Нельдехенъ, нравственно-политическаго Павловичъ, врачебнаго Болгаревскій; помощникомъ библіотекаря Успенскій; въ училищный комитетъ вошли еще (кромѣ Дегурова, Шумлянскаго, Осиповскаго) Нельдехенъ и Каменскій; въ комитетъ для испытанія гражданскихъ чиновниковъ мѣсто Книгина занялъ Дегуровъ. Въ 1813 г. ректоромъ былъ Стойковичъ, деканами—Роммель, Швейкардтъ, Дрейсигъ, Деливинъ, непремѣннымъ засѣдателемъ въ правленіи Осиповскій; въ томъ же году впрочемъ ректоръ Стойковичъ былъ устраненъ отъ должности по обвиненію въ безпошлинной продажѣ товаровъ и его мѣсто въ сентябрѣ мѣсяцѣ занялъ проф. Осиповскій. Въ 1814 году ректоромъ оставался Осиповскій, а деканами состояли Успенскій (на словесномъ отдѣленіи), Шадъ (на этикополитическомъ), Фердинандъ Ивановичъ Гизе (на физикоматематическомъ) и Шумлянскій (на медицинскомъ); мѣсто непремѣннаго засѣдателя занялъ Каменскій.

Спрашивается: на сколько удачны были всѣ эти выборы? Само собою разумѣется, что дать совершенно точный и опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ очень трудно; но судить о результатахъ, достигнутыхъ тогдашней выборной системой, мы все таки на основаніи кое-какихъ данныхъ можемъ. Прежде всего рѣзко бросается въ глаза тотъ фактъ, что, не смотря на ежегодные выборы, должность ректора долго занимало одно и то же лицо—проф. Рижскій: онъ оставался на этомъ посту съ основанія университета и до самой своей смерти, за исключеніемъ одного

только года (1807), когда ректоромъ былъ избранъ Стойковичъ. Выборъ Рижскаго нельзя не признать въ высшей степени удачнымъ. Это былъ истинный и достойный представитель университета, какимъ и долженъ быть ректоръ, настоящій *rector magnificus*, человекъ, выдававшійся въ своей средѣ и по своему ученому авторитету, и по дару слова, и по дѣловой энергіи, и по знанію русской жизни и, наконецъ, по своимъ нравственнымъ качествамъ; на его репутаціи не было ни малѣйшаго пятнышка. Даже иностранные профессора, съ предубѣжденіемъ относившіеся къ русскимъ, отдавали ему должное (имѣемъ въ виду отзывъ Роммеля). Въ явномъ свѣтѣ съ нравственной стороны выступаетъ передъ нами личность Стойковича, бывшаго въ теченіи одного года ректоромъ и при жизни Рижскаго, а за тѣмъ исполнявшаго эту должность еще одинъ разъ въ теченіе трехлѣтняго срока. Это былъ типъ выходца изъ Славянщины со всѣми характеристическими чертами, которыя усваивали себѣ эти люди на новой родинѣ и съ которыми отчасти они и являлись уже сюда. Переѣхалъ онъ въ Россію, очевидно, съ тою же цѣлью, съ какою переходило огромное большинство южныхъ Славянъ къ намъ еще въ прошломъ вѣкѣ, особенно въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны—его очевидно побудило желаніе „*das glück probieren und Wind treiben*“, какъ выражается нѣсколько наивно, но откровенно одинъ изъ этихъ выходцевъ Пишчевичъ. Стойковичъ также хотѣлъ найти свое счастье въ Россіи, хотя, къ сожалѣнію, искалъ его главнымъ образомъ въ матеріальныхъ благахъ и не пренебрегалъ для достиженія ихъ и такими средствами, которыя совершенно не гармонировали съ достоинствомъ университета и ректорскаго званія. Но нельзя не отдать должнаго его огромной, дѣловой энергіи и значительной научной продуктивности, хотя эта послѣдняя и не отличалась особенно самостоятельнымъ характеромъ. Стойковичъ былъ представителемъ группы иностранныхъ профессоровъ въ Харьковскомъ университетѣ, которая, конечно, стремилась выставять своихъ кандидатовъ на ректорскую должность; но онъ имѣлъ одно огромное преимущество передъ другими своими коллегами, переселившимися въ Россію изъ Германіи и Франціи—ему не вполнѣ была чужда и русская жизнь, и русскій языкъ, или по крайней мѣрѣ онъ могъ освоиться (и дѣйствительно освоился) съ ними гораздо легче и скорѣе (въ качествѣ славянина), чѣмъ эти послѣдніе. Но Стойковичъ не удержался на своемъ высокомъ посту въ теченіе всего выборнаго періода (3-хъ лѣтъ) и долженъ былъ уступить свое мѣсто другому русскому профессору Осиповскому, который во всѣхъ отношеніяхъ былъ достойнымъ преемникомъ Рижскаго, а въ нѣкоторыхъ въ учености и благородной прямотѣ убѣждений и характера), быть

можетъ, и превосходилъ его. Осиповскій былъ гордостью, украшеніемъ математическаго отдѣленія Харьковскаго университета; къ практической же дѣятельности онъ подготовилъ себя участіемъ свачала въ комитетѣ (до открытія университета), а за тѣмъ въ правленіи, гдѣ онъ много лѣтъ состоялъ въ видной и отвѣтственной роли непремѣннаго засѣдателя. Такимъ образомъ, Осиповскій и какъ ученый, и какъ преподаватель, и какъ администраторъ едва ли уступалъ кому изъ иностранныхъ профессоровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ надъ ними одно рѣшительное преимущество при выборѣ на ректорскую должность: въ качествѣ русскаго онъ хорошо зналъ и условія, и нужды тогдашней русской университетской жизни и ближе стоялъ въ этомъ отношеніи къ учащимъ, учащимся и къ начальству. Къ невыгодѣ для себя и къ пользѣ для университета, ему пришлось дѣйствовать главнымъ образомъ уже во 2-е десятилѣтіе исторіи университета—въ эпоху реакціи, отъ которой онъ старался охранять университетъ, но которая въ концѣ концовъ сокрушила и его.

Что касается выбора другихъ дѣятелей университетскаго самоуправленія, то и здѣсь, *въ общемъ*, дѣло повидимому велось хорошо. Въ должности декановъ, напримѣръ, мы видимъ дѣйствительно наиболѣе выдающихся и авторитетныхъ представителей факультетскаго преподаванія. Такія лица, какъ Шадъ, Стойковичъ, Тимковскій, Успенскій, Шумлянскій, Дюгуровъ, Гизе, Книгинъ были дѣйствительно наиболѣе видными дѣятелями въ своихъ отдѣленіяхъ, хотя и не всѣ были безупречны въ нравственномъ отношеніи (имѣемъ въ виду трехъ иностранцевъ—Шада, Дюгурова, Стойковича); изъ послѣднихъ двухъ декановъ, которыхъ мы не называли, Балленъ-де-Баллю хотя и не былъ особенно выдающимся ученымъ, но за то не мало потрудился для университета въ качествѣ перваго организатора его библіотеки, а Делявинъ также представляетъ типъ скромнаго но талантамъ, но полезнаго труженика. Членами училищнаго комитета состояли также выдающіеся дѣятели—Тимковскій, Осиповскій, Стойковичъ, Якобъ, Дюгуровъ, Гуть, Роммель. Нѣкоторые изъ нихъ зарекомендовали себя, какъ выдающіеся педагоги на поприщѣ средняго и низшаго народнаго образованія, а труды ихъ на пользу училищъ Харьковскаго учебнаго округа, какъ увидимъ далѣе, представляютъ одну изъ самыхъ яркихъ страницъ въ исторіи просвѣтительнаго вліянія университета на общество. Относительно выбора секретарей отдѣленій нужно отмѣтить одну характерную и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятную особенность: на эти должности избирались всегда младшіе члены факультетовъ—адъюнкты изъ числа, конечно, такихъ, которые были способны къ этому занятію; но секретари обыкновенно не производились потомъ за свою секретар-

скую службу въ деканы, ибо въ основаніе этой послѣдней должности поставлена была не служебная выслуга, а необходимыя, спеціально отъ нея требуемыя способности кандидатовъ, не совпадавшія съ тѣми, которымъ должны были удовлетворить секретари отдѣленій; отъ декановъ справедливо требовалась должная авторитетность для представительства въ факультетѣ, нѣкоторая способность къ веденію учебно-воспитательнаго и отчасти хозяйственнаго дѣла и, наконецъ, пониманіе высшихъ задачъ университета и соотвѣтствующій достоинству его независимый образъ дѣйствій въ вопросахъ, касающихся чести и достоинства учрежденія и его коллегіи. Конечно, это нисколько не исключало возможности для секретаря отдѣленія, который впослѣдствіи, въ качествѣ профессора, обнаружилъ бы и всѣ качества, необходимыя для декана, сдѣлаться таковымъ; но это не была бы уже служебная выслуга... Нельзя не отмѣтить въ заключеніе двухъ случаевъ, когда спеціальныя таланты сравнительно молодыхъ, начинающихъ дѣятелей нашли себѣ правильную оцѣнку въ совѣтскихъ выборахъ. Адъюнктъ Гизе, заявившій себя цѣлымъ рядомъ выдающихся работъ, былъ произведенъ въ профессора и избранъ въ деканы; другой адъюнктъ Гавр. Успенскій, бывшій раньше учителемъ уѣзднаго училища, за хорошее знакомство съ русскимъ законодательствомъ, былъ назначенъ на должность синдика, которая требовала именно такой юридической подготовки; впослѣдствіи онъ избранъ былъ даже въ деканы. Послѣ всего изложеннаго мы можемъ, кажется, высказать положеніе, что профессорская коллегія Харьковскаго университета умѣла благоразумно пользоваться предоставленнымъ ей самоуправленіемъ для выбора своихъ должностныхъ лицъ. Такое же заключеніе мы выносимъ и изъ разсмотрѣнія другой стороны дѣятельности совѣта — *замѣщенія путемъ выбора вакантныхъ профессорскихъ кафедръ*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, приведемъ всѣ относящіеся сюда факты въ хронологическомъ порядкѣ.

Вопросъ о замѣщеніи вакантныхъ кафедръ служилъ предметомъ постоянной заботливости совѣта. Въ теченіе 1805 года были избраны совѣтомъ слѣдующія извѣстные своею ученостію лица: профессоромъ естественнаго, политическаго и народнаго права, а также дипломатики докторъ правъ Коверденъ изъ Саксоніи, профессоромъ клиники, патологии и терапіи докторъ медицины Дрейсигъ изъ Кенигштейна въ Саксоніи, профессоромъ, фармаціи, врачебнаго веществословія и врачебной словесности докторъ медицины Коритарі изъ Венгріи, профессоромъ судебной медицины и физиологіи Зейлеръ, профессоръ Виртембергскаго университета, профессоромъ скотолеченія докторъ медицины Пильгеръ, профессоръ Гиссенскаго университета, профессоромъ технологіи и ком-

мерческих наук профессоръ Великобританскаго Эдинбургскаго университета Стивенсонъ; изъ нихъ Коритари въ томъ же 1805 году былъ утвержденъ министромъ въ своемъ званіи, а адъюнкты химіи Гизе произведенъ въ экстраординарные профессора. Сверхъ того совѣтъ приглашалъ на различныя вакантныя каѳедры еще нѣсколькихъ выдающихся ученыхъ, но отъ всѣхъ получилъ отрицательный отвѣтъ; а именно онъ обращался для занятія каѳедры всеобщей исторіи къ профессору Іенскаго университета Генриху, а за отказомъ его просилъ о рекомендаціи кандидата на нее извѣстнаго Шлепера, который тогда профессорствовалъ, по отъѣздѣ изъ Россіи, въ Геттингенскомъ университетѣ; на каѳедру сельскаго хозяйства приглашали профессора Іенскаго университета Георга, а потомъ члена Парижскаго національнаго института Пармантье; на каѳедру русской исторіи — Н. М. Карамзина; для терапіи, патологіи и клиники профессора Эрлангенскаго университета Гильдебранта, для политической экономіи профессора Геттингенскаго университета Сарторіуса. Хотя выборъ этихъ лицъ и не имѣлъ практическихъ послѣдствій, но онъ съ хорошей стороны рисуетъ намъ заботы тогдашняго совѣта Харьковскаго университета о поддержаніи высокаго научнаго ценза и чести выборовъ въ профессорской коллегіи.

Въ началѣ 1806 г. совѣтъ состоялъ изъ 10 (а потомъ съ прибытіемъ Коритари изъ 11) ординарныхъ профессоровъ, 1 экстраординарнаго и 8 адъюнктовъ. Въ теченіе года между прочимъ избраны были въ преподаватели университета—1) докторъ Дюгуръ—ординарнымъ профессоромъ географіи, всеобщей исторіи и статистики; 2) докторъ Рейтъ ¹⁾ — въ экстраординарные профессора исторіи; 3) Рейнишъ—въ адъюнкты исторіи и географіи. Министерство утвердило избраннаго совѣтомъ профессора Шнауберта, Стивенсона (изъ Эдинбурга), который впрочемъ отказался отъ своего намѣренія переѣхать въ Россію и нашелъ болѣе выгоднымъ для себя остаться на родинѣ, и, наконецъ, Пильгера. Въ 1807 году утверждены были министромъ избранные университетомъ въ качествѣ ординарныхъ профессоровъ—терапіи и клиники докторъ медицины Дрейсигъ, политической экономіи и дипломатики профессоръ Гальскаго университета Якобъ, правовѣдѣнія профессоръ Франкфуртскаго университета (что на Одерѣ) Тиботъ и латинской словесности профессоръ Гальскаго университета Вольфъ (но эти два послѣдніе не прибыли въ Харьковъ); профессоръ Дюгуръ былъ утвержденъ только въ качествѣ экстраординарнаго профессора, Рейнишъ—въ качествѣ адъюнкта для историческихъ вспомогательныхъ наукъ и

¹⁾ Министерство утвердило его впрочемъ на первыхъ порахъ только лекторомъ.

педагогич.; попечителемъ были утверждены въ качествѣ лекторовъ— для преподаванія исторіи и статистики Россійской Имперіи, бывшій учитель главнаго народнаго Воронежскаго училища Г. Успенскій, для преподаванія латинскаго языка состоявшій при Россійскомъ Императорскомъ посольствѣ въ Лондонѣ Евстафьевъ, который однако въ этомъ году не пріѣхалъ. Въ началѣ года совѣтъ состоялъ изъ 11 ординарныхъ профессоровъ (изъ коихъ одинъ—Умляуфъ—умеръ), 1 экстраординарнаго и 7 адъюнктовъ; въ теченіе же года къ нимъ присоединились—профессоръ скотолѣченія Пильгеръ, политической экономіи Людвигъ Якобъ, клиники—Вильгельмъ Дрейсигъ, исторіи и географіи Антонъ Дюгуръ, адъюнктъ исторіи и педагогич. Антонъ Рейнишъ; сверхъ того вернулся изъ путешествія адъюнктъ докторъ медицины Балкау; такимъ образомъ, въ концѣ года было уже 13 ординарныхъ, 2 экстраординарныхъ профессора и 8 адъюнктовъ. Въ 1808 году къ этому числу членовъ совѣта прибавилось двое новыхъ: орд. профессоръ прикладной математики Иванъ Гутъ, бывшій до того времени профессоромъ Франкфуртскаго университета, и произведенный въ экстраординарные профессора русской исторіи адъюнктъ Успенскій. Въ 1809 году прибавилось еще 2 члена совѣта, раньше избранные и утвержденные ординарнымъ профессоромъ Дюгуръ и адъюнктомъ бывшій раньше лекторомъ Рейтъ; въ концѣ года числилось въ совѣтѣ 15 ординарныхъ, 1 экстраординарный проф. и 10 адъюнктовъ. Въ 1810 году избраны советомъ и получили утвержденіе—профессоромъ латинской словесности профессоръ Марбургскаго университета Роммельъ, адъюнктомъ естественнаго, политическаго и народнаго права бывшій воспитанникъ Лейпцигскаго университета, проживавшій тогда въ Петербургѣ, Беттигеръ; избраны, но не были еще утверждены—профессоромъ важнѣйшихъ правъ, какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ профессоръ Гиссенскаго университета Швейкардтъ, адъюнктомъ латинской словесности—учитель высшихъ классовъ Харьковской гимназіи Былинскій. Выбыли изъ состава профессоровъ—Якобъ (перевелся въ Дерптъ) и Коритарі. Въ 1811 году произошли весьма значительныя перемѣны въ личномъ составѣ профессоровъ: умерли профес. Рижскій и вновь назначенный сюда профессоромъ Терлаичъ, а также адъюнкты Рейнишъ и Шмерфельдъ; профессоръ Шнаубертъ и адъюнктъ Кригеръ уволились по прошенію; проф. Гутъ перевелся въ Дерптъ и Белленъ-де-Балю—въ Петербургъ (въ педагогическій институтъ). Необходимо было принять энергическія мѣры къ замѣнѣ ихъ новыми преподавателями—и такія мѣры были действительно приняты. По смерти профессора россійскаго краснорѣчія Рижскаго, совѣтъ, чтобы имѣть ему достойнаго преемника, „который бы

мерческихъ наукъ профессоръ Великобританскаго Эдинбургскаго университета Стивенсонъ; изъ нихъ Коритари въ томъ же 1805 году былъ утвержденъ министромъ въ своемъ званіи, а адъюнкты химіи Гизе произведенъ въ экстраординарные профессора. Сверхъ того совѣтъ приглашалъ на различныя вакантныя каѳедры еще нѣсколькихъ выдающихся ученыхъ, но отъ всѣхъ получилъ отрицательный отвѣтъ; а именно онъ обращался для занятія каѳедры всеобщей исторіи къ профессору Іенскаго университета Генриху, а за отказомъ его просилъ о рекомендаціи кандидата на нее извѣстнаго Шлецера, который тогда профессорствовалъ, по отъѣздѣ изъ Россіи, въ Геттингенскомъ университетѣ; на каѳедру сельскаго хозяйства приглашали профессора Іенскаго университета Георга, а потомъ члена Парижскаго національнаго института Пармантье; на каѳедру русской исторіи — Н. М. Карамзина; для терапіи, патологіи и клиники профессора Эрлангенскаго университета Гильдебранта, для политической экономіи профессора Геттингенскаго университета Сарторіуса. Хотя выборъ этихъ лицъ и не имѣлъ практическихъ послѣдствій, но онъ съ хорошей стороны рисуетъ намъ заботы тогдашняго совѣта Харьковскаго университета о поддержаніи высокаго научнаго ценза и чести выборовъ въ профессорской коллегіи.

Въ началѣ 1806 г. совѣтъ состоялъ изъ 10 (а потомъ съ прибытіемъ Коритари изъ 11) ординарныхъ профессоровъ, 1 экстраординарнаго и 8 адъюнктовъ. Въ теченіе года между прочимъ избраны были въ преподаватели университета—1) докторъ Дюгуръ—ординарнымъ профессоромъ географіи, всеобщей исторіи и статистики; 2) докторъ Рейтъ ¹⁾ — въ экстраординарные профессора исторіи; 3) Рейнишъ—въ адъюнкты исторіи и географіи. Министерство утвердило избраннаго совѣтомъ профессора Шнауберта, Стивенсона (изъ Эдинбурга), который впрочемъ отказался отъ своего намѣренія переѣхать въ Россію и нашелъ болѣе выгоднымъ для себя остаться на родинѣ, и, наконецъ, Пильгера. Въ 1807 году утверждены были министромъ избранные университетомъ въ качествѣ ординарныхъ профессоровъ—терапіи и клиники докторъ медицины Дрейсигъ, политической экономіи и дипломатики профессоръ Гальскаго университета Якобъ, правовѣдѣнія профессоръ Франкфуртскаго университета (что на Одерѣ) Тиботъ и латинской словесности профессоръ Гальскаго университета Вольфъ (но эти два послѣдніе не прибыли въ Харьковъ); профессоръ Дюгуръ былъ утвержденъ только въ качествѣ экстраординарнаго профессора, Рейнишъ—въ качествѣ адъюнкта для историческихъ вспомогательныхъ наукъ и

¹⁾ Министерство утвердило его впрочемъ на первыхъ порахъ только лекторомъ.

педагогич; попечителемъ были утверждены въ качествѣ лекторовъ— для преподаванія исторіи и статистики Россійской Имперіи, бывшій учитель главнаго народнаго Воронежскаго училища Г. Успенскій, для преподаванія латинскаго языка состоявшій при Россійскомъ Императорскомъ посольствѣ въ Лондонѣ Евстафьевъ, который однако въ этомъ году не пріѣхалъ. Въ началѣ года совѣтъ состоялъ изъ 11 ординарныхъ профессоровъ (изъ коихъ одинъ—Умляуфъ—умеръ), 1 экстраординарнаго и 7 адъюнктовъ; въ теченіе же года къ нимъ присоединились — профессоръ скотолѣченія Пильгеръ, политической экономіи Людвигъ Якобъ, клиники—Вильгельмъ Дрейсигъ, исторіи и географіи Антонъ Дюгуръ, адъюнктъ исторіи и педагогичіи Антонъ Рейнишъ; сверхъ того вернулся изъ путешествія адъюнктъ докторъ медицины Балкау; такимъ образомъ, въ концѣ года было уже 13 ординарныхъ, 2 экстраординарныхъ профессора и 8 адъюнктовъ. Въ 1808 году къ этому числу членовъ совѣта прибавилось двое новыхъ: орд. профессоръ прикладной математики Иванъ Гутъ, бывшій до того времени профессоромъ Франкфуртскаго университета, и произведенный въ экстраординарные профессора русской исторіи адъюнктъ Успенскій. Въ 1809 году прибавилось еще 2 члена совѣта, раньше избранные и утвержденные ординарнымъ профессоромъ Дюгуръ и адъюнктомъ бывшій раньше лекторомъ Рейтъ; въ концѣ года числилось въ совѣтѣ 15 ординарныхъ, 1 экстраординарный проф. и 10 адъюнктовъ. Въ 1810 году избраны совѣтомъ и получили утвержденіе—профессоромъ латинской словесности профессоръ Марбургскаго университета Роммельъ, адъюнктомъ естественнаго, политическаго и народнаго права бывшій воспитанникъ Лейпцигскаго университета, проживавшій тогда въ Петербургѣ, Беттигеръ; избраны, но не были еще утверждены—профессоромъ важнѣйшихъ правъ, какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ профессоръ Гиссенскаго университета Швейкардтъ, адъюнктомъ латинской словесности—учитель высшихъ классовъ Харьковской гимназіи Былинскій. Выбыли изъ состава профессоровъ—Якобъ (переведся въ Дерптъ) и Коритаріи. Въ 1811 году произошли весьма значительныя перемѣны въ личномъ составѣ профессоровъ: умерли профес. Рижскій и вновь назначенный сюда профессоромъ Терлаичъ, а также адъюнкты Рейнишъ и Шмерфельдъ; профессоръ Шнаубертъ и адъюнктъ Кригеръ уволились по прошенію; проф. Гутъ переведся въ Дерптъ и Белленъ-де-Балю — въ Петербургъ (въ педагогическій институтъ). Необходимо было принять энергическія мѣры къ замѣнѣ ихъ новыми преподавателями — и такія мѣры были действительно приняты. По смерти профессора россійскаго краснорѣчія Рижскаго, совѣтъ, чтобы имѣть ему достойнаго преемника, „который бы

съ честью для университета преподавалъ эту науку^а, поручилъ прежде всего своему проректору Стойковичу обратиться за рекомендаціей подходящаго кандидата къ „извѣстѣйшимъ своей ученостью мужамъ“, а когда отъ нихъ не было получено удовлетворительныхъ отвѣтовъ, то прибѣгнувъ къ вызову желающихъ занять эту кафедру путемъ объявленій въ столичныхъ газетахъ. Эта мѣра возымѣла свое дѣйствіе; явилось нѣсколько конкурентовъ, изъ которыхъ выборъ университета палъ на профессора Ярославскаго лицея Ив. Срезневскаго. По удаленіи Кригера совѣтъ поручилъ проректору Стойковичу обратиться за рекомендаціей преемника ему въ Петербургскую Горную Коллегію, а когда оттуда никто не явился, то избралъ профессора Марбургскаго университета Ульмана. Этико-политическое отдѣленіе сдѣлало заявленіе о необходимости раздѣлить предметъ древнихъ и современныхъ правъ на 2 части, такъ какъ трудно подыскать лицо, которое совмѣщало бы въ себѣ свѣдѣнія по обѣимъ, совѣтъ, исходя изъ того убѣжденія, что такое раздѣленіе будетъ значительно содѣйствовать успѣшному преподаванію правовѣдѣнія, но не имѣя возможности увеличивать штатной суммы, асигнуемой на этотъ предметъ правительствомъ, положилъ употреблять на это жалованье, причитающееся профессору догматическаго и нравственнаго богословія, тѣмъ болѣе, что „по нынѣшнимъ распоряженіямъ о духовныхъ училищахъ не предвидится и надобности въ университетскомъ преподавателѣ этого предмета“. Министръ народнаго просвѣщенія одобрилъ эти предположенія, и совѣтъ избралъ въ преподаватели природнаго, политическаго и народнаго права профессора Петербургскаго педагогическаго института Терлаича, который впрочемъ сейчасъ же почти умеръ, а въ преподаватели правъ важнѣйшихъ нынѣшнихъ народовъ, теоріи законодательства и исторіи правъ (единогласно) профессора Кенигсбергскаго университета Захарія. Для преподаванія сельскаго домоводства избранъ былъ извѣстный своими трудами по этому предмету Карлъ Нельдехенъ, который въ октябрѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Харьковъ; на него же, по смерти адъюнкта Шмерфельда, возложено было и преподаваніе технологіи. По переводѣ профессора прикладной математики Гута въ Дерптскій университетъ, на его мѣсто былъ избранъ профессоръ Штейнгейзеръ, а такъ какъ неизвѣстно было, когда онъ придетъ, то его курсъ временно порученъ былъ проф. Осиповскому; также точно преподаваніе греческой и французской словесности, за переводомъ Белленъ-де-Баллю, временно поручено было проф. Дюгуру, нѣмецкой—Шаду, природнаго права (за смертью Терлаича)—экстраординарному профессору Лангу.

Независимо отъ этихъ приглашеній новыхъ профессоровъ, для усиленія преподавательскаго состава, совѣтъ прибѣгнувъ еще къ одной

разумной мѣрѣ, которая принесла ему значительную пользу: для преподаванія студентамъ и чиновникамъ гражданскаго вѣдомства (подготавливавшимся къ экзамену на ассессорскій чинъ) были опредѣлены наиболѣе способные изъ учителей гимназій, а именно — изъ Харьковской гимназій — Павловичъ по римскому праву и Ивановъ — по военнымъ наукамъ, изъ Воронежской — кандидатъ Борзенковъ по русской словесности, изъ Черниговской кандидатъ Комлишинскій по физикѣ; кромѣ того кандидату Павловскому поручено преподавать вновь принятымъ студентамъ первыя начала математики. вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ же году были приняты рѣшительныя мѣры къ открытію медицинскаго отдѣленія, котораго до сихъ поръ фактически не существовало, и это было сдѣлано по Высочайшему повелѣнію. Для пополненія личнаго состава преподавателей на немъ были избраны: для чтенія повивальнаго искусства докторъ медицины Каменскій, бывшій прежде профессоромъ Казанскаго университета, а потомъ акушеромъ при Воронежской врачебной управѣ, анатоміи, физиологіи и судебной медицины — Книгинъ, переведенный сюда изъ Петербургской медико-хирургической академіи. Сверхъ того профессору Гизе поручено было преподаваніе фармаціи и технической химіи. Этотъ составъ былъ признанъ самимъ факультетомъ достаточнымъ и онъ только просилъ правленіе о доставленіи необходимыхъ инструментовъ, пособій и книгъ и о приисканіи дома для анатомическаго театра. Кромѣ этихъ новыхъ назначеній было еще и нѣсколько производствъ. Гизе былъ произведенъ изъ экстраординарныхъ профессоровъ въ ординарные, адъюнкты Лангъ, Ванотти, Рейтъ и Калкау въ экстраординарные. Въ концѣ года совѣтъ состоялъ изъ 15 ординарныхъ, 4-хъ экстраординарныхъ профессоровъ и 3-хъ адъюнктовъ — (въ этомъ году прибылъ и раньше избранный профессоръ Роммель). Въ 1812 году въ составѣ совѣта произошли слѣдующія перемѣны: умеръ экстраорд. профес. Калкау; пріѣхали — ординар. профессора Швейкардтъ и Срезневскій; произведены были изъ экстраординарныхъ профессоровъ въ ординарные Лангъ и Ванотти, изъ адъюнктовъ въ экстраординарные — Успенскій и Паки де Совиньи (получившіе отъ совѣта за представленныя ими труды степени докторовъ философій), изъ лекторовъ въ адъюнкты — Пауловичъ (по римскому праву), бывшій учитель Черниговской гимназій Миликовичъ (по греческой словесности) и Болгаревскій (по фармаціи). Всего было 18 ординарныхъ, 3 экстраординарныхъ профессора и 4 адъюнкта. Подробныхъ статистическихъ данныхъ за два послѣдніе года (1813-й и 1814-й) мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ ¹⁾.

¹⁾ Ответовъ за эти два года мы не могли розыскать въ архивѣ и потому пользуемся цифрами, сообщенными за это время проф. Рославскимъ-Петровскимъ.

Впрочемъ и приведеннаго матеріала совершенно достаточно, чтобы судить о ходѣ дѣла. Совѣтъ не безъ успѣха разрѣшалъ одну изъ главнѣйшихъ своихъ задачъ—выборъ преподавателей на вакантныя кафедры: количество профессоровъ, хотя съ колебаніями, возрастало: въ 1805 г. было 19 преподавателей, въ 1806 г.—19, въ 1807 г.—23, въ 1808 г.—24, въ 1809 г.—26, въ 1810 г.—24, въ 1811 г.—22, въ 1812 г.—25, въ 1813 г.—28, въ 1814 г.—28. Параллельно съ этимъ, конечно, уменьшалось и число вакантныхъ кафедръ.

Вотъ таблица, которую намъ даетъ Рославскій-Петровскій ¹⁾. Она не совпадаетъ нѣсколько съ представленными нами данными, но эта маленькая разниа объясняется, по всей вѣроятности, трудностью сдѣлать точный подсчетъ цифръ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ.

Въ 1805 г.—10 орд. проф., 1 экстраорд., 8 адъюнктовъ, 2 лектора, всего 21 (7 русскихъ и 14 иностранцевъ).

Въ 1806 г. — 11 — 1 — 8 — 2, всего 22 (7 и 15).

Въ 1807 г. — 13 — 2 — 8 — 2, всего 25 (7 и 18).

Въ 1808 г. — 14 — 2 — 9 — 1, всего 26 (7 и 19).

Въ 1809 г. — 15 — 1 — 10 — — всего 26 (7 и 19).

Въ 1810 г. — 13 — 1 — 10 — — всего 24 (7 и 17).

Въ 1811 г. — 14 — 4 — 3 — 3, всего 24 (10 и 14).

Въ 1812 г. — 18 — 3 — 4 — 3, всего 28 (12 и 16).

Въ 1813 г. — 18 — 3 — 7 — 5, всего 33 (15 и 18).

Въ 1814 г. — 17 — 2 — 9 — 4, всего 32 (16 и 16).

Если сопоставить эти цифры съ тѣмъ количествомъ профессоровъ, какое полагалось по штату, то окажется слѣдующее:

Въ 1-й годъ недоставало 17 проф., 4 адъюнктовъ и 1 лектора (22).

Во 2-й годъ — 16 — 4 — 1 — (21).

Въ 3-й годъ — 13 — 4 — 1 — (18).

Въ 4-й годъ — 12 — 3 — 2 — (17).

Въ 5-й годъ — 12 — 2 — 3 — (17).

Въ 6-й годъ — 14 — 2 — 3 — (19).

Въ 7-й годъ — 12 — 9 — — — (21).

Въ 8-й годъ — 7 — 8 — — — (15).

Въ 9-й годъ — 7 — 5 — 2 лишн. (12).

Въ 10-й годъ — 9 — 3 — 1 лишн. (12).

Такимъ образомъ, число вакантныхъ кафедръ, благодаря энергичной дѣятельности совѣта по части замѣщенія ихъ, постепенно умень-

¹⁾ Объ ученой дѣятельности Императорскаго Харьковскаго университета въ 1-е десятилѣтіе его существованія, стр. 6-я и 9-я.

шается: въ первый годъ ихъ было въ общемъ счетѣ 50%, а въ 9-й и 10-й годы менѣе 25%.

Особенно замѣтно росло число ординарныхъ профессоровъ и лекторовъ; цифра этихъ послѣднихъ, въ послѣдніе два года, превысила даже норму устава. И причина этого явленія совершенно понятна: съ одной стороны всѣ адъюнкты и экстраординарные профессора стремились къ ординатурѣ, смотря на званіе экстраординарнаго профессора, какъ на временное переходное состояніе въ своей дѣятельности, съ другой въ категорію лекторовъ попадали преподаватели не только „свободныхъ искусствъ“, которымъ тогда сильно покровительствовали, но подъ часъ и научныхъ предметовъ. Необходимо также отмѣтить то обстоятельство, что число русскихъ профессоровъ также стало увеличиваться и въ 1814 году сравнялось съ числомъ иностранныхъ. Важное влияніе въ этомъ случаѣ оказали политическія событія — реакція противъ иностранцевъ, вызванная Наполеоновскими побѣдами и подъемомъ русскаго національнаго самосознанія въ войну 12-го года; въ пользу такого объясненія говоритъ между прочимъ и статистическая, такъ сказать, хронологія: число русскихъ профессоровъ оставалось неизмѣннымъ до 1811 года, а съ этого момента сразу поднимается и начинаетъ замѣтно возрастать въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ. Наконецъ, для правильной оцѣнки представленныхъ здѣсь цифръ (касательно вакантныхъ кафедръ) нужно имѣть еще въ виду одно важное обстоятельство. Медицинскій факультетъ началъ функціонировать только съ 1811 года. Такимъ образомъ, до этого времени общее число занятыхъ кафедръ придется распредѣлять въ сущности не между 4, а только между 3-мя факультетами (на „врачебномъ отдѣленіи“ было очень мало профессоровъ) и на долю каждаго изъ нихъ придется меньше вакантныхъ кафедръ, чѣмъ выходитъ по нашему среднему расчету. При открытіи университета всѣхъ преподавателей было, напримѣръ, 19 (кроме лекторовъ), и они распредѣлялись по факультетамъ такъ: на долю физико-математическаго отдѣленія приходилось 9 душъ, этико-политическаго 5 и словеснаго тоже 5, т. е., другими словами, недоставало всего 11 чел. или 36% (а не 50%).

Пополнялась профессорская коллегія Харьковскаго университета, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ двумя способами: или вызовомъ изъ заграницы иностранныхъ специалистовъ, или приглашеніемъ русскихъ ученыхъ, заявившихъ себя научными трудами или преподавательской дѣятельностью въ извѣстной области знаній. На этомъ вопросѣ мы остановимся еще подробно въ главѣ о научнопреподавательской

дѣятельности профессоровъ; теперь же прибавимъ къ сказанному нами равнѣе только немногое.

На первыхъ порахъ особенно усердно совѣтъ прибѣгали къ вызову иностранцевъ. Объясняется это, конечно, съ одной стороны недостаточностью ученыхъ силъ для занятія профессорскихъ кафедръ въ Россіи, а съ другой преобладаніемъ въ составѣ совѣта иностранныхъ профессоровъ, относившихся свысока, а подѣ часть и прямо враждебно къ своимъ русскимъ коллегамъ и желавшимъ по многимъ соображеніямъ, частію личнаго, а частію общественнаго характера, усилить иностранный элементъ въ Харьковскомъ университетѣ. Изъ совѣтскихъ протоколовъ видно, что на вакантныя кафедры предложено было весьма значительное количество лицъ; но выборы нѣкоторыхъ изъ нихъ были отложены и за тѣмъ вовсе не состоялись, иные поставили слишкомъ тяжелыя условія, а иные, хотя и были выбраны, но не пріѣхали въ Харьковъ. Такъ, напримѣръ, въ засѣданіи совѣта 14 сентября 1805 г. имѣлись въ виду для выборовъ слѣдующія лица: Пильгеръ, Гауфъ, Лассій (для военныхъ наукъ), Коверденъ, докторъ Конъ и Бензентъ (по политической экономіи), Шютцъ (по статистикѣ), Бродрейхъ (по технологіи), Рейтъ, Фуксъ, Гемпель, Розенталь, Зибертъ, Дрейсигъ, Матэи, Линкъ, Гумпрехтъ, Либстъ, Моръ, Коритаріи, Швехрихенъ, Белецкій, Черничъ; но подверглись баллотировкѣ только нѣкоторые изъ нихъ.

Свѣтила европейской науки не рѣшались ѣхать въ отдаленный Харьковъ, гдѣ было такъ мало образовательныхъ средствъ, хотя на первыхъ порахъ и не отказывались рѣшительнымъ образомъ. Такъ было, напримѣръ, съ знаменитымъ *Вольфомъ*, „труды котораго составляютъ эпоху въ изслѣдованіи гомерическаго эпоса“. „Совѣтъ Харьковского университета выбралъ въ 1807 г. Вольфа ординарнымъ профессоромъ латинскаго языка и археологіи. Политическія смуты, неопредѣленность будущаго и другія соображенія заставили Вольфа рѣшиться на переѣздъ въ Харьковъ. Онъ подалъ уже въ отставку, но былъ удержанъ въ прусской службѣ рескриптомъ короля, обѣщавшимъ большія выгоды ученому, которымъ гордилась Германія“ ¹⁾. „Въ 1811 г. Харьковскій университетъ представилъ на вакантныя кафедры: исторіи законовѣдѣнія и правъ славнѣйшихъ новыхъ народовъ извѣстнаго ученостію своею по этой части *Дезаріэ*, который однакоже не могъ принять приглашенія, хотя сначала и изъявилъ согласіе, прикладной математики—профессора Виттенбергскаго университета *Штейнмейзера*, анатоміи Вюрцбургскаго профессора *Госсельбаха*, превосходнаго писателя по своей спеціальности, медицин-

¹⁾ М. И. Сухомлинова. Изслѣдованія и статьи, т. I-й, стр. 69—70.

ской словесности и дѣтетики—Лейпцигскаго профессора *Бурдаха*, известнаго многими сочиненіями. На кафедре восточныхъ языковъ: арабскаго, турецкаго, персидскаго и еврейскаго единогласно избранъ *Вилькенъ*, одинъ изъ первыхъ оріенталистовъ въ Германіи¹⁾. Не поѣхали въ Харьковъ известные профессора *Сарторій* и *Гейнрихъ*, къ которымъ также обращались съ приглашеніемъ переселиться въ Россію и занять вакантныя кафедры въ Харьковскомъ университетѣ. Первый рекомендовалъ на предлагаемое ему мѣсто *Ковердена*, а второй хотѣлъ было ѣхать, но въ концѣ концовъ раздумалъ, какъ это видно изъ письма его отъ 9 іюля 1805 г. Въ этомъ письмѣ онъ пишетъ, ²⁾ что будучи недоволенъ

¹⁾ Ibidem. стр. 99—100.

²⁾ Вотъ подлинный текстъ его письма.

Theuerster Freund,

Der Antrag einer öffentlichen Lehrstelle auf der Universität zu Charkow ist mir Allerdings sehr schmeichelhaft u. ehrenvoll. Auch glaube ich, dass ich dem Amte keine Schande machen würde. Ich habe 6 Jahre, die schönsten meines Lebens, in Russland zugebracht, bin mit der Nation und der Verfassung des Reichs nicht unbekannt, spreche zwar nicht russisch, könnte mich aber doch in 4 anderen Sprachen auf dem Lehrstuhle verständlich machen. Zudem bin ich mit mehrern hiesigen Einrichtungen nicht so zufrieden, dass ich mich auf immer hier zu bleiben entschliessen könnte. Wirklich brachte mich dies zusammen genommen auf den, in meinem vorigen Briefe geäußerten Wunsch meine Zufriedenheit anderwärts, selbst in Russland, suchen u. finden zu können. Aber an das zu entfernte Charkow dachte ich damals freylich nicht. Wenn ich auch da meine Zuhörer, als Professor, befriedigen würde, so würde ich doch mich selbst nicht befriedigen können.—Sie wissen, welche ungeheure Menge von Büchern der schreibende Historiker braucht; Ihre Bibliothek aber ist zur Zeit noch höchst unvollständig. Ich würde also nicht mit der gewohnten, mit meiner Existenz unzertrennlich verbundenen, schriftstellerischen Thätigkeit fortarbeiten können; nicht zu gedenken, dass ich von so manchen gelehrten Freunden u. Hilfsquellen würde abgeschnitten worden, wenn ich den Ruf annähme. Verzeihen Sie daher, dass ich ihn ablehne und vor der Hand noch in Deutschland bleibe. Indessen danke ich Ihnen für Ihre sehr freundschaftliche Gesinnung gegen mich mit aufrichtigem u. gefühlvollen Herzen. Wäre es ein Antrag nach Dorpat oder Moskwa gewesen, so hätte ich ihn wohl ohne Bedenken angenommen.

An Hrn Prof. Georg ist nicht zu denken. Seiner Geschicklichkeit im cameralistischen Fache ist Keineswegs zu bezweifeln; er liest u. schreibt mit Beyfall, aber, so viel ich weiss, jenes nur in deutscher Sprache. Ueberdem ist er sehr hypochondrisch, u. seit kurzem des academischen Lebens so müde, dass er vor wenigen Wochen seine Dimission genommen hat u. nach Frankfurt a. M. abgehen wird, um hier zu privatisiren. Unter diesen Umständen habe ich wohl nicht nöthig, auch auf diē Frage von seinem moralischen Charakter zu antworten, ungeachtet diese Antwort nicht zu seiner Nachtheil ausfallen könnte.

нѣкоторыми порядками, царившими въ Іенскомъ университетѣ и хорошо знакомъ съ Россіей, въ которой онъ провелъ 6 лѣтъ, наилучшихъ въ его жизни, онъ высказалъ желаніе найти себѣ пристанище въ Россіи. Но онъ не думалъ о слишкомъ отдаленномъ Харьковѣ. Еслибы даже въ этомъ послѣднемъ онъ былъ полезенъ для своихъ слушателей, которымъ онъ могъ бы читать на 4-хъ языкахъ (исключая русскаго, въ вѣдѣніи котораго онъ сознается), то онъ не въ состояніи былъ бы продолжать успѣшно своей научной дѣятельности — историческихъ работъ, вслѣдствіе недостатка нужныхъ ему пособій въ университетской библіотекѣ. Онъ жалѣетъ, что долженъ отказаться отъ столь почетнаго и лестнаго для него предложенія. Если бы шла рѣчь, прибавляетъ Гейнрихъ, о Дерптѣ или Москвѣ, то я безъ сомнѣнія бы принялъ предложеніе. Кончаетъ свое письмо Гейнрихъ строками, касающимися его товарища по университету проф. Георга и любезностями по адресу профессорской коллегіи Харьковскаго университета. Проф. Гейнрихъ не даромъ говорилъ, что главнымъ препятствіемъ къ его переѣзду въ Харьковъ является бѣдность Харьковской университетской библіотеки. Дѣйствительно онъ усердно работалъ по исторіи и написалъ между прочимъ слѣдующіе труды: 1) *Deutsche Reichsgeschichte*, 2) *Geschichte von Frankreich* и 3) *Geschichte von England*. Спрашивается, гдѣ бы въ Харьковѣ онъ могъ найти матеріалы для послѣдняго, напримѣръ, сочиненія, надъ которымъ онъ именно работалъ въ то время (въ 1805 году), когда университетская библіотека только что формировалась и въ 1805 году въ ней было по всѣмъ отдѣламъ менѣе 5000 томовъ книгъ?

Переѣзду въ Харьковъ особенно выдающихся заграничныхъ профессоровъ препятствовало также то обстоятельство, что совѣтъ не могъ имъ предложить болѣе выгодныхъ матеріальныхъ условій сравнительно съ другими кандидатами. Уставъ назначалъ одинаковый размѣръ жалованья для всѣхъ профессоровъ и не допускалъ ни для кого исключеній изъ этого правила. Между тѣмъ въ Пруссіи и Германіи того вре-

Den ill. Senat Ihrer Academie versichern Sie meiner dankvollsten Ehrerbietung für das gegen mich geäußerte Zutrauen. Es thut mir ernstlich weh, dass ich meiner Neigung, mit so würdigen Männern, in collegialische Verhältnisse zu treten nicht folgen kann.

Ihrem werthen Hause und meinen Freunden in Charkow empfehle ich mich u. die Meinigen zum fortdauernden Wohlwollen, u. bin mit wahrer Verehrung.

Eu. Wohlgebohren
gehorsamster Diener Chr. Gottl. Heinrich.

Iena, den 9 Jul.
1805.

мени господствовалъ другой взглядъ на это дѣло: для того чтобы удержать на мѣстѣ или привлечь на извѣстную кафедру знаменитаго профессора, тамъ считали возможнымъ затрачивать и большую сумму, чѣмъ полагалось по штату; благодаря этому, Вольфъ остался на мѣстѣ и не переѣхалъ въ Россію.

Но нельзя не сознаться, что и наша система имѣла въ то время одну выгодную сторону: это *единообразіе*, устранявшее возможность такихъ недоразумѣній, какія встрѣчались бы при отсутствіи его. Чрезвычайно характернымъ въ этомъ отношеніи является примѣръ Іенскаго профессора Георга. Этотъ послѣдній, хотя и не принадлежалъ къ числу первоклассныхъ ученыхъ, но высказалъ такіа требованія для перехода своего въ Харьковъ, какія не могли быть удовлетворены совѣтомъ и даже едва ли соотвѣтствовали его ученой извѣстности и ожидаемой отъ него пользѣ. Перениску съ нимъ велъ Шахъ. Въ университетскомъ архивѣ сохранилось впрочемъ только послѣднее его письмо (на нѣмецкомъ языкѣ¹⁾)—другого болѣе ранняго письма (на латинскомъ языкѣ) мы не нашли. Письмо Георга отличается необыкновенною обстоятель-

¹⁾ Вотъ его оригиналь.

Mein hochgeschätzter und werther Freund!

Wegen dieser Zeilen muss ich um Vergebung bitten: sie sind Nachtrag zu meinem vorgestern an Sie abgefertigten Schreiben, die Ihnen Antworten auf Ihre geneigte Anfrage bringen. Ich fürchte nehmlich, dass sich einige Sprachfehler eingeschlichen haben, die ich vielleicht nicht gemacht haben würde, wenn ich mich nicht nach einer mehrere Tage langen Ueberlegung der Sache, um Ihrem Verlangen nach baldiger Antwort Genüge zu leisten, wirklich übereilt hätte. So viel mir darüber Zweifel einfallen, will ich hiernächst anzeigen: ich bitte aber so wie dieser muthmasslich begangenen Fehler, auch aller etwaigen übrigen wegen um Ihre Verzeihung, gütige Entschuldigung bei Ihren Herren Collegen, und Verbesserungen derselben in den Originalien.

Ich fürchte nehml. geschrieben zu haben: 1) *Copies* statt *ceperis*, ein Sinn-Fehler; 2) *consequerem* statt *consequerer*; als Deponens *consequi* kommt noch einigemal richtig in den beiden Schreiben vor. Diese in dem öffentl. Schreiben. In dem Additamento zu dem öffentl. Schreiben, möchten vorkommen: 1) *in pecunia* *attinens* statt *in pecunia adtinente*. 2) *in vicinium* statt *in viciniam*; 3) *ei fundum et pecuniam, quin etiam honoribus eum ornavit*—hat gar keinen sinn: es soll heissen *ei fundum dedit et pecuniam*, etc, oder *eum fundo, pecunia, q. e. h. ornavit*. Auch statt *Maedam expung.*—*me q. ex.*

So unendl. leid es mir ist, dass der flüchtigen Feder diese fatalen Fehler entchlüpf sind, so ist es einmal passirt, und ich kann sie durch nichts, als durch diese Anzeige, vielleicht nur zum Theil gut machen. Ein Glück, dass ich eine kl. lateinische Schrift beigelegt habe, die so zieml. rein ist (2—3 Fehler abgerechnet, die aber, da die Worte *mehrmalen* richtig im Buchelchen vorkommen, offenbare Druckfehler sind). Wie Ihr bedarf ich doch Ihrer Güte und Nachsicht! Zumal da man mir sagt, dass alles aufgebo-

ностью и пунктуальностью: въ немъ предусмотрѣны малѣйшія случайности, касающіяся матеріальнаго обезпеченія новаго профессора въ Россіи; авторъ его обнаруживаетъ удивительное знакомство даже съ полнымъ собраніемъ законовъ Россійской Имперіи—именно съ тѣми статьями, которыя трактуютъ о русскихъ рубляхъ; его предусмотрительность доходитъ до того, что онъ указываетъ лицо, которое черезъ 10 лѣтъ

Den ubrigen Raum des Papiers benutze ich noch für den Fall, wenn meine ersten Schreiben nicht gelangt seyn sollten, u. diesem dieses Glück zu Theil werden sollte. Denn es ist auf dieser weiten Route und bei der so verschiedenen Postverwaltung in den verschiedenen Ländern, durch welche sie sich zieht, der Fall leicht möglich, dass eines oder das andere verloren gehen könnte. Der Inhalt meines letzten Antwortsschreiben stehe mithin in aller Kürze hier nochmals. (Meine *Institutiones juris forestalis Germ.* sende ich nicht nochmals):

1) Ich bat den illustren Senat um Mittheilung aller Gesetze und Bedingungen, unter welchen ein Professor dort überhaupt, zunächst der Prof. der Landwirthschaft seine Stelle anzutreten, und zu versehen hat. Auf den Fall mir die Bedingungen convenirten, sey ich nicht abgeneigt, der Vocation, die mir zu Theil werden sollte, zu folgen.

2) Ich setzte kürzlich auseinander, was zur Wirksamkeit einer solchen Stelle, zumal in Ihrer Gegend, wo es an augenscheinlichen Beispielen der Cultur so sehr mangelt, unumgängl. nöthig seyn dürfte. Der Prof. der Landwirthschaft sollte nemlich zugleich *Director* eines *Oökonomischen Instituts* seyn. Zu dem Ende sey zu wünschen:

a) dass er etwa mit 50 Desätinen Lands ganz zunächst dichte an der Stadt eingeräumt erhielte, so bald er seine Stelle antritt (zur Noth auch weniger).

b) dazu das hinreichende Geld in einem Zeitraum von 2—3 Jahren nach u. nach.

α) um die nöthigen Gebäude, als Wohnhaus, Stallungen, Scheuern, Keller, Schuppen, Brunnen, Mauern oder Umzeunungen, Brauhaus, Branntweinbrennerey und s. f. aufzuführen.

β) um die dazu nöthigen Einrichtungen vorzunehmen, die Geschirre, Gefässe, die Instrumente nach den besten Modellen gefertigt anzuschaffen u. dgl.

γ) um die *principia—seminum* u. *pabuli*, das nöthige Vieh u. dgl. beizuschaffen, die erste Bodencultur anzunehmen u. dgl.

c) Einen jährl. Zuschuss von 1000 Rubel zur völligen Bestreitung der Ausgaben in der inneren Wirthschaft, denn da ich teutsche Arbeiter nöthig und diese russisch zu bezahlen habe, um sie dahin zu bewegen, da ich eine Menge Samenwerk, Propf—reiser, Fexer u. dgl. aus verschiedenen Gegenden mit grossen Kosten nach u. nach kommen lassen muss, da ferner das Land in hunderterley kostspieligeren Pflanzenbau eingetheilt werden muss, um dem Unterricht Genüge zu leisten, und da der Oekonom mit aller Kunst die Witterung nicht vorhersehen und regieren kann: so erhellet daraus schon zur Genüge, dass ich wohl wenig verlange, und viel wage, wenn ich damit ausreichen soll. Bei ausserordentl. Unglücksfällen, als Hagelschlag, grossem Misswachs, und bei *vorgeschriebener* Wirthschaftsweise aber kann ich keine Summe des Zuschusses eingehen. Ohnedem nehmen die vielen Experimente viel Geld hinweg; und besonders ist aller Anfang selbst einer nicht ungeübten Hand nicht leicht.

детъ получать для него отъ русскаго правительства пенсію. Но вмѣстѣ съ этимъ Георгъ пропагандировалъ и устройство въ Харьковѣ одного щепозеленаго учрежденія—агрономическаго института.

Вотъ условія, на которыхъ Георгъ соглашался переѣхать въ Харьковъ. Онъ раньше уже просилъ совѣтъ университета сообщить ему о правахъ, которыми пользуются въ Россіи профессора вообще и преподаватели въ частности.

3) Ich zeigte die Vortheile einer solchen Anstalt. Sie wäre nicht nur Schule für Studenten, sondern auch für das Publikum, das da bessere Instrumente, Landbestellungs—u. Behandlungs—weisen sieht,—die besseren Pflanzen nach und nach erhält, mit ihrer Zubereitung bekannt wird, und den Professor zur Seite hat, um sich über dieses und jenes zu erkundigen, was ihm nicht deutlich ist. Ich führte das Beispiel des Thärschen Instituts an, das der König von Preussen kürzlich errichten liess, und das im Grunde dasselbe ist, wie ich es hier gebe; oder viceversa vielmehr *).

4. Ich gab meine Wünsche an, unter welchen ich die Professur annehmen würde, falls ich dazu berufen werden sollte. Diese sind hier nochmals:

a) Obiges Land, Kapital zu den beschriebenen Bedürfnissen, und obiger jährl. Zuschuss (den ich aus Nachrichten über verschriebene Preise dortiger Gegend ohngefähr calculirte).

b) Als Professor der Landwirthschaft 2000 Rubel fixen Gehalt. Als Director akademisch-ökonomischen Instituts eben so viel; in Summa jährl. 4000 Rubel fixen Gehalts. (Wie stehet denn um die Collegiengelder?)

c) Nach Ablauf von zehen Jahren, wenn ich dann nach Teutschl. zurück wollte, eine jährliche lebenslängl. Pension von 2000 Rubeln. Diese franco par tout in Frankfurt am Mayn (etwa durch den dortigen Russisch.—Kaiserl. Consul Hⁿ Bethmann, den Gewerterkindsvetter meiner Frau) jährl. auszuzahlen.

d) Nach Ablauf von 5 Jahren, wenn ich dann zurückwollte, eben so viel Reisegeld, als ich Umzug erhalten habe. Dagegen will ich meine etwa 3500 Bände starke Bibliothek, worunter sehr viele und kostbare Kupferwerke sind, die zum Thl. in grosse Bibliotheken gehören, der Akademie umsonst zurücklassen. Diese Bibliothek kostet mich etwa fünftausend Thaler!

e) Dasselbe beneficium meiner Frau (N. d.) wenn ich früh oder spät dortselbst zum Tod abgehen würde, und sie zurückwollte; eben so meinen Kindern, im Falle meine Frau mich nicht überlebte.

f) Hinlängliches Reisegeld, in Rücksicht

a) auf die natürliche Schwachheit meiner Kinder, worunter eines von jetzt 14 Jahren, und meines Weibes, (es ist auf tägl: 5 Meilen, und auf 4 Pferde, dann auf Rasttag und Sonntagen, so wie auf die ungeheure Prellerey in den an die Juden verpachteten Leipen in Pohlen, endl. auch auf besondere Zufälle gnädigste Rücksicht zu erwarten).

β) Auf Bibliothek und Hausgeräthe aller Art, was des Transports nicht unwürdig ist. Dies wiegt zusammen etwa 150 Ctr Nürnberg. oder Frankft. Gewicht, wie ich aus meinem Umzug sicher weiss. Davon habe ich allen Reise—Überschuss, den ich mir hier beschaffte, als gemeine Tische u. Stühle, Schränke u. dgl. schon abgerechnet. Die Consequen-
za gehet mit mir zugleich.

*) Es ist mir nicht unbekannt, was Friebe Russlands Handel etc. I. S. 173 von den Versuchen und Ausführungen eines Rasumowski und Rumänzow sagt, und verwundert diese grossen Beispiele wohl die Aufmerksamkeit der hohen Behörden?

даватели земледѣлія въ частности. По его мнѣнію, профессоръ земледѣлія въ Харьковскомъ университетѣ одновременно долженъ былъ бы быть и директоромъ хозяйственнаго института. Для этой цѣли желательно, чтобы онъ получилъ немедленно по вступленіи въ должность около 50 десятинъ земли у самого города (въ крайнемъ случаѣ и меньше), затѣмъ въ теченіе 2—3 лѣтъ постепенно суммы, необходимыя для

γ) Das Reisegeld entweder in Leipzig ganz pränumerirt, oder die Hälfte in Leipzig, die andere in Cracau.

g) Unter Rubeln seyen zu verstehen Rubeln in blanker Silber-Münze (in specie), deren XIII Stück eine feine Mark Cöln: machen, oder die nach dem Münz-Gesetz von A° 1763 ausgeprägt sind. Rubeln in Banco-Papier sey ich nach keinen Cours anzunehmen gehalten.

h) Ubrigens alle Rechte, Privilegien, Emolumente u. Ehren, wie ieder der Herren Professoren dortselbst.

Endlich bat ich inständig, diese meine sehr frühzeitigen Propositionen mit dem Hinblick auf den wohlgemeyneten Zweck der möglichsten Beschleunigung der Sache anzusehen. Ich wollte das Geringste, was ich nach meinen Verhältnissen eingehen kann, sogleich angeben, um die Sache für jeden Fall abzukürzen.

Irre ich mich nicht, so sagt mir der Geist Ihrer Schriften, dass Sie in der heiligen Flamme des hehren akademischen Geistes, dem Verbreitung der Cultur der Reiz des Lebens ist, die Sache mit Vorschlägen, Erläuterungen, Erklärungen, Empfehlungen kurz mit allen Mitteln bei den Herren Curatoren betreiben werden, deren sie nicht ganz unwürdig zu seyn scheint. Auch Ihr Wink in Ihrem Schreiben, nach dem ich dort manches thun könnte, lasset mich das hoffen: er zeigt die Theilnahme eines Menschenfreundes, das heist eines wahren Philosophen an einem schönen Zweck—zu dem nur die Mittel gehören. Sollten Sie sich nicht zur Urquelle eines solchen Instituts machen wollen, das Charkow von anderen mit auszeichnen könnte? Wer anders, als Sie wären Sie? Das Klima und der Boden lassen was Vorzühl. hoffen. Indessen, was auch der Ausgang sey: so haben Sie nur die Gewogenheit, mir so bald zu antworten, als Sie meinen Brief durchlesen und überdacht haben: ob Sie wohl nach der ganzen Lage der Dinge, nach dem Finanz-état nehmlich, und nach dem Geschmack der höheren Behörden an einem solchen Institute, als jenes werden könnte, glauben, dass die Vorschläge werden angenommen werden, oder nicht. Bis Michaelis bin ich hier: sollten Sie mir auch noch so bald antworten, so erhalte ich Ihr Schreiben, hier nicht mehr. Ich bitte also recht sehr, mir solches unter der Adresse: An Prof. Georg zu Bayreuth im Fränkischen Kreise gefälligst zuzusenden. Meine Sachen nehme ich von hier nach Bayreuth vor der Hand nicht mit, da ich ietzt zwischen 2 Stühlen sitze. Sollten aber obige Bedingungen *wahrscheinlich* angenommen werden, so setze ich andere Gelegenheiten *entschieden* zur Seite, und eile zu Ihnen einstweilen in Gedanken. Dass Sie sich keine vergebl. Mühe, von mir verschuldet, geben, darüber mein Ehren-Wort!

Ihre Erkundigung um mich dahier, die ich völlig billige, ist weder für Sie, noch für mich in die besten Hände gekommen. Für Sie—man bekrittelt die Worte „characteres scientifico et morali“ (welche der Deutlichkeit ganz entsprechen) u. trommelt sie wie man sagt als „characteres stylisticos Charkovienses (oder Scharkowiensis?) herum; für mich nicht, weil der Herr N. N. der zugl. mit mir Ihr Schreiben erhielt, mein

возведенія построекъ (жилыхъ помѣщеній, конюшенъ, погребовъ, винокуреннаго и пивовареннаго завода и т. п.), для покупки инструментовъ, посуды лучшихъ образцовъ, для приобрѣтенія скота, сѣмянъ и т. д., и ежегодную ассигновку по 1000 р. для веденія хозяйства (онъ подробно исчисляетъ назначеніе этихъ денегъ). Этотъ институтъ служилъ бы прекрасной школой не только для студентовъ, но и для публики, которая видѣла бы тамъ лучшіе инструменты и орудія, лучшіе способы обработки земли, получила бы мало-по-малу лучшія растенія, ознакомилась бы съ ихъ разведеніемъ и имѣла бы возможность обращаться за разъясненіемъ своихъ недоумѣній къ профессору-специалисту. Лично для себя Георгъ хотѣлъ слѣдующаго: 2000 р. жалованья въ качествѣ профессора земледѣлія и столько же за директорство въ хозяйственномъ институтѣ (всего 4000 р.); по истеченіи 10 лѣтъ, если бы онъ захотѣлъ вернуться въ Германію, ежегодную пенсію въ размѣрѣ 2000 р., свободную отъ всякихъ вычетовъ и уплачиваемую во Франкфуртѣ на Майнѣ черезъ тамошняго русскаго консула Бетмана (двоюроднаго брата его жены); если бы онъ пожелалъ вернуться, по истеченіи 5 лѣтъ, — столько же денегъ на путевые расходы, сколько получено было бы имъ для пріѣзда въ Россію (за то онъ готовъ пожертвовать Харьковскому университету свою бібліотеку, состоящую почти изъ 3500 томовъ, между которыми очень много цѣнныхъ гравюръ на мѣди, стоящую около 5000 талеровъ) и такой же „beneficium“ его женѣ, если онъ скончается въ Россіи, а эта послѣдняя пожелаетъ вернуться въ отечество; тоже и для дѣтей, если бы жена умерла раньше его. Путевые расходы Георгъ высчитывалъ такъ: а) прогоновъ на 4 лошади по 5 миль въ день, включая праздники и воскресенія, съ прибавкою нѣкоторой суммы на уплату еврейямъ-корчмарямъ и на другія непредвидѣнные расходы; б) известную сумму для перевозки бібліотеки и домашняго скарба (исключая мелкихъ вещей — столовъ, стульевъ, которыя не будутъ перевозиться) — всего 150 центнеровъ нюрнберскаго или франкфуртскаго вѣса (450

Freud so wenig ist, als manche Andere, deren Namen Ihnen so fremd nicht seyn möchten.—Die fatalen Senats-verhältnisse haben so manches Uebel gestiftet! Wissen Sie, dass zur Zahl der Abgegangenen auch Thibaut, Ackermann, Fries, Voss und zu den Bald-Abgehenden Stock jun. u. vermut. auch der wackere Augusti gehören? Alle Abgehende klagen über das gute Jena nicht; aber über

Mit wahrer Hochachtung Ihr gehorsster D-er.

Jena den 10 Julii 1805

Georg.

Sollte sich die Sache etwa machen; so schreiben Sie mir gefälligst recht viele Preise verschiedener Waren, und Bedürfnisse an Pflanzenarten unseres Landes. Haben Sie für oder aus Teutschland etwas zu besorgen, so tragen Sie mir es ja gefälligst auf; es besort es ein Freund.

пудовъ). Всѣ эти суммы должны быть выданы или впередъ, или половина въ Лейпцигѣ, а половина въ Краковѣ и при томъ отнюдь не бумажными деньгами (которыхъ, прибавляетъ Георгъ, я не обязанъ принимать ни по какому курсу), а серебряными, новыми (не обезцѣненными) рублями, отчеканенными согласно монетному уставу 1763 года (13 штукъ ихъ образуетъ одну марку чистаго серебра). Въ остальномъ Георгъ желалъ пользоваться правами и привилегіями русскихъ профессоровъ. Письмо заканчивалось нѣсколько загадочной фразой, что причиненный имъ, Георгомъ, профес. Шаду трудъ не напрасенъ—въ томъ его слово. Условія, предложенныя Георгомъ, были прочитаны въ совѣтѣ университета и признаны слишкомъ тяжелыми; кандидатура Георга на должность Харьковскаго профессора была здѣсь отклонена, и любопытно, что главнымъ мотивомъ для ея отклоненія выставляется незнаніе Георгомъ латинскаго языка: „decrevit Senatus academicus eum his sub conditionibus praesertim ob ignorantiam linguae qualiscunque alterius praeter germanicam in numerum professorum recipi nequaquam posse“. Для объясненія этого факта нужно замѣтить, что передъ этимъ Георгъ, въ отвѣтъ Шаду, написалъ письмо на латинскомъ языкѣ и сдѣлалъ въ немъ много ошибокъ, которыя и оговариваетъ въ своемъ 2-мъ нѣмецкомъ письмѣ. Много повредилъ Георгу также, кажется, краткій, но довольно ядовитый отзывъ его товарища по университету профессора Гейнриха. О профессорѣ Георгѣ, писалъ проф. Гейнрихъ, и думать нечего. Званіе имъ своей специальности внѣ сомнѣнія; онъ читаетъ и пишетъ съ успѣхомъ; но, во 1-хъ, только по нѣмецки, а, во 2-хъ, онъ—инпохондрикъ да къ тому же и усталъ отъ университетской дѣятельности, такъ что недавно даже вышелъ въ отставку.

Впрочемъ иногда и очень выдающіеся нѣмецкіе профессора переселялись къ намъ изъ Германіи на обычныхъ условіяхъ ихъ вознагражденія. Это, напримѣръ, нужно сказать о профессорѣ *Якобѣ*, который принималъ приглашеніе совѣта и былъ нѣкоторое время украшеніемъ этнополитическаго отдѣленія нашего университета. Когда Сев. Осип. Потоцкій вошелъ съ предложеніемъ о приглашеніи его въ Харьковъ, то иностранные члены совѣта единогласно заявили, что, это „*vir, qui plurimis operibus philosophicis et potissimum novissimo opere de oeconomia politica edito in orbe litterario est notissimus*“.

Рядомъ съ профессорами, которые не соглашались ѣхать въ Харьковъ, слѣдуетъ отмѣтить и тѣхъ, которые сами предлагали себя въ преподаватели Харьковскаго университета; таковъ былъ, напримѣръ, итальянскій ученый Куоко и Руифтенъ. Первый обратился съ просьбой о рекомендаціи къ проживавшему въ Италіи польскому графу Оаддеу

Морскому, бывшему въ дружескихъ отношеніяхъ съ попечителемъ Сев. Осн. Потоцкимъ и приславшему отъ себя просительное письмо за него къ этому послѣднему. Въ примѣчаніи мы помѣщаемъ въ подлинникѣ оба письма, а здѣсь только передадимъ содержаніе перваго изъ нихъ ¹⁾. Въ немъ Куоко проситъ своего друга Оаддея Морскаго написать въ

¹⁾ Вотъ его итальянскій текстъ.

Amico.

E giorno di posta; ed io mi prendo la libertà di rammentarvi la promessa fatami di voler scrivere al Ministro dell Istruzione Pubblica in Pietroburgo onde poter avere una cattedra in una delle Università di quell' Impero.

Mi sarebbe sempre cara una situazione nella quale io potessi coltivare con tranquillità quegli studj che formarono l'occupazione de più begli anni della mia vita, ed ai quali son contento di esser ritornato. Ma se questa stessa situazione la potessi ottenere in un' Impero che per la sua intrinseca forza e per la sua posizione è lontano da tutte quelle vicende che han desolata e che minaccian di desolar di nuovo la mia patria; in un Impero ove un Principe, pieno di mente e di cuore, sa conservar l'ordine e farlo amare, e simile a Trajano, sa riunir due cose le quali difficilmente sogliono stare insieme, la libertà e l'Imperio; la mia situazione mi sarebbe carissima.

Voi mi conoscete. Scrivete di me quello che crederete opportuno.—Per un saggio delle mie cognizioni potrei, se voi lo crederete necessario, inviare i due primi volumi del mio *Platone in Italia*: il terzo è ancora sotto il torchio. Un giudizio sopra quest opera che ora si vuol tradurre in Tedesco, è stato dato dall' *Italienische Miscellen* giornale letterario che si stampa dal librajo Cotta 'schen di Tubinga. — Ho stampata anche una picciola operetta statistica sul *Dipartimento dell' Agogna*, che avrò il piacere di offrirvi il primo giorno che verrò da voi.

Se si desiderassero altre prove sulla mia persona, sui miei studj, sulla mia morale, son pronto a darne. Non le offro perchè credo far un torto a voi. Un uomo che voi avete riputato degno della vostra amicizia e che voi stesso raccomandate, qual prova potrebbe dar di sè che meritasse più fede del vostro giudizio e della raccomandazione vostra?

La cattedra che io desidererei sarebbe di filosofia speculativa o morale, di legislazione, o di economia politica. — Desidererei averla in una Università di Polonia o di Wolhynia; Wilna, per esempio, Kaminiek ec. ec.

Nel tempo istesso desidererei sapere qual sia lo stipendio assegnato ai professori, e se si dia loro qualche indennizzazione per le spese del viaggio, tanto più se converrà seco qualche provvisione di libri.

Io mi avvedo, Sig-r Conte, che vi sono importuno, ma la mia importunità vien dalla fiducia che io ho nell' amicizia vostra, e questa fiducia è l'attestato più sincero di stima che io possa rendere al vostro cuore.

Milano 20 Marzo 1805.

Vro amico
Vincenzo Cuoco.

Привосимъ сердечную благодарность М. М. Пнито за переписку и переводъ этого документа.

Петербургъ министру народнаго просвѣщенія письмо о назначеніи его профессоромъ одного изъ русскихъ университетовъ. Мнѣ было всегда по сердцу, говорить Куоко, такое положеніе, въ которомъ я могъ бы предаться занятіямъ, наполнявшимъ лучшіе годы моей жизни. И если бы подобное положеніе я могъ получить въ государствѣ, обеспеченномъ

А вотъ письмо О. Морскаго.

Milan le 20 de Mars 805.

J'aime à croire mon estimable ami, que ni le temps ni l'éloignement ne sauraient émousser le souvenir de notre liaison de société et d'amitié qui date depuis 30 ans, et que par conséquent Severin le Sénateur et le Ministre recevra toujours avec quelque intérêt des nouvelles de son ancien ami Thadé qui n'est plus rien et ne conserve d'autre titre mérité que celui d'ami vrai et solide. — Le motif qui m'engage à vous écrire est de nature à nous faire honneur à tous deux, et du bien à une partie de notre pauvre Patrie. Je voyage en Italie depuis plusieurs mois, cherchant toujours pour mon instruction et mon amusement à vivre avec les gens de lettres du Pays. Arrivé ici pour y voir de près les événements intéressants qui s'y préparent à l'arrivée prochaine du Monarque français, j'y ai apporté entre autre une recommandation pour M-r Vincent Cuoco, auteur de l'Histoire de Naples du voyage de Platon en Italie et de plusieurs autres ouvrages de critique extrêmement estimés. La connaissance plus particulière de M-r Cuoco a augmentée mon estime pour lui, d'autant plus que M-r Felici Ministre de l'Intérieur de cet État homme extrêmement respectable est son ami, et m'assure que Cuoco joint la moralité et les mœurs les plus sévères et les plus purs à ces vastes connaissances et à cette sagacité cette diction, qui en font un des plus beaux génies de notre temps. — Éloigné de Naples sa patrie, il m'a manifesté le désir de passer quelques années dans nos contrées du Nord et comme quoique de bonne naissance et né de parents liés anciennement avec le Duc de Sevrà Capriola que vous voyez chez vous, il n'est pas riche, j'ai crû avantageux et possible de vous engager à lui procurer une chaire de Professeur à Wilna, ou à Kamienieck ou bien quelque part en Volhynie.

Je vous envoie le billet qu'il vient de m'écrire et où il détaille ses vues et vous prie de le protéger efficacement dans ce dessein et d'être persuadé que c'est une excellente acquisition que vous allez faire au service du Prince vraiment auguste que vous avez le bonheur de servir. — Comme ce soin demande du temps et que j'ignore où cette lettre peut vous trouver il est probable que votre réponse ne me trouve plus à Milan, vous pouvez en conséquence la lui adresser en droiture soit par le Duc de Sevrà-Capriola ici, soit sous le couvert de S. E. M-r Felici Conseiller d'État et ministre de l'Intérieur de la république Italienne. Que si mon ami veut m'écrire à moi votre lettre adressée ici sous le couvert de *M-rs les frères Balabio et Besana Banquiers à Milan* me suivra et me parviendra partout. Je ne vous écris pas de nouvelles, parce que j'ignore tout et ne m'informe de rien, le Prince Eugène de France (ci devant M. de Beauharnois) est ici, ainsi que les Gardes Impériales qu'il commande; les mamelouks sont en possession d'occuper la curiosité du public. On attend l'Empereur avec sa famille et le Pape vers Pâques. Notre Empereur d'Allemagne doit dit-on se rendre vers le même temps à Venise.

Adieu mon ancien et estimable ami, conservez moi toujours les sentiments que vous m'avez accordés sur de mon zèle à les mériter et à les reconnaître.

Thadé Morskj.

Je vous enverrai sous peu l'ouvrage mentionné du Voyage de Platon en Italie à l'adresse de Woyna à Vienne.

внутренней силой своей отъ всѣхъ тѣхъ невзгодъ, которыя удручали и вновь общають удручать мою родину, въ такой страѣ, въ которой Государь, исполненный ума и сердца, умѣетъ отстаивать и заставить полюбить порядокъ и, подобно Траяну, соединить двѣ вещи, трудно соединимыя — свободу и власть — я бы считалъ его наиболѣе привлекательнымъ. Вы меня знаете; пишите обо мнѣ то, что сочтете нужнымъ. Для доказательства моихъ знаній я могъ бы прислать, если Вы признаете это необходимымъ, первые два тома своего сочиненія „Платонъ въ Италіи“ (третій томъ еще въ печати). Рецензія на эту книгу, которую собираются перевести на нѣмецкій языкъ, помѣщена въ литературномъ курвалѣ „Italienische Miscel.“, издаваемомъ въ Тюбингенѣ. Я издалъ также не большую статистическую работу „Объ Агоньскомъ департаментѣ“. Если потребуются другія доказательства моихъ занятій и нравственности, я готовъ сообщить таковыя. Не предлагаю ихъ теперь, такъ какъ Вы, сдѣлавъ меня достойнымъ своей дружбы, этимъ самымъ уже рекомендуете меня. Я желалъ бы получить кафедру умозрительной или нравственной философіи, или законовѣдѣнія, или политической экономіи въ одномъ изъ университетовъ Польши или Волыни (напримѣръ, Вильнѣ, Краковѣ (sic) и т. п.). Вмѣстѣ съ тѣмъ я желалъ бы знать, какое жалованье назначено профессорамъ, и получаютъ ли они прогоны, въ особенности если придется везти съ собою нѣкоторый запасъ книгъ. Оадей Корскій съ своей стороны рекомендовалъ Куоко Потоцкому, котораго въ повидимому ошибочно считалъ министромъ, какъ усерднаго и добросовѣстнаго работника. Но, несмотря на все это, Куоко въ Харьковскій университетъ не попалъ, вѣроятно же всего потому, что тогда не было ни одной вакантной кафедры, которую онъ могъ бы и хотѣлъ бы занять.

Другой кандидатъ Руифтенъ хотѣлъ занять мѣсто профессора исторіи и литературы въ Харьковѣ, вслѣдствіе своихъ талантовъ, знанія 5 языковъ, знакомства съ знаменитыми учеными Германіи и Италіи и, наконецъ, рекомендаціи, данной ему дядей Государя герцогомъ Виртембергскимъ. Въ такомъ смыслѣ онъ и написалъ уже изъ Харькова графу Сев. Осип. Потоцкому письмо, сохранившееся въ университетскомъ архивѣ; оно очень характерно и мы приводимъ его во французскомъ оригиналѣ. Но всѣ эти ссылки на знаменитостей не прили ни къ чему: совѣтъ Харьковскаго университета отклонилъ его кандидатура 1).

1) Вотъ это письмо.

Monsieur le comte. Privé par un violent point de côté, de l'honneur de pouvoir rendre personnellement mes hommages à Votre Excellence; je prend la liberté de vous en témoigner par écrit mes plus vifs regrets. La bonté que S. E. monsieur le Gouverneur

Д. И. Багалъ.

Имѣя въ виду замѣстить какую либо вакантную кафедру, члены совѣта Харьковскаго университета обращались за рекомендаціей подходящихъ кандидатовъ къ выдающимся представителямъ западно-европейскихъ университетовъ. Потерявъ надежду пригласить лично ихъ самихъ въ составъ своей коллегіи, Харьковскіе профессора по крайней мѣрѣ хотѣли воспользоваться ихъ авторитетными отзывами о лицахъ, которые могли занять кафедры въ юномъ Харьковскомъ университетѣ. Само собою разумѣется, что роль посредниковъ между ними и совѣтомъ брали на себя почти исключительно иностранные профессора, у которыхъ остались ученые связи и отношенія съ западомъ и которые, какъ мы уже замѣтили выше, были прямо заинтересованы въ томъ, чтобы усилить свой составъ новыми лицами. Со стороны высшего представителя

neur a eue de vous intéresser en ma faveur, m'inspire la hardiesse de détailler à Votre Excellence les motifs qui m'ont déterminé à solliciter une place de professeur à l'université de Charkow. Recommandé particulièrement par l'oncle de S. M. notre auguste Monarque, Monseigneur le Duc de Wurtemberg et cela dans des termes si flatteurs, que ma modestie me défend de les alléguer ici. Comme particulièrement des premiers savans de l'Allemagne, qui m'honorent de leur estime et de leur amitié; tels que un d'Archenholz, un Abbé Hencke, un Abbé Lichtenstein, ces deux derniers placés à l'université de Helmstadt par le duc de Brunswic, qui leur en a confié la direction. De plus en relation avec plusieurs gens de lettres en Italie, par un séjour de dix années que j'y ai fait; tels qu'avec mon ami intime Bisani, Sicilien d'origine et auteur d'un voyage littéraire en Grèce, Asie et Afrique; dont il a déjà paru quatre traductions, trois en allemand et une en anglais; l'original étant écrit en français; décoré en outre de la dignité de docteur en philosophie, dont le diplôme m'a été expédié à l'Université de Giessen; sans compter cinq langues que je possède, voilà les titres que j'ose présenter à Votre Excellence, comme protecteur des Sciences et de tous ceux qui les cultivent; je sens bien qu'il m'y manque le plus grand, celui de votre bienveillance; j'ose l'implorer en ma faveur et si le témoignage de personnes connues à Petersbourg peut y influer; je n'hésiterai pas un instant à nommer à Votre Excellence, Monsr le Pasteur Lampe, les Conseillers de la cour Adelung, Hinrichs, Weisse, comme des amis particuliers, qui eux mêmes m'ont engagés à me rapprocher de Charkow, comme un endroit favorable à mes talens pour l'histoire universelle et les belles lettres. Qu'il me serait doux, après les informations prises sur mon compte, d'y ajouter le suffrage de Votre Excellence et de nourrir un espoir qui m'a fait renoncer à ma patrie et quitter l'Allemagne pour venir en Russie jouir d'une époque si favorable aux lumières et aux arts sous le regne glorieux d'Alexandre I. Si sans être indiscret, Votre Excellence voulut me permettre de la prier de m'honorer d'un mot de réponse adressé à W. le professeur Mathai à Moscou, auprès du quel je vais me rendre; je regarderai cette faveur comme très précieuse et qui mettrait le comble à ma reconnaissance. Ayant l'honneur d'être avec le plus profond respect.

De Votre Excellence.

Le très humble et très obéissant serviteur L.
Ruiften. D. en Philosophie.

Charkow le 26 Janv.
1805.

мѣстнаго учебнаго вѣдомства—попечителя университета Сев. Ос. Потоцкаго они могли ожидать только сочувствія и прямой поддержки этой мѣрѣ, потому что онъ также стоялъ за приглашеніе иностранцевъ и самъ лично много сдѣлалъ въ этомъ отношеніи. Съ другой стороны и иностранныя знаменитости не отказывали въ своей рекомендаціи разныхъ кандидатовъ, во 1-хъ, потому что такое порученіе не могло не льстить ихъ самолюбію, а, во 2-хъ, и потому что въ ученой и педагогической западно-европейской средѣ того времени было не мало охотниковъ переселиться въ Россію, чтобы тамъ насаждать науку и вмѣстѣ съ тѣмъ устроить свое личное благополучіе; при томъ иностранная колонизація въ предѣлы Россіи, въ началѣ царствованія Императора Александра I-го, приобрѣла интенсивный характеръ и естественно, что захватывала не только земледѣльцевъ, купцовъ и промышленниковъ, а и педагоговъ и чиновниковъ; такъ было впрочемъ не только теперъ, но и въ старину.

Здѣсь съ благодарностью мы должны упомянуть имена двухъ нѣмецкихъ профессоровъ—*Мейнерса* и *Сарторія* (въ особенности перваго), которые взяли на себя трудъ рекомендовать для Харьковскаго университета достойныхъ преподавателей. Сарторій ¹⁾ рекомендовалъ на ту ка-

¹⁾ Вотъ его письмо.

Göttingen, d. 28 Jul. 1805.

Euer Wohlgeboren.

Bin ich für Ihr gütiges Bedenken gehorsamst verbunden. Meine hiesige Lage erlaubt es mir nicht Ihrem Antrag weiter zu verfolgen. Schon was ein oder anderthalb Jahren bin ich um die Besetzung dieser Professur befragt worden. Wenn ich mich recht erinnere, so geschah die Anfrage durch den Herrn geheimen Rath von Göthe an welchen sich desshalb der Herr Graf Potocki gewandt hatte. Damals habe ich bereits Herrn von Kouverden einen jungen hoffnungsvollen Mann, der hier studirt hat, und sich jetzt im Münsterschen aufhält, zu dieser Stelle vorzuschlagen. Noch jetzt weiss ich niemanden, der mir mehr dazu geschickt schiene. Seine Abhandlung über das Staatspapiergeld habe ich in den Götting. gel. anzeigen v. diesem Jahre № 41 S. 401 recensirt. Vielleicht dass Sie auf ihn reflectiren. Soviel ich weiss ist er weiter noch nicht versagt, doch habe ich in den letzten Zeiten keine nähere Nachricht von ihm gehabt.

Mit den besten Wünschen für das Gedeihen Ihrer Universität, für Ihr eigenes Wohlergehen habe ich die Ehre zu seyn.

Eu. Wohlgeboren
gehorsamster Diener G. Sartorius.

Wen Sie etwa Herrn von Kouverden wahlen sollten, so will ich es gern über mich nehmen die Correspondenz mit ihm desshalb zu befragen.

(На оборотѣ)

A Monsieur
Monsieur Stoikowits professeur
en l'université de et.
à Charkof.
en Russie.

оедру, которую предлагали ему самому въ Харьковѣ, своего ученика *Ковердена*, о диссертациі котораго онъ сдѣлалъ отзывъ въ Геттингенскомъ ученomъ указателѣ. Историкъ европейскихъ и въ частности нѣмецкихъ университетовъ Мейнерсъ вошелъ въ сношенія едва ли не со всѣми профессорами Германіи, съ цѣлью побудить ихъ занять кафедры въ Харьковскомъ университетѣ. Совѣтъ, какъ и слѣдовало ожидать, отнесся къ рекомендаціямъ этихъ двухъ свѣтилъ нѣмецкой учености съ полнымъ уваженіемъ. Въ виду того интереса, который представляютъ отзывы о тогдашнихъ ученыхъ Мейнерса, мы приводимъ письмо его въ примѣчаніи дѣликомъ ²).

Je suis infiniment sensible à la confiance, dont Votre Excellence a voulu m' honorer. Je m'enpresserai à me rendre digne de cette confiance d'un homme d'état, également illustre par ses merites, comme par son nom, et son rang. Les commissions, que Ms. de Mouravyeff m'a données, m'ont mis en relation avec presque tous les savants Allemands. La plupart des savants, qui cherchaient un sort plus heureux, se sont adressés à moi. Je me suis informé très epartément sur tous ceux, que je voyais dignes d'être recommandés. Votre Excellence peut donc être assurée, que ceux, que je nommerai, feront honneur à ma recommandation, et à l'université de Charkow. Votre Excellence permettra, que je m'adresse, du moins pour la première fois, à elle même. Pour le futur, je ne ferai aucune difficulté à entrer directement en correspondance avec l'université de Charkow, si elle me fait l'honneur, de m'y inviter. Sans cela elle serait peut être etonnée, si je voulais lui offrir mes services. Je suppose, que les professeurs de Charkow reçoivent 2000 roubles de pension, et que les veuves, et les enfants des Professeurs sont traités de la même manière, comme ceux de Moscou et de Dörpat. Les professeurs, que j'ai envoyés à Moscou, ont reçu pour les frais du voyage 1000 roubles, s'ils n'étaient pas mariés; 1500 roubles s'ils avaient des femmes et des enfants. Il me parait, qu' on ne peut pas offrir moins à ceux, qui iront à Charkow. Après ces préliminaires j'ose recommander à Votre Excellence

I. Pour l'art vétérinaire.

Le célèbre professeur Pilger à Giessen, auteur de système de l'art vétérinaire en cinq volumes. C'est sans doute le premier ecrivain dans la branche des connaissances, qu'il a enseignées depuis bien d'années avec le plus grand succès. Ce savant ira à Charkow, et votre Excellence pourrait donc m'envoyer sans delai la vocation.

II. Pour les Mathematiques appliquées.

a) Le célèbre Professeur Hauff à Marbourg, auteur de beaucoup d'ouvrages estimés, et dernièrement d'un ouvrage sur la Géometrie, qui est plein d'idées neuves et lumineuses. Ms. Hauff est aussi très bon Astronome et Phisicien. Il n'y a pas de Professeur à Marbourg, qui puisse se glorifier d'un auditoire aussi nombreux, que Ms. Hauff. Votre Excellence pourrait aussi envoyer immédiatement la vocation pour ce savant-la.

b) Pour les sciences militaires je ne saurais recommander un homme plus savant et plus exprimenté, que Ms. Lasius, jadis Capitaine dans notre corps et inspecteur des ponts et des chaussées. Ms. Lasius a écrit beaucoup d'ouvrages estimés principalement sur le Hartz. Il a enseigné autrefois dans une école militaire.

Изъ тогдашнихъ европейскихъ государствъ наибольшее число профессоровъ дали Германскія страны, за тѣмъ Франція. Но рядомъ съ этимъ германо-романскимъ потокомъ шла къ намъ и славянская струя. Проводниками этого элемента были попечитель Потоцкій и профессор Стойковичъ, пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ въ совѣтѣ и бывшій одно время ректоромъ, а также исправлявшій должность проректора, секретаря совѣта, декана, члена училищнаго комитета. Завадовскій (министръ народнаго просвѣщенія), говоритъ академикъ М. П. Сухомлиновъ, въ письмѣ къ Потоцкому указывалъ на Славянскія

III. Pour le droit naturel, le droit public et politique un jeune savant Covoerden, auteur d'un ouvrage très bien écrit sur le papier monnoye. Il a fait des voyages en Allemagne, principalement à Vienne, avec beaucoup de fruit.

IV. Pour l'Economie politique et morale.

Le Docteur Rahn à Helmstadt, où il a enseigné depuis plusieurs années avec beaucoup de succès. Il a écrit plusieurs ouvrages, dont je ne me rappelle pas dans ce moment les titres. On m'a aussi recommandé le Professeur Bensen à Erlagen, mais je ne suis pas certain, si ce savant irait à Charkow.

V. Pour la statistique.

Le Professeur Schütz à Halle, fils du célèbre Editeur de la Gazette universelle de littérature.

VI. Pour la Technologie.

Ms. Brodreich, conseiller de regence d'un Prince dans la... et auteur des meilleurs articles technologiques dans l'Encyclopedie Allemande, qui a été publiée à Francfort.

VII. Pour la Physiologie et Pathologie.

Le docteur Veit à Hambourg, connu par plusieurs écrits et extrêmement recommandé par les célèbres savans de la même ville, Mrs. Reimarus et Arnemann. Mrs. Veit est aussi très bon Chimiste. Il a donné des cours de Physiologie à Hambourg, qui ont été beaucoup suivis.

VIII. Pour l'Anatomie.

- a) Le Professeur Fuchs à Winnebourg, où
- b) Le docteur et professeur Hempel à Goettingue, auteur d'un système d'Anatomie ou
- c) le docteur Rosenthal à Greifswalde, que le célèbre Loder à Halle m'a beaucoup loué.

IX. Pour la Therapie, et Medicina forensis.

Le docteur Sibert à Halbestadt, auteur de plusieurs ouvrages très estimés et recommandé particulièrement par le célèbre Reil à Halle.

X. Pour la Clinique.

- a) Le docteur Dreissig à Koenigstein en Saxe auteur d'un ouvrage, qui a été traduit en Français et recommandé aux écoles Françaises, ou
- b) le docteur Mathaei à Venden, Médecin également connu et estimé.

XI. Pour la Chimie.

Le célèbre professeur Linck à Rostock.

области, откуда слѣдуетъ приглашать ученыхъ, для которыхъ не чуждъ русскій языкъ. Преподаваніе на русскомъ языкѣ тѣмъ удобнѣе было для приглашаемыхъ въ Россію славянъ, что въ исходѣ XVIII-го вѣка русинскій языкъ получилъ права гражданства. Во Львовскомъ университетѣ читали на русскомъ языкѣ богословскія науки, чистую и прикладную математику, физику теоретическую и практическую, философію и другіе предметы. Вислѣдствіи ученымъ Карпатской Руси предоставленъ былъ выборъ всѣхъ свободныхъ кафедръ въ Казанскомъ и Харьковскомъ университетахъ, которыхъ на ту пору было около 20, съ различными служебными преимуществами¹⁾. Потоцкій и до открытія университета, и въ теченіе перваго десятилѣтія по учрежденіи его, приглашалъ ученыхъ и педагоговъ славянъ для занятія учительскихъ должностей въ огромномъ Харьковскомъ учебномъ округѣ и всячески имъ покровительствовалъ; въ лицѣ же Стойковича эти послѣдніе имѣли истиннаго отца и земляка, старавшагося устроить ихъ на хорошихъ мѣстахъ и двигать по чиновничьей карьерѣ. На сторонѣ этихъ выходцевъ было одно огромное преимущество передъ нѣмцами и французами—имъ не трудно было усвоить русскій языкъ въ такой степени, чтобы объясняться на

XII. Pour l'accouchement.

a) Le Docteur Gumprecht à Goettingue, qui a beaucoup d'auditeurs, et beaucoup de Pratiques où

b) Le docteur Liebsch à Goettingue, qui a moins de pratique, mais plus de génie et d'érudition. Le dernier a écrit plusieurs ouvrages qui font beaucoup espérer.

XIII. Pour l'Histoire Naturelle.

Le célèbre Professeur Schwaedrichen à Leipzig, qui va faire un voyage à Crimée, par laquelle il pourrait aller à Charkow.

XIV. Pour la Botanique.

Le docteur Mohr à Kiel, connu par plusieurs ouvrages, dernièrement par un voyage intéressant en Suede.

Voilà les Candidats pour les sciences, pour lesquelles Votre Excellence m'en a demandée. Je pourrais encore nommer des Candidats très dignes pour la littérature orientale, la littérature Greque et Romaine, pour la belle littérature moderne, pour la jeune pédagogie, pour l'histoire, et pour la langue Allemande et Anglaise. Si l'université de Charkow a besoin de livres ou d'instrument, etc. je suis en état de lui en procurer de très bons et par un prix modique. On pourrait avoir à présent une collection choisie d'ouvrages anatomiques, que le celebre Lentin à Hannover a laissé.

En attendant les ordres de Votre Excellence j'ai l'honneur d'être avec un profond respect.

Son très humble et très obéissant serviteur C. Meiners.

Goettingue XVII. fevrier
1805.

¹⁾ М. И. Сухомлинова. Изсл. и статьи, т. I-й стр. 70.

немъ и даже съ грѣхомъ пополамъ писать ученые труды. Но нельзя не прибавить, что въ научномъ и общественномъ отношеніи славяне стояли ниже романо-германцевъ: у нихъ не было ни глубокой эрудиціи, ни талантовъ, ни талантовъ въ передачѣ свѣдѣній французовъ, а въ качествѣ общественныхъ дѣятелей они доводили до крайностей политику „реальныхъ интересовъ“.

Что касается приглашенія русскихъ профессоровъ для занятія вакантныхъ кафедръ, то это дѣло встрѣчало большія препятствія въ недостаткѣ лицъ, которыя бы удовлетворяли необходимымъ требованіямъ для подобныхъ занятій. Тѣмъ не менѣе число профессоровъ русскаго происхожденія, какъ мы видѣли уже, постоянно увеличивалось и къ концу десятилѣтія сравнялось съ числомъ иностранцевъ. Что касается научныхъ достоинствъ всѣхъ этихъ лицъ, то мы подробно поговоримъ о нихъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ; теперь же только замѣтимъ, что къ тремъ выдающимся представителямъ русской партіи—(Рижскому, Осиповскому и Тимковскому) въ это время присоединился еще четвертый—Успенскій.

Таковы были два способа, которыми пользовался совѣтъ для пополненія своего состава: а) *приглашеніе* новыхъ профессоровъ изъ заграницы и б) приглашеніе на должность профессоровъ русскихъ ученыхъ. Но очень скоро Харьковскій университетъ сталъ пользоваться еще и третьимъ средствомъ—*приготовленіемъ къ профессурѣ собственныхъ писемцевъ*. Этотъ третій способъ вызывался даже самимъ уставомъ, создавшимъ въ помощь профессорамъ институтъ адъюнктовъ и магистровъ требовавшимъ командировки молодыхъ людей для усовершенствованія въ избранной ими спеціальности за границу. Въ короткое время Харьковскій университетъ приготовилъ изъ среды своихъ питомцевъ шесть адъюнктовъ, въ числѣ коихъ мы находимъ почтенныя имена Павловскаго (математика) и Комлишинскаго (физика). Хорошою школою могъ также служить основанный при университетѣ Педагогическій институтъ, гдѣ преподаваніемъ наукъ занимались магистры, получавшіе отъ министерства опредѣленное содержаніе.

Но совѣтъ Харьковского университета измѣнялся не только вслѣдствіе приглашенія новыхъ профессоровъ, а и вслѣдствіе производства ректоровъ въ адъюнкты, адъюнктовъ—въ экстраординарные, экстраординарныхъ—въ ординарные профессора. Отъ правильнаго исхода этихъ выборовъ зависѣло многое, въ томъ числѣ и научный уровень самой профессорской среды. Какъ же происходили эти выборы? Въ какой мѣрѣ они удовлетворяли чувству общественной справедливости? Не было ли гдѣсь какихъ либо вопіющихъ злоупотребленій или ошибокъ? Какіе

результаты имѣла практика выборнаго начала въ то отдаленное время? Въ какой мѣрѣ профессорская collegia оправдала довѣріе, оказанное ей юнымъ Монархомъ, такъ искренно и глубоко вѣровавшимъ въ живыя силы образованнаго русскаго общества?

Въ отвѣтъ на всѣ эти вопросы мы должны повторить то, что сказали выше о выборѣ должностныхъ лицъ: въ общемъ производства соотвѣтствовали дѣйствительнымъ научно-педагогическимъ заслугамъ аспирантовъ и только въ послѣдніе годы (съ 1812) мы замѣчаемъ отступленіе отъ этого правила по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ, искавшимъ степени магистра и доктора. Но для оцѣнки хода этого дѣла мы должны помнить, что лицъ, обладавшихъ должнымъ образовательнымъ цензомъ для полученія званія ординарнаго или экстраординарнаго профессора, было недостаточно и потому по необходимости приходилось иногда давать это званіе и тѣмъ, у кого не было докторской степени. И въ этомъ часто не было никакой бѣды: было отступленіе только отъ буквы закона, но не отъ его сущности. Это, напримѣръ, нужно сказать относительно многихъ русскихъ профессоровъ: наиболѣе замѣчательные изъ нихъ, пріобрѣвшіе извѣстность своими учеными трудами, — Рижскій, Тимковскій, Осиповскій — не имѣли высшей ученой степени и потому совѣтъ 18-го декабря 1807 г., по представленію этикополитическаго отдѣленія, положилъ дать этимъ лицамъ, а также профессору Белленъ-де Баллю, во уваженіе къ ихъ занятіямъ философскими науками, степени докторовъ философіи (*honoris causa*). Это было вполнѣ справедливо по отношенію ко всѣмъ имъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вызывалось необходимостью. Дѣло въ томъ, что нѣсколько раньше совѣтъ постановилъ, согласно съ уставомъ, „чтобы каждый адъюнктъ, не имѣющій степени доктора и желающій быть профессоромъ, равно экстраординарные профессеры, желающіе поступить въ ординарные, старались получить отъ университета достоинство доктора“. Для полученія докторской степени тогда требовался экзаменъ; но иногда она давалась повидимому и прямо за ученые труды, *honoris causa*. Вообще совѣтъ стремился въ этомъ дѣлѣ не столько соблюдать форму, сколько добиться убѣжденія, что данное лицо дѣйствительно можетъ быть удовлетворительнымъ профессоромъ. Съ этою цѣлью онъ между прочимъ иногда постановлялъ посѣщать лекціи извѣстнаго адъюнкта, желавшаго сдѣлаться экстраординарнымъ профессоромъ. Въ своемъ заключеніи о достоинствѣ научныхъ трудовъ кандидата совѣтъ основывался обыкновенно на отзывѣ соотвѣтственнаго факультета, и такой порядокъ является, конечно, совершенно естественнымъ и справедливымъ. Чтобы яснѣе представить дѣло въ боровъ, иллюстрируемъ его тремя примѣрами.

27-го сентября 1807 г. адъюнктъ Ванотти вошелъ съ прошеніемъ въ совѣтъ о производствѣ его въ экстраординарные профессора и при этомъ представилъ два сочиненія свои—1) Handbuch der Feldarznei и 2) о прививаніи оспы (на польскомъ языкѣ). Отдѣленіе врачей наукъ, разсмотрѣвъ эти работы, по порученію совѣта, донесло, что всѣ члены его считаютъ адъюнкта Ванотти достойнымъ званія экстраординарнаго профессора. Посему Ванотти и былъ избранъ въ эту должность совѣтомъ и это избраніе представлено на утвержденіе попечителю¹⁾. Вотъ образецъ выборовъ, которые не возбуждали ничьего сомнѣнія въ совѣтъ и прошли поэтому совершенно гладко.

Совѣтъ инымъ характеромъ отличались выборы Паки де Совиньи, бывшаго адъюнктомъ у профессора Белленъ де Баллю и пользовавшагося очень плохую научною репутациею. 5-го апрѣля тогоже 1807 года, онъ представилъ въ совѣтъ прошеніе о производствѣ въ ординарные или экстраординарные профессора по кафедрѣ латинской словесности и при этомъ слѣдующіе рукописные труды: 1) Grammaire Française, 2) Elementa rhetoricae и 3) Methodus latinae linguae. Совѣтъ поручилъ дать заключеніе объ этихъ сочиненіяхъ профессорамъ де Баллю и Шаду. Профессоръ Белленъ де Баллю далъ благопріятный отзывъ, заявивъ, что риторика адъюнкта Совиньи, почерпнутая изъ самыхъ лучшихъ сочиненій (напримѣръ, Баттю и др.), если будетъ исправлена въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и дополнена, то окажется небезполезной для русскаго юношества, обучающагося французскому языку; другое его сочиненіе „Clef de la langue latine“, по краткости и ясности своей, имѣетъ преимущество передъ другими трудами, но требуетъ всетаки многихъ исправленій. И такъ какъ отсюда видно, что Паки де Совиньи сверхъ рачительнаго исполненія своей должности еще содѣйствовалъ пользѣ университета своими трудами, то онъ, Белленъ де Баллю, считаетъ его достойнымъ выбора въ ординарные профессора. При этомъ Белленъ де Баллю предложилъ, чтобы *впредь* адъюнкты и экстраординарные профессора, желавшіе получить высшую должность, подвергались публичному экзамену на степень доктора, ибо профессора, не имѣющіе докторскаго достоинства, не могутъ производить въ эту степень и другихъ.

¹⁾ Въ одномъ изъ сентябрьскихъ засѣданій совѣта тотъ же Ванотти прочелъ трактатъ „De sensibilitate organismi humani“, который сохранился въ рукописномъ видѣ въ дѣлахъ университетскаго архива и долженъ былъ также оказать извѣстное вліяніе на исходъ выборовъ. Слѣдуетъ впрочемъ прибавить, что попечитель не утвердилъ Ванотти въ званіи профессора.

Но профессоръ Шадъ далъ отрицательный и притомъ мотивированный отзывъ о сочиненіяхъ Паки де Совиньи и онъ оказалъ рѣшительное вліяніе на исходъ его дѣла. Шадъ заявилъ, что латинская грамматика адъюнкта Совиньи (въ двухъ большихъ томахъ), по обширности своей, не можетъ быть полезна для юношей, обучающихся латинскому языку, и что г. Совиньи сдѣлалъ бы лучше, если бы, не прибавляя ничего отъ себя и изъ другихъ сочиненій, перевелъ на французскій языкъ латинскую грамматику вѣмца Бредера, изъ которой онъ сдѣлалъ не мало позаимствованій. И въ виду того, что грамматику и реторику Паки де Совиньи нельзя считать самостоятельнымъ сочиненіемъ, а только компиляціей, заимствованной изъ другихъ авторовъ и свидѣтельствующей о его трудолюбіи, но отнюдь не о способностяхъ и дарованіи, а также потому что онъ не знаетъ греческаго языка и другихъ наукъ, необходимыхъ для преподаванія латинской словесности, онъ, Шадъ, не можетъ согласиться на удовлетвореніе его просьбы о производствѣ изъ адъюнктовъ въ профессора. Совѣтъ постановилъ, чтобы адъюнктъ Совиньи подвергся для полученія степени доктора предписанному уставомъ экзамену.

А вотъ третій случай. 10 мая 1805 г. докторъ Бернардъ Рейтъ вошелъ въ совѣтъ съ прошеніемъ о назначеніи его на должность ординарнаго профессора. Совѣтъ, съ цѣлью удовлетворить его просьбу, прочелъ старыя письма, адресованныя къ нему попечителемъ Потоцкимъ 2 сентября 1804 года; изъ нихъ оказалось, что въ то время Рейтъ не былъ прямо назначенъ ординарнымъ профессоромъ, но могъ получить эту должность впослѣдствіи времени, при условіи чтобы университетъ ознакомился съ его познаніями и правами. Въ виду этого совѣтъ рѣшилъ, чтобы всѣ ординарные профессора, по крайней мѣрѣ по одному разу въ мѣсяцъ, посѣщали его лекціи и высказали по поводу ихъ свое мнѣніе. Но утвержденъ былъ въ званіи профессора адъюнктъ Рейтъ также точно, какъ и Ванотти, только въ 1811 году, когда сразу освободилось много кафедръ; veto на рѣшеніе совѣта наложено было въ министерствѣ. Три приведенные нами случая доказываютъ, что должности ординарнаго или экстраординарнаго профессора добиться было не особенно легко; это же подтверждается и рассказанными нами выше фактами изъ исторіи университетскихъ промоцій: и совѣтъ, и министерство, оберегая достоинство университета, относились къ этому дѣлу съ должною осторожностью, хотя и подвергались подъ часъ настоящей атакѣ со стороны такихъ, не въ мѣру уже настойчивыхъ, лицъ, какъ, напр., Паки де Совиньи, добившійся, наконецъ, экстраординатуры въ 1812 году.